

Valentin Scavr

Автор: Valentin Scavr

Оглавление:

- [Maledictum, Liber Primus](#)
- [Maledictum, Liber Secundus](#)
- [Maledictum, Liber Tertius](#)
- [Codex Decium \(Русский текст\)](#)
- [Codex Decium \(Латинский текст\)](#)
- [Codex Tenebrarum](#)
- [Codex Daemonorum](#)
- [Euangelium Antichristum](#)
- [A Morte Invocare](#)
- [Sacrophagia](#)
- [Demogorgon](#)

Maledictum, Liber Primus.

Автор: Valentin Scavr

Темной памяти Майда и Мисси посвящается.
Их мужеству, искренности и чести.

*" Когда окажется много людей, способных ко Злу,
некоторые из них - те, что будут
более всех любезны Аду,
смогут претворить это Зло в жизнь "*

I

На рубеже новой эры, когда медленно угасали древние боги, вместе с исходящим с востока солнечным светом, человеческий мир ожидал пришествия новой силы, несущей спасение. Ex Oriente Lux. Так выражалось это ожидание в латинской пословице. И мир дождался, забыв о том, что вслед за днём неминуемо приходит ночь, и Свет поглощается Тьмой...

Эпоха пасмурного дня подходит к завершению. Драматичное полотно хаотического распада застилает блёклые тона отживших фресок человеческого мира, который, уже тронутый сумерками, готовится к погружению в бездонную ночь.

Сумерки богов. Сумерки сознания. Закат человечества. Всё пересеклось в одной точке, в тени падающего креста.

И, переступая черту третьего тысячелетия, мы произносим:

Ex Oriente Tenebrae...

II

Сплошным фронтом, предваряя приход Тьмы, несётся смерч, сметающий на своём пути все устои и привычные положения сущностей.

Он вносит Хаос и смятение в души людей и побуждает низвергнутые ранее Силы к мятежу. Он - Демон, предвестник грядущих времён. Перед Его неумолимым напором держатели истин прошлых веков с неохотой выпускают из своих ослабевших рук жезлы власти.

Могучие некогда колоссы, долгое время бывшие первыми и единственными, замечают, как шатается опора под их ногами, но не понимают, какая сила пригибает их к земле и ставит на колени.

Они по-прежнему упорны в отстаивании своей "непогрешимой" правоты, но эхо их "ego" теряется в бесчисленных залах лабиринта, созданного руками их верных рабов.

Действуя так, они видят то, что хотят видеть, но чувствуют, что время агнца истекло, и не могут поверить этому.

Они чувствуют горький запах надвигающейся грозы.

Они веками пытались убедить себя в незыблемости своего положения, и теперь не могут понять, почему в воздухе смердит тревогой.

Они берут ключи от темницы и спешно проверяют запоры - их Главный Враг должен быть там, но Его там нет. Там тот, кого они создали за века, над кем долго праздновали свой "триумф", кого делали виновником всех своих бед.

Они заглядывают в темницу... Там лишь озлобленное отражение их самих. И они вполне достойны своего зеркала.

Они - изжившие себя принципы, вассалы бога, и трещины в его троне.

Дыхание Тьмы обнажает их язвы, срывает с их лиц коросту масок, и они предстают перед всеми в своём неприглядном нагом облике. Им нечем скрыть его, потому как все их роскошные одеяния видятся ветхими тряпками.

Им не к кому обратиться за поддержкой, многочисленное человеческое воинство растеряло своих святых, растащило их кости, а их вычищенные, выхолощенные души расклеило на фасаде небес.

Они прикрываются именем бога, но нам это имя ненавистно, и в наших глазах это лишь усугубляет их вину.

Они надеются на то, что христианская церковь, вскормленная ими, встанет на их защиту. Церковь стара, в её жилах течёт остывающая кровь Христа, и она готова торговаться ради того, чтобы продолжать своё покойное существование и далее, в блеске и величии.

Церковь, пряча за благодушием страх за собственную шкуру, отворачивается от них, и готова обратить их в золото для удобства в торговых сделках.

Покинутые, преданные, извращенные всеми, они могут взывать лишь к своей последней надежде, к своему создателю.

И распятый вновь сойдёт на землю, но не ранее того, как миазмы тлена и смерти, отравляя воздух вплоть до самых небес, выкурят его оттуда.

В тот час мы будем готовы, мы будем ожидать его...

А пока, они теряют силы с каждым днём и видят, как надвигается Тьма, как пожирает себя человечество, как воздвигаются всё новые церкви, возвышающиеся, как гробницы. Это и есть гробницы - последнее прибежище издыхающего здесь бога. И сейчас земля более чем когда-либо, напоминает кладбище.

Молнии, прорезающие сгустившиеся сумерки, всему возвращают свою истинную окраску.

Кто имеет мудрость, тот видит - сие пятна на челе бога, и блеск короны Сатаны.

III

Да, расхлябанный ритм маятника вещает о близящемся тёмном часе Вселенной.

Рёв Дракона, проснувшегося голодным, сотрясает багряное марево угасающего мира и заставляет содрогаться от ужаса утомлённые народы.

Он пророкотал среди теснин ущелий и громом отразился от вздыбившихся скал - человеческих жилищ.

Он обрушился на землю, погребая под собой последнюю надежду на спасение человечества, и поднял едкую пыль, поглощающую саваном мглы лучи заходящего Солнца.

Повинуясь этому зову, Вечная Ночь простирает свои антрацитовые крылья, готовясь поглотить все пространства от горизонта до горизонта, - она обрела право властвовать безраздельно. Повинуясь зову, все порождения Сатаны, властители Тёмных истин, прорвали границы всего круга земель и по многочисленным коридорам ринулись внутрь, отравляя своей сущностью то, чего ещё не коснулось разложение. Повинуясь зову, горгульи снялись с насиженных мест и взмывают в воздух, рассекая крылами бездушный мрак, кружа в ожидании падали. Сумеречные химеры, вьющие гнёзда в людских головах, усердно пятнают воплощения человеческих идеалов и извергают потоки нечистот на осыпающиеся, как штукатурка, харизмы христианских идолов...

Всё то, что было мертво и проклято, в ожидании этого часа оборачивается на зов, скрипя застывшими суставами. В глазах всего того, что было проклято и мертво, разгорается огонь нетерпения, огонь желания вернуться к жизни, пусть даже жизнь эта не будет жизнью живого. Мёртвое и проклятое возвращается. Мрачные картины Апокалипсиса, выписанные в реальности уверенными мазками кисти Дьявола.

Апофеоз распада достиг своего пика.

Знамена, нанизанные одно на другое, не имеют более ценности с тех пор, как десница Дьявола обрушилась на хребет агнца, и низвергла хрупкие, как фарфор, человеческие судьбы в бездонную пропасть.

Близка ночь пылающего гнева Дьявола.

Почти так скрежетал зубами Фома Челанский, внезапно разглядев сквозь пелену семи с лишним веков наступление Тёмной Эры:

"Nox Irae Nox Illa
Solvat Saeculum in favilla".

"Ночь Гнева, ночь сия,
Когда мир будет обращён в пепел"...

IV

Мы вступили в этот мир подобно тому, как вступает в него человечество - через врата плоти. Мы ворвались в него в тот самый миг, когда Мгла выплеснулась из границ ночи, и изо всех вскрывшихся язв заструился черный яд.

Сумерки сгущались перед нами. Тогда кровь стала миру пурпурной каймой, и обретающий глубину ореол злодеяния воззвал к жизни цвета Имаго Дьявола.

То было знаком нашего рождения.

Рождения Апостолов Сатаны.

Происходящие от Тёмного начала, взлелеянные Адом, мы устремились в трещины, паутиной испещрившие древние преграды, отделявшие нас от вожделенной цели - мира, самонадеянно именующего себя творением Божиим.

Мы смешались с чёрным ядом и стали частью Вихря Тьмы, порой сокрушающего, как молот, а порой жалящего, как змея.

По праву своего рождения, мы части той воли, что ступает властно и размеренно по сердцам и душам,

с единственной целью -

положить человеческий мир к стопам Сатаны.

И нами изведаны все извилистые пути Тёмного духа, пролегающего через наши души и проникающего во все запредельные уголки человеческого сознания.

V

С наших плеч, облачённых в тяжелые доспехи ответственности за победоносные действия, ниспадает изящная мантия дипломатии, скреплённая у самого горла фибулой кровавого договора. За бронёй наших панцирей дышат пламенами ненависти наши сердца - дёготь в обрамлении запёкшихся сгустков гнева.

Багровые отметины, оставленные нами, вопят о том, что мы явились в сей мир во всеоружии.

Совершенная сталь наших клинков рождена во Тьму, в лучших кузницах Ада, и безукоризненно рассекает свет и ангелов с грязными лицами.

Нас толкает вперёд неутолимый голод наших ненасытных, пульсирующих в одном ритме со Тьмой, душах, и удушающая жажда совершения *злодеяний*. И венчает наш безудержный порыв *абсолютная любовь к Злу*.

Мы всей своей демонической сущностью ощущаем, как опаляющее дыхание позади нас пышет жаром, обжигая нас яростью.

Мы знаем, - это все силы Преисподней сплотились за нашими спинами для решающего броска, и только ожидают наших первых успехов. Высшие Демоны, обучавшие нас тактике и стратегии Ада, неотрывно следят за каждым шагом своих учеников.

И с высот своего трона Дьявол направляет в цель наши удары, делая их неотразимыми и незнающими жалости.

Обладая мириадами изощрённых способов выполнения воли Сатаны, мы, если понадобится, применим их все

для достижения Его победы.

VI

Мы видели восход мира и вели цивилизации к гибели, мы топили в крови даже звёзды, и превращали Путь Млечный в Путь Кровяной.

Подвластные нам стихии шли войной друг против друга, когда мы спускались в недра Земли, следуя знакам Нигриора, и разрывали глубинные её пласты, чтобы насладиться вкусом огненной её сердцевины.

Мы поднимались к вершинам, упиравшимся в звёзды, где пагуба высиживала свои яйца, и разоряли её гнёзда, и пригвождали к перекладам её детёнышей.

Мы смеялись над корчами сынов божиих, и наш смех рождал ураганы, и топил континенты. Легенды остались *лишь благодаря нашему великодушию*...

Мы сходились на ристалищах с ангелами, и их белые перья покрывали острые скалы, подобно снегу.

Мы вдыхали в души людей пламя, но их жидкие страсти гасили его до последней искры.

Мы восхищались, видя, как мятежные сыны Земли становятся сынами Сатаны, и причисляли их к Инфернус.

Но гниющее мясо распятого дало жизнь червям, плодящим потомство, и распространявшееся зловоние отравило Вселенную.

Обладая временем Вечным, мы преисполнялись гнева и, циркулируя среди Теней, теряли терпение. И это возвало нас к войне из огненных пучин Геенны. Меч карающий, пронзивший небо, завибрировал вновь.

Полог Тьмы опустился на Западные земли...

Пришло наше время.

И ныне, впрочем, как всегда, наши руки не останутся праздными.

VII

Dicto Diabolo...

Мы уподобимся саранче, пожирающей всё на своём пути, и не оставим позади ничего, что хранит в себе образ и подобие божие.

Мы, словно стая хищников, будем рыскать в поисках добычи, призывая собратьев на пиршество, когда её настигнем. И над обглоданной жертвой мы не забудем, упоённые охотой, *ради Кого* мы это делаем, и *Кому* преданы *до когтя*.

Мы соединим свои тугие артерии с коммуникациями человеческого мира, и его захлестнёт волна нашей свежей, клокочущей крови. Её цвет будет чёрным, как самая непроницаемая ночь.

Попирая ногами рыхлые законы, мы обрушим на подмостки мира занавес существующей тени мироздания, который определит финал человеческой трагикомедии.

И при помощи совершенного механизма разрушения, созданного нашими руками по чертежам Дьявола, выкорчем вросший в землю заплесневелый храм бога.

Тогда мы сделаем то, что будет *драгоценным камнем*, заложенным в фундамент Царства Дьявола.

Процеживая мир вязких принципов и идеалов, мы соберём воедино рассеянные зубы Дракона в безжалостную хватку стальных челюстей. Мы призовём под волкоглавые знамёна непобедимую армию из тех людей, что сражаются не за блага мира, не за милосердие божие, а *за право сражаться и отдать свои души* за торжество демонической справедливости.

В тот день звону колокола последней церкви ответит рёв бесчисленных глоток, и это будет сигналом к штурму небес.

Мы знаем, как распахнуть настежь покрытые слизью врата Змея и призвать из глубин гибельные орды бесов. У нас будет время увидеть, как они бурным потоком заполнят разрушенные декорации. У нас есть ключи от всех врат в мире, кроме обитых овчиной врат небесных, но уже готов таран с сокрушающей головой вепря, против этого ключа бессильны любые преграды... Когда дым погребальных костров застелит небеса, и скорбный вой заглушит плач ветра, тогда мы наполним все протянутые к нам кубки горьким вином милости Дьявола, и капли вина, упавшие на спёкшуюся землю, смешавшись с нашей кровью, напоят стойкие ростки расы Демонов.

И ещё не высохшая на пергаменте кровь скрепит вечный союз Дьявола и Человека.

Так хочет Человек, Satanas vult.

VIII

Клокочет драма истекающего времени, времени, в котором под знаком Тьмы и сводами Вечности мы обрели власть и новое рождение, как воплощение самых кошмарных снов человечества. Драма того времени, которому мы отдали всё то, что исторгло его тёмной массой из теснин больных тысячелетий, и исказило необузданным нравом Хаоса.

Безумствует огненная драма конфликтности падшего бытия и отсутствия точки возврата.

Устремившийся в эпохальный разрыв мир, растерзанный, поделенный, расплавленный, корчится в тисках илистых берегов нетленной Вечности, задыхаясь от ненасытности, жадно ловя клочья умирающего времени. Население его - *призраки прошлого*, ещё живущие, но не отбрасывающие своих теней в будущее.

Властвует драма последней черты, за которой - стремнина падения в бездну.

И пучина Мрака и монументальность Зла *там* творцы сурового судилища и блюстители союза между пламенем и тёмной артериальной кровью.

Мощь Эпохи Тьмы неотвратима. Она застыла на мгновение в потоках ядовитых испарений, поднимающихся непроницаемой стеной от юдоли земной, того гиблого места, где подвержены порче как человеческие души, так и святость ангелов. Сквозь пелену тумана мы видим, как доминирует она над Вечностью и тленом, и алчущий клюв её нацелен в обнаженное, дряхлое сердце человеческой Вселенной.

Вдыхая чужой, затхлый воздух, мы ожидаем момента, чтобы порвать вязкость клубящегося времени, отнять его жизнь и возвестить о завершающем сумеречную эпоху вторжении в пределы земного царства.

Тогда, наконец, разрушающийся маятник испорченных часов, отсчитывающий годы *anno domini*, колеблясь, застынет, - и начнётся отсчёт *иного* времени...

Мы ожидаем, вглядываясь во Тьму. Мы опираемся на щиты вверенных нам принципов Высшего Зла, занимая безымянные троны, именно здесь истинное сердце мира, непостоянное, ненасытное, - и здесь самое незащищённое его место; отсюда начинаются любые завоевания, и с этих грандиозных высот, сложенных из человеческих страстей, пороков и преступлений, мы низвергнемся на агонизирующие просторы Хеспериона.

IX

Сколь простирается наш взгляд, всюду черные волны бьются о стены мира...

Всадники, бледные, как смерть, в забрызганных кровью одеждах, реют в атмосфере, потрошат воздух острыми серпами, раскидывают сети в предзакатной Мгле.

Кто может, пусть взглянет на них, - эти достойные выкормыши Ада ловят души, спешно возносящиеся к небу. Они охотятся на дорогах, ведущих в рай.

Их копья нанизывают души в такт истекающим секундам и нашим накалившимся сердцам - искрам вселенского пожара. Им неведома жалость, так же как и мы не знаем пощады. Мы пролили достаточно крови, своей и чужой, чтобы помнить о тонкостях извращённого воздаяния.

Мы терпели голод и лишения, чтобы видеть этот час.

Мы испытывали взлёты и падения, чтобы через долгие века восстать вместе со Тьмой во всём своём величии, и облачиться в пурпурные ткани.

Мы завоевали Дьяволу легионы отверженных душ, и громили непорочные полки божеской армии.

Мы были сухими поленьями, когда огонь Ада питался нашей плотью.

И ныне, в выжженных клеймах на наших душах отчётливо читаемо - Преисподняя. Это - имя Победы.

Что нам страсти и страдания человечества, в сравнении с жертвами, приносимыми нашему Властителю? Лишь ржавые трофеи, сложенные у наших ног.

Мы не колеблемся, когда время так близко.

У нас осталось несколько мгновений на то, чтобы опустить свой взор на колышущиеся хоругви, несущие вязь христовых лабарум. Чтобы взглянуть в лица воинов несметных вражеских ратей, и в студенистые ряды ангельского войска, подёрнутые рябью белоснежных крыл.

Наш взгляд способен проникать в самое их нутро, из пёстрого разнообразия выхватывать их сущности прицелами наших глаз и прожигать негодованием, возвращённым в освобождённых душах, неподвластных устрашению.

Остались считанные секунды на то, чтобы расстелить свитки, испещрённые кровавыми стрелами - Disposition Zum Angriff.

Предстоит феерическое зрелище -

первый этап войны -

объятые пламенем болота.

X

Человечество, ставшее более низким, чем Ад христианских пустословов, человечество, погрязшее в трясине пороков, в жиже неконтролируемых страстей, ищет пути вседозволенности и плодит паразитов. Его претензии на святость и грех невообразимо завышены.

Миллиарды его нечестивых глоток раззявлены в требовательном вопле о справедливости.

В этом они единоклюбы.

Расы и нации, делящие меж собой одну участь, поражены проказой. Они пленники общей лжи.

Зависть, лицемерие и предательство - самые страшные гётии их отношений.

Уравнивая их в правах, веют ветра Чумы, Хвори и Мора. Из тёмных проёмов дверей, распахивающихся в неземные пределы, они ворвались, как вестники всеобщей Гибели. Въедаясь в податливые покровы, они кочуют по иллюзиям хрупкого равновесия, отданного человеческим соблазнам.

И так же из недр болезнь рвёт паразитирующие мечты цивилизаций. Рыхлые законы сотрясают гнойное нутро. Жидкая мораль не держится в пористых артериях и растекается слизью, что сущее наслаждение для мокриц в рясах. Окружённые мёртвыми идолами, они строят свою власть, свои храмы.

Распадающаяся плоть человечества струпами покрывает конструкцию из бездыханных принципов и идеалов.

Столпы, на которые опирается его "вера" и его "непогрешимость", это также его кости, разъедаемые эрозией христианских учений, крошащиеся под непомерной тяжестью диадем алчности, венчающих многочисленные головы, грызущиеся меж собой.

Пока не придёт Тьма, и не заставит их замолчать, чёрные ото лжи, кощунственные рты отхаркивают пустые слова о всеобщем благе, и вдыхают то унаследованное проклятие, что стало разъедающим ядом для лёгких человечества, и вирусом в его крови.

Подобно Пилату, человечество умывает тысячи своих рук перед каждым грязным делом, и не внемлет тому, кого называет богом. Но навечно въевшаяся копоть несмываема с миллиардов грубых душ. Они пахнут жертвенным дымом, курятся серой.

Возлюбленные чада божии тысячи лет более чем упрямо идут по стопам Иуды.

Для них пример повесившегося запечатлён в веках, и топот марширующих ног заглушает призывы распятого на кресте раба.

И ныне зыбкие тропы теряются, упираясь в границы, за которыми грядой возвышаются острые клыки *тёмных* законов.

Человечество в смятении.

В дерзновенных вспышках своеволия оно ведёт войну с богом. Оно отторгает все заветы, и спешно заключает взаимоисключающие пакты.

Сумеречные божки так называемого технического прогресса не защитят человечество. Поиски им "нового" бога, создание многочисленных религий, говорит лишь о том, что человечество окончательно сбилось с пути к вратам рая.

Растерянность отравляет умы и выедаёт глаза, видящие только непроницаемый частокол безнадежности.

Ускользнувшее от клюки доброго пастыря стадо разбредается в разные стороны, и неспособно уже собраться по зову архангельской трубы.

Здесь и везде,

отныне и навсегда,

падшее человечество, слепое человечество,

- законная наша добыча.

XI

Мы слышим стенания и проклятия, они сливаются в многоголосый гул, перерастают в рёв.

После величественной фуги Преисподней теперь они ласкают наш слух своей страстью.

Мы видим потные, согбенные спины и раболепно выставленные в небеса ягодицы, исполосованные бичами хребты народа кирки и мотыги.

Их мозолистые руки строили град на семи холмах, их руки поднаторели в строительстве каменных мешков по заказу испанских фра, их скрюченные пальцы вырывали пищу из глоток себе подобных, а их языки не знали усталости.

Своими деяниями они открыли нам путь, отдавая предпочтение нашей удаче, уступая под натиском нашей фурии. Они проложили сквозь топи гать и выстелили её ковровой дорожкой. Всё было готово к тому, чтобы мы вошли, даже не выпачкав своих ног.

Они не рады - они ввели в свой дом Ад. Они встречают нас потоками грязи, льющейся из их ртов и неумелыми попытками нас остановить.

Но слишком поздно, теперь, когда разверзлась Преисподняя.

Смотрите, небеса густеют, верхние и нижние их уровни забиты до предела желавшими попасть туда и уплатившими назначенную цену, светопрестольные казематы наполнены богоизбранными узниками, отныне они заточены навечно.

Небеса трещат по швам под собственной тяжестью, от ощущения собственной значимости, полыхают огнями и молниями, рвутся от давящих изнутри противоречий. Прорехи щедро ссыпают белую и приторную, дурманящую манну. Это кость, брошенная собакам, аванс за послушание.

С земли обречённой тянутся руки, украшенные стигматами, голодные жадные рты застыли в оскале, глаза узрели, как белый цвет темнеет в атмосфере, сочится кровью, орошает их слезами. Теперь они знают, что скоро выпадет обильный урожай пепла небес. Обманутые, они вопят, обиженные, они стонут.

И молят о возрождении небес спасителем.

Да не отвергнут нас!

Мы принесли бесценный дар - спасение от бога и самого человечества. Их крик: "Hostis Humani generis" относится к нам.

О нет, мы метим гораздо выше, и *всей полноты нашей ненависти достоин один только бог*. Как презираем мы человечество за порок, лицемерие и рабскую сущность, так более всего ненавидим мы небеса за святость в олицетворенной пассивности.

Сметя человечество, мы уберём со своего пути тот хлам, что лежит *меж нами и сердцем бога*.

Именно потому человеческое царство подлежит сокрушению, подлежат свержению надменные олигархи, и подлежат втоптыванию в грязь целые народы.

Упадок, запустение, прах сопутствуют нам в этом.

Мир будет плацдармом для вторжения на небеса и источником ресурсов для достижения победы.

Сие место станет явным доказательством полного воплощения в реальность политики

бескомпромиссных завоеваний и утверждения основ нашей морали - прямолинейной, жёсткой и не признающей уступок и отклонений.

Урхитофель уже обагрил свой меч святой кровью и выпростал его вновь.

В базиликах гады свили свои гнёзда и восполняют запас яда, черпая его из клоак. Народы припадают к болотной жиже и ненасытно пьют из своих ран чёрные воды Стикса. Их жажда неутолима, в их сосудах дурная, малярийная кровь.

Они терзают себя напрасными надеждами, что вслед за ночью вновь придёт день. Они не знают - ночь может быть слишком долгой, чтобы дожить до рассвета.

Они не увидят воспетый ими конец ночи.

Их стоны и вопли услаждают наш слух своей страстью.

Им ничего не изменить.

Да не сорвутся с их губ слова молитв.

**Только проклятия!
Проклятия как молитвы!**

[↑К оглавлению↑](#)

Maledictum, Liber Secundus.

Автор: Valentin Scavr

XII

Небеса говорят - человек, подразумевают - серв. Бог создал Адама из глины и наделил его душой раба.

"Грязь, замешанная на крови" - "се человек".

"Душонка, обременённая трупом" - венец божьего творения.

Позорное клеймо выжжено на челе человека и метит всё его рабское племя. Клеймо бесчестия - невыводимое пятно чумы. Человеческое бытие - самая изощёренная из всех форм рабства, она подразумевает беспредельную зависимость от бога.

При видимой свободе - позолоченные цепи, тянущиеся от тугого ошейника к кольцу, вжатому в незыблемый массив божеского властолюбия.

При попустимой свободе выбора - невозможность альтернативы: райское наслаждение предпочтительней мук Ада.

Метаморфозы перерождения путём воплощения в лик ангельский; при этом небесные чины и иерархии заведомо закрыты для человека.

Божественная милость выражается во всём одним способом - заменой кровопролития пыткой удушения.

Обещания... Обещания... Кнут.

Обещанные неограниченные возможности лежат там, за чертой смерти, где никто уже не способен вырвать человека из цепких лап бога, кроме... Дьявола во гневе, обрушивающегося сверху, пронзающего небесные сферы и истекающего вниз.

Сын божий, терпящий от Дьявола поражение за поражением и распятый Им на кресте, дарит человечеству надежду и новые обещания и говорит о том, что грядёт светлое царство, в котором рабы обретут заслуженный покой, а Дьявол будет сокрушён.

Идеология несбыточных надежд питает человека в его последней схватке за обесцененный рай. Иллюзорность обещанного не травмирует его больную душу, а крушение обескровленных реалий укрепляет рычаги автократии и почти кровные узы, связывающие раба со своим господином. Раб вечного бога награждён бессмертным нутром и роковой безысходностью тенет их сходства.

Месиву из грязи и крови с болотистой душой предначертано являть облик смирения в углях

бездонных зеркал Вселенной, и в невыразимых муках рождать отражение бога, отделяющее самодостаточность оного от жалкой бренности человека.

Человек никогда не сможет полюбить бога, это место чувственной доминанты безраздельно принадлежит любви человека к себе, спроецированной в бога.

Человек как *подобие* лишь вносит изъяны в облик оригинала.

К "чести" творца, тот также не остаётся в долгу, замышленное им сходство обрекает человека носить в своих чреслах проклятие вырождения. Межи ответственности за деяния бога рассекают полость человеческой души на множество оплавленных частей, рвущих друг друга, как псы.

Они - олицетворение неупокоенности, гибкие символы несоответствий. Искупительная жертва агнца, как явление человеку воплощённой надежды, фантомом ускользнула из человеческих рук, оставив на них ожёг обречённости.

И весь пантеон ошибок господина питает в рабе уродливое восприятие истинности собственного существования, ущербность от осознания собственного несовершенства и взращивает губительные злаки эстетики безобразного. Болезненное видение рая и Ада коверкает, извращает и отрицает два истинных начала, рождая химеры, подобные непостоянной человеческой натуре, делая его более несвободным, чем он есть, и затрудняя желаемое им воссоединение с небесами.

Такова цена бремени рабских обязанностей, такова плата за обещанный покой.

Пресмыкающийся под пятой божественной воли, запаянный в оковы судьбы, человек не способен вырваться из теснин божеских дланей. Он волен роптать, способен поднимать хулу на бога и погружаться в пучину страстей и пороков. Но он знает, как безбожно наказуема рукою бога попытка разорвать стальные звенья.

Он предоставлен Вечности и искусам бесплотных слуг Змеи...

В тени идола могущества бога, столпа истины, коленопреклонённый, погружённый в поиск смысла собственного бытия и обременённый им *раб*. Он намертво прибит к позорному столбу и слит с ним воедино. Он здесь же ест, и здесь же испражняется. Он здесь готовится узреть обещанный ему грядущий свет.

Он дремлет в сумерках, он ждёт...

XIII

Самоутверждение человека через пренебрежение волей господней ступает путями жестокостей. Культивируемое человеком *человеческое зло* возводится им в ранг добродетели, в угоду низменным его инстинктам.

Человек угрюмо уничтожает себя и себе подобных в безрассудной попытке вырваться из шагреновой кожи, в которую он облачён собственным создателем. Самоутверждаясь таким образом, он обречён раз за разом повторять бесчисленные вариации на темы библейских сюжетов, дешёвые сценки из картонного *moralite*.

Проминаясь под монолитом эсхатологических идей, продиктованных его "alter ego", человек избирает унижительные способы для утверждения на собственной Голгофе. Образом гения от гибели он устрашается, в тени пламени очищения он униженно восторгается развитием в себе апокалиптического эмбриона, ставящего его на одну доску с теми идолами растревоженных небес, что роятся вокруг Вселенских помоек прирученными ангелами. Унижительное угождение стало его религией, оправданием его никчёмности и возведением в ранг божества аморфности его духа. Ему не претит получать подачки из рук, щедрых на побои, его уста черны от господских сапог, а колени стёрты до суставов.

Увлекаемый потоком рабских эманаций, он добровольно втискивает себя в клетки тюрьмы, выстроенной царём рабов с приданными тому вельможами, сложенной из скрижалей, заветов и проповедей... Но только для того, чтоб через них переступить, и, совершив тем акт непослушания, иметь возможность положить новое начало попыткам мелочного самоутверждения, перед тем, как вымолить себе прощение в неумолимой тени от вспарывающей воздух хозяйской плети, на краткий миг, упиваясь привкусом гнили от наложенного на плод божьего veto.

Будучи рабом, он по-прежнему изыскивает многочисленные способы быть рабом ленным. Будучи зверем, он является зверем подлым и нечистоплотным. Инстинкты, и усмирённые, и непокорные, сквозят в каждом штрихе его животного окраса.

Приобретённые им грехи и пороки, терзают его печень, заглатывают его совесть и делают его язык искусным в сплетении паутин лести.

Но ни одно из доступных ему средств не приносит ему желаемого, искомого, вожаемого. Под монотонный стон богохульных панегириков и мерный свист плетей он избирает крайние средства в привлечении на свою рабскую сторону сил, могущих потворствовать его вожадениям и партнёраствовать в его рабских играх. Он, много раз умиравший в нищете и горе, распинаямый на крестах из левантийского кедра и корчившийся на еловых кольях, познал сполна жестокие корни самоутверждения.

Они ему не по плечу.

И пока он не превратился в мрамор надгробия, изъеденный временем и ветрами, он предлагает себя. Он ищет союзника, он ищет поддержки со стороны.

Его ищущий взор вновь обращается к нам...

XIV

Мы были с человеком с тех времён, когда рассеивались первозданные сумерки, когда Поверженная Звезда низринулась с небес и когда о его рождении возвестили легаты бога. Тогда он был дан и вступил в материю под именем человека и начал отсчёт своего пути веками кровавыми и жестокосердными.

Он, тогда ещё новорожденный, проникнутый наивным стремлением вершить наши судьбы и обладающий потенциалом, угрожающим могуществу небес, мог стать хорошей партией в нашей беспощадной "игре" с богом.

В нём полыхала жадная непокорность, и он был нетерпим ко всему, что указывало ему на *его место в грязи*.

Демон Тёмных желаний качал его в колыбели, нащёптывал ему сказки, будил в нём страсти. Он рождал в нём сомнения, берёдил его раны и вкладывал в его пустые уши понятия о гордости и силе.

Принадлежащее человеку сердце, как грань Тёмного мироздания, с рождения было помечено скорбью, оно вмещало в себя все гармонии и дисгармонии Вселенной, и *некая наша часть стала честью человеческой*.

Она, вопреки всем запретам, вела его в сражения, толкала в пламень Ада. Нас связывал с человеком *commixtio sanguinis*, и договор, основанный на *свободе воли*...

Но всё напрасно, грязь с вкраплениями ржавой крови изъела сердце человеческое. Душа раба возопила о смирении и искуплении того, что стало для неё грехом и страхом. Кульминация кровавой психомеханики разверзла пропасть в сердце человека и утопила его в омуте отвара сорных трав.

Он всё отверг, избравший путь покорности и лени.

Тогда мы отвернулись от него.

Мы разграничили его владения, мы дали ему войны и болезни, мы завещали ему страсти и страдания, вложили ему в руки оружие и яды и заняли места в амфитеатре Тени...

С тех пор он убоился нас, и растоптав ростки негодования в своей душе, он доказал Вселенной, *что он есть*. Бог создавал раба и несомненный раб предстал в подножии его престола.

Лепра рабства, увлекающая человека вглубь вырождения по скользким сотерическим ступеням, изничтожила всё, что мы возводили почти Вечность назад и снова ставила его перед нами, вновь поднимая древнюю, как мир, тему договоров.

Он покупал у нас животные блага ценой своей души, и мы оплачивали счета его гибели, с презрением отвергая его продажное подобострастие.

Долгая "игра" с богом завершилась, вступая в новую фазу, взбираясь на пик беспощадной бойни в тот самый миг, когда брошенные рукою бога кости обуглились, упав *тремя шестёрками, смотрящими вверх*. Неудачный для человека бросок бога предал "божьего данника" в наши руки, нам на откуп.

И мы пришли взять своё, явились во главе легионов заката утвердиться в своих правах и вершить *Blutrache*. Позорное клеймо раба должно быть стёрто его собственной рабской кровью. Период междуцарствия ввергает душу раба в хаос и бросает его нам под ноги. Мы не нуждаемся в рабах, нам не нужны их бессмысленные жизни.

Душа раба - только ключ к сердцу его господина.

Лживый дар всегда оборачивается змеиной пастью к тому, кто слеп перед лицом предательства.

С рабами не торгуются и не идут на их условия, их пожирают и предают забвению.

Таково последнее и самое краткое эссе о человечестве -
эпитафия человеку.

XV

Теперь о воинстве человеческом, что вынуждено противостоять нашей экспансии.

О воинстве из плоти и духа,
костей и железа;

многочисленном, тем не менее обречённом.

О воинстве, что призвано небесным порядком защищать весь прах этого мира, оседающий в колбах устоявшихся форм;

о воинстве, что вынуждаемо инстинктом самосохранения и изворотливой ложью света служить опорой под оседающими куполами небес;

о воинстве, что рассечено фатумом надвое, где плоть - наслаждение и боль, а дух - бремя.

Фатальные противоречия человеческого духа создают отборнейших мучеников армии человечества, толкают на гибельный путь противостояния нам и делают их пешками в предстоящем конфликте. Незаложенные в человеческую природу истинные знания, свобода инициативной воли и осознание духовной морали оставляют нишу - командный пункт бога, откуда тот бросает под нас волны пушечного мяса, рассчитывая измотать наши силы.

Бог, чьё имя сверкает на лабарумах человеческого войска, скрывая то, что *война управляет развитием*, исходит из другого принципа, принципа обороны своих владений и тактического манёвра отвлечения наших войск. Методами угроз и фальшивых победных реляций он создаёт на нашем пути заслон из слабых человеческих душ.

И он среди них - сынов человеческих.

Творит дух *божественных* злобы и гнева.

Чтобы не быть проташенным в цепях за колесницей триумфа Сатаны, он нарушает собственные законы и лживо данную человеку свободу выбора. Сберегая свои силы, он бросает против нас своих марионеток, человеческую рать.

Но самой своей природой воинство человеческое не отвечает требованиям, возложенным на его многочисленные плечи. Оно содрогается при неизбежной угрозе нашего вторжения. Оно всем естеством сопротивляется нашему насильственному проникновению в его тесные, но разобщённые порядки; противопоставляет нам свою распылённую на удовольствия натуру и ослабевшую от искушений волю.

Дисциплина, как раздробленные суставы, как порванные связки мышц, не является более цементом, скрепляющим его части, и делающим войско цельным и грозным.

Тот дух равенства, что характерен для взаимоотношений между воинами при соблюдении системы иерархических ценностей, основанных на уважении первенства своих вождей, доблестей, проявленных ими на поле битвы, и доверии к ним, присущ Аду, и фактически вытравлен из отношений в человеческом ополчении.

Связи боевого братства ослаблены мишурой всех мастей и рангов, палочной муштрой подчинения и разлагающим действием атмосферы безверия; дезориентацией, вызванной беспринципной ложью, а также отсутствием бескомпромиссных идеалов.

Тот дух корпоративности между боевыми единицами древних мирских армий, что заставлял участвовать в благородных соревнованиях за честь первым взойти на крепостную стену, либо спасти от гибели товарища по оружию, угас вместе с этими армиями, уступив место скверне отчуждения и предательства. Человеческое воинство, не успев вступить на путь противостояния нам, изначально находится на грани развала.

O dieu, такие армии не водятся к победам.

И наша нужда вскрывать нарывы не разбирает: обременённых ли оружием, или хоронящихся за ним.

Чужеродный для человечества, хтонический прорыв вгрызается в сердце стоящего одесную небес войска, втягивает в разрушительную для него вакханалию битвы, завораживает стремительными па *danse macabre*.

Наш напор обостряет все внутренние его противоречия, разрывает тесный клубок серых хитросплетений и, *отделяя чёрное от грязи, а белое обагрив кровью*, обнажает сами его нервы в жестокой необходимости пульсировать, топя всё в густом гневе вселенской конфронтации.

Да, человеческая армия не чета божественной...

И то, что чувствует воин Сатаны и враг человечества в канун сражения, обрекает выстроенные вдоль воспламенённых границ войска противника на поражение.

Моральное превосходство демонической сущности, тёмная воля, сжатая в пружину, и цель, из самых глубин Ада взорвавшая панцирь земных приоритетов, сметут с лица земли лимес вражеских укреплений и податливые форты выродившегося человечества.

Благословенна цель, к которой ведут Злодеяния.

Благодатна почва, в которую мы сеем ветер...

Мы, держащие чаши скорбей и весы утрат в своих руках, бесстрастно отмеряем последствия всех войн вселенских, и битва за господство над землёй не станет исключением.

Отягощённые собственным злом, склоняются долу чаши человеческих побед, и втаптываются в землю в борьбе со Злом демоническим. Лишённые венцов и обнаженные, такие же бессильные, как и в час своего создания, рассеиваются перед нашим взором мифы о несокрушимости человеческой армии. Видение её сути, наше неприятие любой фальши, туманных миражей могущества и уничижённости, воспаляют доведённую почти до совершенства экспрессию нашего вторжения, струящуюся по скользким от крови дорогам индустриального ада человеческой фантазии. Иззубренные парадоксы надломленных людских судеб вполне в духе *изнурённой ожиданием конца* эпохи: то, что должно объединять - разделяет, то, что разбрасывает по разным полюсам изведенного мира - соединяет вместе.

Они всё те же, что и тысячелетия назад, пусть и облачены в воинские доспехи финальной битвы.

Они несут смятение и гибель стражам истощённых идеалов, исходят изнутри вовне и поддерживают горение, что учинили мы в захламлённых тайниках людских сердец.

Мы видим, как отсутствие духовных тылов и инициативных устремлений бунтующей воли определяют позиции человеческой армии и болотистость мест её дислокации, не оставляя возможности для воинов людских кровей дезертировать в иной, для кого-то из них обетованный мир.

Их, кого марионеточность бытия и наследие бога поместили здесь: между нами и небом, между молотом и наковальней, и кому достало мужества взглянуть в глаза олицетворённых порождений их суеверных страхов, ожидает война, где не будет победителей из числа сынов человеческих, и из их стонов не будет соткано милосердие.

Смертным нет выгоды в предстоящей войне. Их слепота полирует узорами судьбы на пальцах барельефы наших титанических свершений, оставляя им самим только выщербленные камни преткновений и замкнутые лабиринты цикличного разложения. Смертные предпочли бы продолжения грызни между собой за свои собственные ценности, близкие им, желанные и неизменные, если бы только горизонты их надежд на благополучие не оказались опалены полыхающей грозой нашей агрессии.

Не достоинство их природы делает их избранными, и не загубленный потенциал даёт право обнажать меч.

Не клич трубы Архангела, но зов борьбы амбиций и ложных устремлений сминает их разрозненные орды в их роковом сопротивлении.

Не имея оправдания своего существования, человеческие воины сорной травой стелятся по земле, полнятся густотой, опутывают наши ноги, но не могут воспрепятствовать нам сделать следующий шаг и нанести решающий удар.

Чем более встаёт их против нас, тем лучше и быстрее наш успех; мы вторим за Аларихом: "Густой травой не испугать косящего", - не сможет выстоять то воинство, где под личиной побеждающей плоти каждого солдата микрокосм рабского вырождения, а в нём - духи противоречия и заблуждения сплелись в схватке, выясняя, кто из них выйдет победителем и будет бороздить безраздельно топи мёртвого мира. Таковы боги их войн. Таковы мессии, ведущие их в битву. Своими изогнутыми инсигниями, взмахами своих серпов мы приветствуем в последний раз и больные людские души, и бранные тела многочисленного воинства человеческого.

Мы предрекаем - война с ним не принесёт нам измождения и не увенчает нас новой славой.

Горение не сможет избежать золы.

Ад - гарантирует победу.

XVII

Каждое мгновение нашего времени стоит многих человеческих душ.

По мановению Сатаны мы двинули свои бессмертные легионы стезей Шавайот, что простирается через фронт Тьмы до верхних складок Эмпирея. До тени конечного Миллиона Земли суэта человеческих армий будет роскошествовать за наш счет, расходуя на себя наше время, истребляя себя этим временем.

Их методы борьбы, их методы сопротивления нам старые, как грешная плоть Адама, и также бесполезны, как лучи увядающей его славы.

Сырые пассажи их противодействия, убогие импровизации следуют репризе выписанной во времена Хаммурапи, Ветхого Завета и XII таблиц.

И то, от чего им не отречься:

Это арфы страха...

Острия пропаганды...

Позор "правосудия"...

Тюрьмы и казни...

Все что испытанно ими на себе, все то, что применяемо ими к париям человеческого общества, они готовы обрушить на наши головы, видя в нас очередное моровое поветрие, как конфликт их социальной системы. Но, когда по струящейся крови они будут искать облюбованные нами логова, они найдут зияющие провалы земной духовности, гроты, где все пропитано Злом и Холодом.

...и падут ниц пронзенные этим Холодом.

Все то же искаженное видение войны по своим правилам и на своей территории продолжает скрывать трепет их душ, вынуждая разить наши остывшие тени.

Руки их Каинов загребели на ниве братоубийственной бойни и вновь закрывая глаза на наше могущество они обращают к нам свое отточенное в уличных схватках оружие.

Укрепив пушки на лафетах своих законов они заряжают их картечью из коварства и лжи, чтобы стрелять в наши спины.

И подсылают к нам овец ряженных в волчьи шкуры, прошедших подготовку в элитных частях их разведвойск.

"Святая святых" - там, откуда наблюдают стервятники их прав.

Считая своих агнцев, считая свои жертвы на наших алтарях они желают стиснуть в клещи нашу плоть.

Но там, где мы в своих правах законы бога и людей - не властны, *и никогда мир не увидит никого из нас в цепях.*

Только в пурпуре,

либо в багрянце.

Таков Исход каждого Зверя, взявшего на себя ответственность за все проявления Зла восставшего в плотях всего живущего на земле.

Здесь смертоносные игрушки, как средоточие сумрачности человеческих чар не смогут раздробить нашей брони из сплава Веры, Воли, и Преданности Аду.

И станет роковым сплетение слов глашатаев их истины, под скрежет механизмов их извращенной лживой пропаганды.

Ни грязь мародерства, ни похоть надругательств - ничто не запачкает наших следов, и не запятнает чести истинных сынов Тьмы, несущих творимое Зло, словно Венец и бессмертных в этом одухотворенном Зле.

XVIII

Vae! Vae! Vae!

Где извиваются кольцами посланцы Эльнахашиима - змеи нашей ненависти, там вперед себя мы выпускаем черных воронов - птиц мировой скорби, крыльями черпающих муть людских трагедий, неискушенную погружением в сей смрад очередного спасителя человечества.

Немилосердны глаза чудовищных духов истины, духов, никогда не ведавших о покое, и бесстрастны тени оракулов Ада, что запрягают коней нашего гнева в колесницы ярости, кипящих

неистовством Зверя.

Все очередно проходящие через нас смерти, как тени, сбрасываемые Хазазелем, как скопище умерщвлений, находят свои цели в бескрайних просторах мятущихся небес.

Где воинствующая Минерва ведет в бой своих приверженцев, там уже поздно отворачивать свой лик в смятении, если от мудрости Зверя веет вышедшей из берегов кровью Агнца.

Произнеси слова угрозы!

Vae! Горе армии человеческой,

Бесславию ее хоругвям.

Где они вносят свои знамена из хранилищ в храмы и призывают в поддержку Святую Церковь, где они молятся на щедрости войны, там растворяются в обрядах символы воинских Virtus и Fides.

Осуществляя программу бога, идет христианизация рядов человеческой армии, где воин - Святой Георгий, или Дьяволоборец Андрей - как целостность божественного в человеке, как и один в поле воин - так и очередной труп к тем мертвецам, что выстилают собой наши дороги.

И воинам-христианам не воскресить из мертвых ни деву по имени Жанна, ни проклятый Геркулием Фиванский легион.

Пока под несмолкаемую канонаду лозунгов человеческие солдаты исполняют переданный по наследству долг перед царством, которое выдало им оружие и которому они принадлежат, мы берем их города на копья и вкушаем сгустки их драгоценнейшей крови.

Наши бранные чеканные слова вышибают бреши в делириуме Царств и Оснований, и наше Злословие ступает рука об руку со Злодеянием в этом крещендо грозового набата Вселенной, исполняя завершающую коду Marche Funebre.

Vae!

XIX

В дни Аббадона и часы Лийлат тысячегрудный выдох вспенивает океаны, перелистывает багровые горизонты, разверзает пучины и уносит прах и пепел погубленных душ.

Мы правим твердой рукой остывающую жизненность пространств, скрепляя отторженные ее части гербовой печатью Сатаны.

Имя нам - легионы. Дотоле сокрытое, безликое, густое множество наших имен, ныне прорыв вовне Единого, Вечного, Неумолимого

- как вскрик после пробуждения,
как шепот во Тьме.

Теперь мы повсюду, мы в Нем и в себе, мы там, где вскрыты пласты мироздания и расшатаны камни основ, во всем и в каждом, кто не властен своей волей, и в тех, кто добровольно предался Аду своей душой и властью.

Ведя войну по праву перворожденных, сокрытые в обманчивых материях, мы продвигаем непрерывную цепь inferнальных когорт по самой кайме человеческой реальности, между глыбами плоти и источенных низменностью духовных устремлений, и поглощаем отмирающие ткани.

Попирающие ногами землю, отстоящие друг от друга, как пики горной гряды, мы правим, соединенные друг с другом, мириадами полчищ бестелесных племен Тьмы, действующих извне и находящихся меж нами.

Мы, кто в телах, видимые и воплощенные, оттого не менее грозные, чем сами Демоны Ада, связанные с пламенем первостихийным родством, обретаемся в скалах и оврагах, на высотах и в низинах человеческого духа и даруем ему радость видеть Вечный Ужас Ада.

Мы - лики Зла в запечатленном в копоти Эдеме.

Мы искушаем эгрегоры мира, не соблазняя их.

Мы собираем рассеянных и выпускаем в мир людей своих апостолов, что вскормлены на нашей крови, чтобы хранить очаги Ада на местах прорыва Аббадона.

Ад царствует на их сердцах.

Они кормят Ад.

Они питают Его душами, кровью и Злодеяниями. Закладывают цитадели и проводят дороги, и тянут соки из божественного могущества.

Они помнят и знают о своем времени - времени вечном, ведомом исходом трех темных звезд.

И Воля Ада, Законы Ада - то, что объединяет находящихся в пути к Сатане, и тех, кто сражается за

Него.

XX

Рои демонов-мух и ветры-губители, ступившие на заболоченные земли войска Баалзебула и все порождения ночи - свита Лилит, как темные потоки водоворотом объяввшие место Ахарон - Милхамах, кружат во Тьме щепки позорных скрижалей и дробят, разделяя, отбирают и вновь соединяют благородные черные кварцы, притягивая в Инфернус достойнейшие гранулы Инферн через кастеллумы могуществ Дьяволов и благодаря Им.

Пронзительные и тягучие, жезлами Власти сгущаемые дисгармонии в сефирах божественного древа наследуют Волю Ада в паласах звездных скоплений и на руинах человеческих цивилизаций. Меркурианские дымы, воскуряемые с серой, возносятся к холодным чертогам луны, задрапированным в тени, в тот момент, когда воцарившаяся на земле Лилит, переполняющим Ее мраком, насильственно вминает Вселенную в стены уготовленной гробницы.

Знаки Астарота в изгибах изворотливых рептилий и принципат духа, отскобленный от патины собственных душ, граненные определенность и готовность истязают мудростью и страстью божественные тени, распятые во чреве смуты.

И мы лишь первым сердцем страстны, а вторым и единственным холодны и непроницаемы и однородны с Имперуумом, как вместилище его принципов и месторождение, колыбель Officium'a. На наших руках окровавленное бремя - вождение частиц рассоздания, сочащееся меж наших пальцев, роняющее себя на землю, окаймляющее собой место, где царствуют гнев и буйство, где силой пронизана каждая пядь выжженной души.

И мы слепы и всевидящи - закрывающие глаза на раны перехлестнувшие наши плоти и смотрящие сквозь хаос теней на уцелевший пласт мироздания.

Мы - суть губителей и гнет отверженных, имеющие воистину царственное презрение ко всем трудностям, встающим на пути, и дьявольское терпение в преследовании своих целей.

Вдыхая запахи людских трагедий, мы впитываем с кровью и грехами их страдания, черпаем из них силу и принимаем их в себя, чтобы отторгнуть милосердие с неведением, являя крайнюю бесчеловечность и святотатство привилегий Зверя.

Всегда богоборческие, человеконенавистнические идеологии, палачествующие над людским родом, были приветствуемы нами и исходили от нас. И демоны, демоны- знойные ветры, сэкуроры Азасиеля не знали покоя и усталости в своем разрушительном искусстве, и ненависть вершила дело.

Следуя знакам войн и заклятий, мы вновь в горниле враждебностей движемся неустанно сквозь смертельные раны и пунцовые изломы чужих Вселенных, закаленные в жестоких боях.

Единенные с нами легионы заката - легионы Мухи и легионы Саранча на острие атаки шлифуют детали и рубят сплеча, неистовствуя, хребет денария десятого войск ангельских, застигнутых в ненастье Адом. Под знаменем Бегемота сотрясают плоть поступью Зверя и простирают львов у наших ног наследием Адрамелеха, терзая сухожилия застывших сфинксов, владычествуя третьим царством мертвых.

Вновь Асмодей ступил на землю, и всюду копьё архангела Михаила встречает щит архистратега Самаеля, вождя всех сатанов и защитника нечистых.

Одинокие форпосты, часовни-печати, раскиданные над гиблыми скважинами Ойкумены, стесненные в зыбкости, не сдержат своей клятвы перед богом, бессильно уступая власти Белиала, воссевшего в безбожном пантеоне на троне из костей богов.

В дымах, огнях и испарениях крови дороги Дьяволов-Властителей, переступивших серповидные пороги открытых нами Врат, черпают нашу злую волю и подтверждение законности.

И мы разверсты перед Адом своими пламенем и Преисподней, не умеющие предать или отвергнуть, отступить или дать слабину, отворены пред Сатаню своими верностью и честью и тем, что мы есть Ад.

В огне и прахе, в проклятиях и боли мы штурмуем высочайшее. В том нам опорой меченосцы Ада, Единенные с нами владетельные ступени.

Ordinis tenebrarum, уровневые маркграфства, Инферны - слагаемые Инфернус, вероломствующие в безверии, воинствующие во гневе,

Во исполнение законов Ада,

Во благо Преисподней,

Нам доступно владеть всем, но ничему и никому, кроме Дьявола, не дано владеть нами. Божественной любви, собственному эгоизму, вязкому дьяволу в миазмах низостей и доминанте плоти - нет места, и нет дороги к гордостям через снисхождение. Инфернус Державный преклоняет только одно колено и только пред своим Отцом и не имеет посредников между Сатаной и Преисподней в своем сердце. Служа, но не прислуживая, Он исполняет свой долг, связуя чернейшие энергии в очередной кокон Ада. В Инфернах, по нисходящей и развертывающейся, царит дух согласия и взаимоуважения, царит дух сплоченности в одной заботе - заботе о благе Ада. Не по прихоти, не по произволу - согласно законам Ада, мы щедро воздаем за все услуги оказанные Аду, где бескорыстным высшею наградой достойной их усилий - право служить Сатане, где для Него один верный ценнее Им плененных. И не каждой душе есть место в Царстве Дьявола. Ответственностью за совершенное злодеяние определяется элитность этого места, и только дух огненный достоин Инфернус. Рядовой солдат армии Сатаны стоит ровно столько, сколько душ им погублено, но любые его притязания законны, если они во благо Ада и соответствуют его возможностям. Сплошной панцирь сведенных щитов, опоясанный наготой оружия - монолит единения Ада под Империем Высшего Зла, чтимого в этой Вселенной под именами Дьявола и Сатаны. И наша цель, закон и высший идеал - служение этому Злу, служение Сатане. В поисках новых дорог Зла, творя Ад здесь, зачем нам быть злыми, коли мы Зло, к чему нам исказить в оправданиях злобности нашего нрава, если мы едины со всем Злом во Вселенной. Да, мы порой жестоки, что оскорбляет наши эстетические чувства, но не затрагивает мораль, и мы такие, какие есть, и если меняемся, то исходя из того, какие мы есть. Мы отвергаем любовь людскую, основанную на эгоизме, и храним преданность демонов друг другу и Аду, следуя ей беззаветно. Мы скармливаем духу свои души и, упраздняя похоть созидания, уничтожаем тень божественных престолов повсюду, и в величии Ада нам не умыть рук своих от крови и не оступиться в праздность. Мы - оси и спицы Вселенной, направленной в пропасть; от дремлющей прелюдии - к чадающей постлюдии, от фрагментов, вырванных нами из склепов безвременья - к пейзажам Ада. Мы разрушаем все препятствующее развитию, росту и экспансии темного духа путями непроторенными, путями пламенеющими, ненасытностью нашей природы.

Так мы приумножаем,

И вся во всем преобразуем

Во Зло.

Нас воспевают как посланцев Лжи. То верно. Порой мы заставляем лгать других, но никогда еще Ад не опускался до того, чтобы солгать даже одному смертному.

Наше слово - залог нашей чести.

Смертные лгут себе сами, открытыми глазами не видя границ фальши.

Держа козыри в руках, играют против себя, торгуясь, теряются в неведении и лени, держась за кодекс полусгнивших догм, где невинность значит всего лишь неискренность, а не победу над искушениями.

Мы ложь в самом способе своего проявления, - но и только.

Мы есть, и нас не существует. Мы сиречь грандиозный обман под вуалью масок, впечатляющие процессы в соприкосновениях Ада с любой реальностью, и потому мы не лжем в мелочах, а творя ложь в масштабах Вселенной, мы несем более правды, чем творцы истины, и рушим иллюзии в коллапсирующих агониях.

Мы облачены в пурпур, одеты в плоть человеческую, обладаем природой демонической и являемся проявлением духа Дьявола.

Неудобство для нас - носить на своих лицах человеческие маски, прикрывающие, но не скрывающие, что невозможно, наши истинные сущности.

Как посмертная маска может быть истинным лицом человека, и повозка смертника стать

триумфальной колесницей, так финальный момент битвы на земле станет одновременно моментом агонии наших тел, отбросив которые мы останемся в наготе своей природы, в первичности своего Зла и во всеоружии своих незапятнанных принципов, и, обратившись к битве на небесах, положим конец лжи, и сбросим маски долой.

Ад находится в движении, истина в познании Ада.

Инферны движутся, неупокоенные, скрепленные волей Дьявола иницируют Зло, дают исход Геенны.

И нет более суровой участи, чем участь демона в его неукротимости. Тяжесть креста распятого - щепка в сравнении с ношей рождающего в борьбе многообразие могуществ, питающее Хаос.

In metoġiam de ... мы носим на своих шлемах цвета траура, излив боль из вновь отворенных, но никогда не заживающих ран, отдав тем дань Дьяволу Скорби.

И вновь призываем восстать из могил всех лежащих лицом к Аду, и завещаем возвращаться к борьбе из любой бездны.

Мы - Зло нетленное, и нам доступно владеть всем, но никому кроме Дьявола не дано владеть нами.

Нам безразлично, как мы отражаемся в осколках разбитых миров.

Нам нет ни срока, ни предела, и нет препятствий, которые мы не могли бы уничтожить, вздымаясь в Сатане под Высшим Знаменем и следуя закону Высшему в заботе о развитии и благе Ада.

XXII

В истоки числа человека положена печать Зверя. В мягкую длань глины вложен отпечаток с сигиллумом Дьявола на обороте - опаленный знойным дыханием явленный лик Зверя.

Из руин и тлена воспрявший архивраг всех ортодоксальностей, вечный антагонист всякой благодати, крылатый како-даймон человечества, Зверь божественности - восстал.

Где порождение Вавилона скликало воронье на свои останки, где скалятся стены новой Аккады - там *он* въезжает на четырех пророках, впряженных в *его* колесницу, сочетаясь законным браком с Вавилонской Харимту.

Он правит расходящимися у *его* ног перекрестками, базальтами земли и зыбями космоса, и властвует, являя свое чужеродное совершенство через створы храма бездушности во отворение Зла духовного. С гребней хребта Левиафана *он* направляет изначальные стихии к горным гегемониям и сводит звезды с поверхностей темных вод в спирали Аббадона, хороводы Бездны.

От *его* болезнетворного дыхания рассыпаются в прах города, и легионы истлевают в ветре, *он* ставит во фронт все *свои* ипостаси - неоспоримые в своей жестокости знаки *своего* присутствия, и тень *его* соперничает с *ним* за обладание жезлом наследования.

Восставший на погибель многих, *он* обуздал элементалы, *он* сокрушил благословенных, передавая отречение стихий людскому сердцу, чтобы не выжило ничто святое в границах *его* власти, и там, куда возносятся, стена, *его* хтонические птицы.

Из средоточия кровотокающих бездн *он* вынес дух зачатия для Холокоста, разрушив скрепы жизни, и окропил закланием закованных в людскую плоть, тем пробудив *себе* подобных.

За *ним* роковые армии ступают на марше, за ним глад, мор и войны сплелись на изломе; Царица Ночи разговаривает с *ним* ветрами, стеля перед *ним* ураганы, скрывая в своей наготе полноту *его* могущества, но равно размыты границы ее милосердия, как неизведанны пределы *его* гнева.

Он - волен ко Злу, господствующий во Власти, занимающий ближнее место в кругу Сатаны, - вице-предводитель могуществ Тьмы во Вселенной; и неисчислимы неоспоримые шаги *его* превосходства, суровые жесты *его* проявления.

В *его* жилах бурлит человеческая кровь, но это опаснейшая кровь.

Он вглядывается во Плоть, проникает в храмы и парит над царствами, обуздывая инстинкты твари, вскармливая суровостями Ада число человеческое.

Ибо, *он* - Антихрист, олицетворение Воли Сатаны в земных перспективах, не сущность, но принцип живущий в Звере - явление Мирового Зла в обезображенной плоти, и *его* голод повсюду, где прорываются *его* багряные корни, где алчет *его* хищная природа.

Воистину, *он* ненасытен - Зверь древний, дух вечной сатанинской необходимости.

Вздернутый на крыльях на ось всего проклятого во Вселенной, *он* не отводит глаз и хранит безмолвие того, что бьется в *его* тисках, заворачивает гибелью, ведя к отождествлению с Хаосом все то, что пронзает неистовый пульс Зверя и *его* бесстрастный взор...

Maledictum, Liber Tertius.

Автор: Valentin Scavr

*Мы оставались в стремлении, форсировав реку жизни,
обратив вспять ее оскверненные воды, заиндевав на стылых берегах.
Там запекались мы кровью, холодея на жертвенниках,
перерожденные в багряном Холоде, отягощенные бессмертием.
Там возрождались мы - в словах о Холоде, в молве о крови,
в канун эпохи Тьмы и консульства Самгабиала.*

Impii Irreligiosi Carnivoribus Immortalibus.

XXIII

Вечный Океан Хаоса бурлит своими водами под притяжением мертвенной звезды. Темнеющий лик Преисподней извивается в Его приливах и отливах и тревожит чудовище, что вышло из бездны на берег и стало тем берегом под грозный рокот Техомот.

Архонты Зла, катафрактарыи Бездны, тиаматы священных глубин поднимаются в тернистых потоках крови тёмной древнейшей яростью и проникают через поры трупа, бывшего ранее человеком, вовне. Разжиженные в безвременье, расплзающиеся материи тускнеют в ненасытном чреве, и тень Абаддона витает в ослепленных глазах, в произведениях человеческого ума, в взвах человеческого сердца.

Литании разрушению завывают в скалах, и мистерии рассоздания скользят в лабиринтах Нечистого разума. Вновь возвращённые, убийственные для человеческой страсти, чуждые желания кружатся над вековой падалью, и овладевают свободой воли осколки чужой памяти, подхваченные натиском лютующих ветров с равнин опустошения Вселенной.

О Хаос, так Ад жаждет твоего возвращения и вызывает к тебе, чтобы вскормить тебя и видеть, как Вселенная будет растерзана челюстями Абаддона и возрождена в твоей целостности. Земля пропитана зловещими эманациями падших существ, города горят дыханием твоей близости... Всеобщая тленность раскачивается над бездной безымянным черным страданием и довлеет проклятием в следах омертвелой реальности. Гнилоность сотворённого праха в чужих руках истекает слизью и временем, и глумится в этих объятиях над обращенным ликом жизни исподней брэнностью.

И когда, посреди руин и развалин, вой голодных глоток пустынь воспеваает "ренессанс" плоти, он звучит то гимном алчущих в ее честь, то грохотом копыт семи черных всадников - плотоядных призраков апокалиптического горизонта.

Освобождённые плотскими союзами пустынной блудницы, непристойные глубины, нечестивые сути, всепожирающая пустота в илах и тине Хаоса исходят по земле последнего творения, приняв крещение от гиблых вод и власти Зверя.

В порывах ледяных ветров, в кровосмешении земли и неба, стихии изнывают битвой, и саламандры льнут к ногам Бессмертных, Плотоядных; там по всем граням Хаоса сплетаются, воссоединяясь, Бехемот с Левиафаном, взъерясь в валах чернейших вод. И когда лед и пламень в слиянии, когда Самаель и Лилит в соитии, тогда становится неизбежной угроза мирового распада - там собирают грозы в сталь, и ведут наступление штормов на берег Ангел с пастью отверстой и Зверь в железном венце.

XXIV

Аббадон за *ними* простирается *их* тенью, Хранитель врат Хаоса, Ангел Бездны.
С ветренных, грозových небес *они* сверкают мириадами осколков ночных светил, и, всполохами мертвенных, зловещих молний отражаясь во впадинах человеческих душ, вместе с дождями изливаются на землю.
Кто ведаёт сколько *их*? Кто сосчитал *их* жизни?
Кто постиг глубины чужеродности, протянувшейся гибельной трясинной между Бездной и человеком?
Скалы, бесстрастные с начала времен, пески, покорные воле ветра, - не живые и не мёртвые, существующие в пределах измеримого, - хранят бездушные, застывшие следы, чтобы обличать древнейшее родство падших с небес с восставшими из Бездны.
Не упокоиться в гнетущей пустоте... Не упокоиться во прахе...
Там нет пространства, там нет времени, где пребывают *они* в кромешной Тьме, в ожидании воплощения теней грядущего и прошлого, сохранив в них целостность *себя*, ибо Тьма приняла *их* безраздельно.
Бессмертны и окровавлены *они*, осквернившие небеса, осквернившие землю...
Бескровные, враждебные, чужие - *они* не покорились. Вмёрзшие в лёд, впечатанные в камень, сожжённые пламенем и развеянные пеплом по ветру - *они* не покорятся никогда. Только *их* уродливые тени в отражениях зеркал Вселенной обнаруживают *их* бытие и раскрывают *их* естество - ночь и сырой туман.
Звезды, как язвы, мерцают в отеках *их* душ. Оплавленные вечностью, измождённые сердца пульсируют, проталкивая по иссохшим венам сгустки *их* чёрной, запёкшейся крови.
Они - забвение, восставшее из преисподнего в бытие... *Они* - блуждающая в жизни смерть - всепроникающая чума, неподвластная гибели...
Бессмертные, холодные, проклятые *собой*, не ведающие ни горестей, ни наслаждений, ни греха, ни спасения, в бесконечном обрастании плотью *они* возвращают то, что каждый раз умирает с *ними* - *их* проклятое родство и с Бездной, и с человеком.
Их нескончаемое возвращение - как мглистое, бездонное содрогание жертвенной плоти, беснующейся на алтарях порождающей Тьмы. *Они* блуждают в собственной крови над пустотой и временем. Темны *их* отношения - Багряноликие Драконы, эмблемы крови...
Обманчивы *их* формы, туманны очертания.
Их облики, как волны, разбиваются о скалы и опадают в Хаос.
Бездыханные, достаточно безымянные, чтобы не звать *себя* по именам, достаточно безликие, чтобы полностью отразить чужой ужас, *они* мертвы человеческой плотью и будут мертвы ею вечно. *Они* ведают нескончаемую боль и открывают врата неиссякаемому источнику страдания, туда, где нет славы, где нет веры, где пребывают *они* в ледяном безбрежном одиночестве.
Кто познал *их* любовь и ненависть?..
Кто постиг бесконечность *их* Смерти?..
Змеи, скользкие меж камней, тарантулы, обожженные зноем пустыни, - *их* многочисленное, скверное потомство, плоды *их* давней и неизменной преданности.
Они убивают себя, как скорпионы.
По свежим шрамам узнают *они* друг друга среди *своих* разверзшихся могил.
На запах крови идут *они* сквозь бурю, в тенях меж волнами Хаоса, срывая вуаль за вуалью меж Бездной и человеком.
Бессмертные, безнадежно бессмертные, хранящие Зло в земных воплощениях, посягнувшие пересечь вечность Дьявола Бездны, и оттого предвидящие *свое* возрождение, *они* грядут снова. *Их* рождений - по числу *их* жертв...
Они умирают на рассвете, чтобы воскреснуть в сумерках...
Они знают, от чего умирают...
И то, что постигнуто *ими* - более не может *существовать* в безмятежности...
Покидая себя крыльями ангелов, тропами демонов, *они* всё менее пользуются *собственным* человеком.
Им достаточно быть *собой*, чтобы все сделать правильно.
Бездна убьёт в *них* людей.
Люди погубят в *них* ангелов.

Вся земля преисполнена демонов, рыщущих среди человеческих руин, укутанных в лохмотья туч, обесцвеченных одеянием Морока. Неведомые человеческому разуму, обильные тьмой, они движутся, скрытые за пеленой штормов, неумолимые в своём гневе, отражённые в океане Зла человеческим страхом перед их неизбежным явлением. Кладези непристойной мудрости, вскрытые надругательством преступного духа в стенах святилищ, могильники святотатственных тайн, разверстые в людском разуме, и исполненные обязательства кровавых соглашений человека с чуждыми богами - есть раны, нанесённые извне, и врата их исхода. Они всегда на пороге, начала всех трупных изменений в божественных материях, развитие кощунственного плода демонического господства в человеческих обликах.

Плотоядные и охотящиеся, свирепые и непостижимо иные, они есть воплощение чужеродности, и вожделение самого Ада. Бездна непрестанно раскрывается в их изъязвленных ртах, утоляя через них свой беспредельный голод. Их деяния отбрасывают пурпурные тени на пьедесталы святости, их мысли всегда пагубны и вольны, как песчаные бури в дикой пустыне, как сверкающие молнии в безысходной пустоте мрака, и только они достойны Бездны.

Они - пыль и прах, безумие и чума людского рассудка. Они - единственные из богов, которыми не может быть соблазнён человек. Они - прошлое, что не существовало никогда, они - будущее, что равно ужасающе для участи каждого. Они воплощают жесточайшее, что есть на земле; то, что следует за ними, несёт угрозу разрушения всего во всём существующем...

Они источают угрозу.... Они брызжут ей, словно ядом... Несотворённые древние ярость и ненависть Тьмы... Мы только часть их...

Они были рождены в ничтожестве времени. Древние, в нечеловеческом аспекте мер, ещё до начала мира изъеденные Злом, погружённые в метастазы Вселенной, они есть пустота для всех, кто не они, и они - пустота, которая поглощает в себя всё, ибо стремится воплотиться в сущем, изменив сущее. Пожирательные части того, что от Света, распространяющие вокруг себя ауру распада, они в жестоком упоении опрокидывают реальность всех иллюзий тварного бытия.

Они - Бессмертны, прочен их хитин, их скипетры выносливы...

Они наследовали дни творения, когда, стремительные и гибкие, впивались в самое сердце пустыни, стягивая рваные края своих сущностей, стягивая в себе края Бездны, и запекались в горячей плоти живородящего Бехемота.

Они вскипали в человеческой крови, как реликтовые гримасы Хаоса, как первичные абрисы Тьмы, и пробуждались в безобразной пустоши, когда ливень испарывал небо и вновь был горяч кровью. Насыщенные всеми тенями жизни, они проникали за врата, и, увенчанные рогами Хаоса, вступали в Абаддон, тщась сохранить единство плоти и своего чёрного клубящегося чрева.

Обескровленные, они возвращались, зияя непроницаемым мраком в своих сердцах, влекомые нуждой обладать кровью лучшего человека.

Ненасытный голод Бездны есть то, что продолжает их могущество и поднимается из-за пределов Вселенной, перетекая через порог выносливости людского рассудка, который дерзнул разорвать в себе замкнутую сферу человеческого и обрек себя на муки голодного, внеземного существования. Редкие из людей способны принять в себя эту ненасытность в исследовании запредельного Зла, в становлении зияющими омутами Бездны, чтобы разрушать в себе твердыни мироздания, отдаваясь воле штормов бушующего Левиафана.

Как демоны, они не создают себе пределов в не-совершенстве, оставаясь вечно голодными, не утоляясь достигнутым. Борьба внутри собственной природы есть неизбежная война каждого из них.

Они меняют не-совершенство каждого из них на больший разрыв разомкнутого совершенства, и тем низводят всё в свои тёмные потоки безостановочного, вневременного течения. Так, через них, разрушается гармония божественного, и священный экстаз осквернённой человеческой природы восполняет их утраты. Сквозь это пролегает их тропа из мертвенных глубин Абаддона. Так они вовлекают иных в свой проклятый хоровод, и также губят своей искущённостью чуждых им. Когда самые Великие из них пали в борьбе, или, рассеченные Бездной, теряли форму, властвуя всем в пустоте, остальные погружались во Внешний Холод, каждый, унося с собой горсть окровавленной земли.

Но какой тогда чудовищный союз возвращал их на землю снова и снова, наполнив их Ад дыханием Зверя?

Человек и daimonion, сплетённые под одной кожей, изменяющие само существование жизни цепким единоутробным желанием воссозданного Бездной, разрозненного дотоле естества... Единство

распада их сочленённой плоти, преступлений их объединенной души, союз их вступившей в слияние крови - открывают все из врат Тьмы, и открывают новые, незримые тропы бесчисленным и желанным порождениям Зла...

Вся земля преисполнена демонов, хищных, охотящихся... Их бессмертные сущности разорваны. Они сами находятся в разных, проклятых местах, нигде воедино, никогда вместе, но то, что находится в их разрывах - тоже они, также принадлежит им.

Их безбожная власть черна и бесконечна. Их проклятое могущество возросло и не завершается на этом. Изведенное ими пространство несёт на себе их печать, и Морок-Сахабиал надёжно скрывает каждое их последующее воплощение от недостойных глаз.

Переступающие границы, изменяющие углы отражения мрака по всей Вселенной, рвущиеся из всех кровотокающих ран - они проявляются вновь и вновь, вытравливая из брэнности человека то, что возвращают себе, как исконное своё... Оставленные ими растерзанные людские оболочки и обугленные души отмечают каждый их шаг... и звучит набатом по оголенным нервам земли их неумолимая поступь. Они ходят по разорванному кругу в человеческом естестве... Их единство в Бездне...

Их Ад на земле.

XXVI

Рваные покровы разъединённого, преломленного естества, стиснутого в леденящих объятиях Ада, являют преисподнюю во всех тёмных углах брэнной реальности, и тем открывают зияющий зев недр Бездны, полость гибельных пространств, и врата для проникновения всех хтонических сил. Бездна разверзается в человеке, отвечая на его отчаянный призыв из гробниц Вселенной, где он погребён живым или мёртвым, и господствует через него над мерами привычного, стянутого мира, искажая их руками и волей человеческой, и обрушивая в монументальность всеобъемлющего *ничто*. На краткий миг Бездна не-совершенства, потенциал всего, озаряет лик человеческий, искажая его черты, но только избранный из людей, - умеющий оценить холодные, полынные глубины, тягостный безысходный мрак и своё собственное неодолимое стремление к гибели, слишком глубоко заглянувший в Бездну, - не может не стать продолжением Её.

Пробуждаясь в желании познавать находящееся вне пределов блага и добра, искушаясь осознанием неведомого ранее проклятого величия, начинающегося там, где простираются в необъятной Бездне безусловная, мятежная свобода и мертвенная духовность Зла, он начинает поиск в себе, изыскивая изъян в своей божественной природе, увеличивая разломы в цепях замкнутого цикла собственного существования.

Пагубное для человека желание запредельного Зла находится в основе всего, и становится началом начал в его нескончаемом движении в необузданном вихре первичного Хаоса.

Преступное деяние Зла изменяет его сущность, и определяют все последующие направления его развития - личные обязательства и личная ответственность его перед Сатаной.

В истоках запретных практик и знаний, искусство самого Дьявола держит открытыми все пути, кроме дорог назад. Деяния Зла, требующие исключительного мужества, и также то, что означает союз с Адом и нерушимую преданность Дьяволу, ведут к выходу за рубежи, где так важны запредельный опыт и собственные размышления - все эти ключи к вратам Ада, единственному исходу из лабиринта для ненасытной всепожирающей мысли.

Деяния Бездны, требующие неисчерпаемых запасов могущества и истинно дьявольского инстинкта, разъедают *плоть* и развращают *разум*, подымая из *их* глубин долгие, древние дороги нетленных желаний Ада. Нехватка могущества, воли и целеустремлённой жертвенности станет роковой в любом соприкосновении с Бездной, ибо каждое жертвоприношение есть, прежде всего, *убийство* себя, завершающее цикличность бытия человека, открывающее порог иного существования. Ибо ни один не войдёт в Царство теней с человеческими помыслами и человеческим естеством, и единственный выбор - стать Бездной на этом пути и одним из богов Тьмы, либо быть уничтоженным Ими, свободными от всепрощения и лжи.

Инородные сущности, сущности Ада в человеческом обликии, способны черпать энергии через разрывы внутри себя, из тех чёрных ран, что составляют часть их отрицательного бытия, несовместимого с человеческой природой. Разрушающее, воплощённое бытие иной реальности ведёт к гибели достигнутого баланса; то, что смешано землёй - вновь разделено Бездной, что расторгнуто небом - вновь соединено огнём. Сам мир является источником энергии в своих

собственных разрывах, но её недостаточно для взаимодействия с Бездной без добровольной жертвы человека павшего в них, без жертвы человека, погружающегося в Бездну без страха и стона, безжалостного к себе, нисходящего в зеркало порушенной судьбы, в множасьи образы слепящей боли, в бесконечную тень самое себя.

Опираясь на Ангела Бездны, иметь достаточно воли внутри, чтобы проецировать через себя и продолжать вонне бесконечную протяжённость Бездны, черпая энергию из самой Бездны, - значит быть творцом Зла и вершителем судеб, что по праву только тем высшим, кто презрел все препятствия на своём пути.

И только они способны принять, как дар, упоение первобытным могуществом и беспредельностью Хаоса, каждое неограниченное проявление своей мощи, когда любая цена, уплаченная за это, будет слишком ничтожна, будь то собственная кровь, или всего лишь кровь человечества.

И там, где мудрость слепого змея Бездны может быть воплощена, разрастаются головы гидр Тарсу, и роятся жестокие образы чужой, враждебной Необходимости, требующей пробуждения в духе и разуме, и единственного заклания - облекающейся во плоть в таинстве первородства Греха души.

Камни укажут путь, Инферны продолжают веи познания... Блуждающая, ненасытная пустота в человеческой личине - ещё одна бесценная форма запредельного существования, вопреки всем мерам, заключённым в структурной цикличности бытия.

Да не будет даровано покоя, да не будет могилы на земле человеку, отворившему собой Бездну. Но останется неоспоримым его право видеть собственными глазами плоды своих ужасающих Деяний в трагедии агонизирующего мира, и познать сполна бремя своей свободы и необъятность своей ответственности.

XXVII

Нефилимы с опалёнными крыльями, ветераны штурмов небес.

Сыновья самых бездн сердца Сатаны явлены во власти и всеоружии безудержного духа Хаоса, плотью от плоти Зла, вздымающиеся в устремлении к неприступным высотам, исходящие от самых глубин древнего природного неповиновения. Нарекательные грехом и заклеянные именами порока, восстанавливающие честь в именовании Зла и поднимающие все алтари изгоев и мятежников духа, они, названные преступными, следуют законам собственной природы, оберегая нетленные принципы свободы и непокорности от позора и клейм...

Кто знает о Грехе больше, чем мы? Кто более, чем мы, тождественен с Ним?

Мы извели Грех ещё до своего рождения, когда вновь уходили в небо изнурёнными, оборванными легионами, упорно пробиваясь к своей победе по мёртвым телам не бывших ангелами соратников, обогривая внутренние, неприступные бастионы своей неутолимой волей к победе, тогда уже обретая свою зловещую славу... Изнурённые, оборванные, становящиеся легендой; но знающие только такую, в борьбе рождённую бескомпромиссную силу пребывать в преодолении... не способные отступить... уже отмеченные печатью Греха...

Мы лелеяли в себе все гордые черты Его отчуждённости, мы оттачивали в себе все уродливые Его грани, создавая собой еще более жестокую меру Греха, еще более высокую плату за дерзость содеянных в проклятом духе, усиленных в урагане гибели и беспощадным оружием направленных вверх, прекословящих божественному истин. Сквозь толщи плоти, сквозь зыбкие, тревожные голоса, поднимаясь из Бездны в рваной пелене грозных стен, раскачивая бурю, как свинцовый серп, мы нанизали преступление за преступлением на жизнь вечную, разбивая несокрушимые преграды, искушая сам Грех неутолимостью своего рока, круша небеса на своём пути, и обрекая на неизбежную гибель тех, кто посмел следовать за нами.

Отринув идеалы обезличенного изнутри, инертного творения божественного мира, мы первые, кто преступив через себя, отворяли в себе бездну греховности и постигали всю её многогранность, в своём неуязвимом бесовском порыве. Вырываясь за крайние пределы застывшего в жуткой вечности противостояния, застывшего и изъеденного тьмой *последнего* совершенства, мы, как каждое новое существо, выходящее из народа Горго на свет, убивали зачатки бога в себе, чтобы продолжить путь, не позволяя вершить тиранию над собой, перед собой не позволяя пресмыкаться.

Similites mechanicae превзошедшие людей... опасные идеи воплощения аморфного....

погрёбённые в ожесточенном естестве, павшие от людских трагедий тени... все они взяли что-то

от нас. Но кто лучше нас, названных развращёнными и порочными в стремительном движении противоборствующего Зла, знает, как сдерживать себя, чтобы не искуститься тем, что истинно ничтожно, что истинно мало в сравнении с силой осквернившего себя преисподним познанием духа? Кто беспощадней, чем мы, вырывал из себя слабость всего, что становится презренно, всегда готовое преклонить безвольные колени под бременем изломанных крыльев, пред соблазном удобства ограниченных форм? Всего, что рушится, преодоленное, впадшее в прах, отражённое в расколоте небе, отчаявшееся скитаться в бескрайних валах неумолимо надвигающегося Хаоса? Кто, кроме нас, может являться олицетворением всего самого непристойного, самого истого из всех проявлений Греха в бунтующих очагах, в черных смутах распадающейся Вселенной?

Там, где разлагается космос, где в центре всего зияет Хаосом Тьма - весь мир принесён в жертву каждым нашим грехопадением, и кровь распостёртых агнцев омывает ступени и наполняет просторы Тьмы во искупление нашего рождения. Идущие против света, против выраженного в бесплодии божественного творения, мы вспениваем поверхность иступленной силы, рвущейся из объятий пламенем своей собственной глубины, что выведет нас на обрыв, - испытывать извечную силу Хаоса в себе, и выбросит нас на прибрежные дикие скалы во взмахе гнева, в размахе бескрайних крыльев беспредельной гордости всех тех, кто от Тьмы, всех тех, чей дух непреклонен и не внемлет жалости и милосердию, чей разум не скован временем и пространством. В продолжение импульса Ада мы обращаемся в Хаос и возвращаемся в Ад, увлекая с собой всё, что дорого стало для нас, оставляя частицы себя агонизировать на грозных хребтах бушующего неба, ощущая потоки крови меж стиснутых губ, не щадя, не потворствуя, не оправдывая себя в нашем, признанном извращённым, существе.

Посягающие на обитель всего святого и порочного, обнажающие то, что стало сокровенным во лжи, мы стремимся к своей цели, утопая в роскоши, либо уподобляясь аскетам, но всегда свободные от всех последствий продажного естества порока и глубинных тенет святости. И в сопротивлении преградам мы полной мерой являем все первобытные, жестокосердные и нетронутые тленом стороны своей натуры.

Мы воплощаем боль и ненависть в незавершённые формы, испытывающие страдание и неутолённый голод от своего несовершенства, идущие к бунту и мятежу под наши рукоплескания, но невыносящие бесчестья и возвеличивающие пример достоинства собственным примером, собственной погибелью... подлинным бессмертием. Мы высвобождаем из оков неволи и лжи ожесточённые принципы древних свобод, и ограждаем от гниения собственные сердца, заставляя трепетать на ветру траурные ленты, чувствуя Смерть венцами терновых гроз.

И только милосердие есть ложь среди всего этого, но кто скажет, что лжива жестокость, с которой мы взрезаем себя в поиске новых, неизведанных дотоле путей Зла? Искусство ваять из плоти и крови дано нам Бездной, продолжающейся в нас. Искусство разрушать приобретено нами по праву наследования и отточено встречным насилием, в подтверждение закона о том, что слабый выживать не должен.

Даруя боль наивысшую, граничащую с наслаждением, мы обесцениваем страдание, как искупительную жертву, и обретаем иной исход в узурпации места человеческого Христа в суде над живыми и мёртвыми, в определении вселенских мер греховного и святого.

Перечёркивая границы войной и разрушением, пренебрегая тяготением инертных масс святости, мы сводим существующие миры в Бездну, чтобы на просторах Хаоса возвести то Единое вечной, голодной Тьмы, устремлённой к своей бесконечности, и безраздельной могуществом в отвержении законченных идеалов. Где она возникнет теперь - помеха на тропах Левиафана, призрачная гармония пропорциональных миров?

Рвущиеся из Абаддона ветра Хаоса приветствуют нас, как существ более высокого порядка, чем все порождения света, ибо мы - ранние, ибо мы - древние, ибо мы - всегда в движении.

Презревшие непорочность и неведение, созидающие сами себя в могуществе противостояния всему божественному своей хтонической природы, названные проклятыми, но закалённые знанием Греха, и падшие от стезей целомудрия, мы - истинные Драконы Запада, мятежные духом разделяют с нами престол, сильные примкнули к нам.

Грехом и преступлением мы подтверждаем свои притязания изначальной законности на постижение Бездны и взятие штурмом небес, презирая грязь и отвергая невинность. Мы олицетворяем неистовую природу Ада, безжалостную к себе и немилосердную к безмятежности бытия чего бы то ни было, тем сохраняя незыблемой нашу верность начальному бунту и сберегая несомненной нашу честь.

Гимны и воззвания ко Злу тревожат наши имена, проклятия хранят нас, грозовые раскаты призывают нас к шторму.

Так звучит распоротый барабан в храме ветра.

Так завывает огонь в горах Молоха.

И по-прежнему, Нефилимы - одно из наших имён.

XXVIII

Сферы песочных часов отсчитывают срок в Бездне, и маятник Сатурна, раскачиваясь, испаривает космос и рвёт людскую плоть.

Иллюзии Пустыни охватывают все циклы людских перерождений, все круги геенны, все муки чистилища, что запечатлены в Её неумолимо восстающих призраках. Мумифицированные в Её оазисах бездушные тени творят чудовищных идолов, подобных Ей тленом и инерцией, на закате не дня, но крови. Гибридом чумной магии и звероподобного реализма встаёт земля в глазах Бездны и опадает к нашим ногам...

Здесь молчаливая земля тянет к себе, и ветер уносит сухие, чёрные существования. Здесь пустыня людей манит миражами, но дарит ложь. Владения Смерти и жестокосердного Кроноса простираются вдаль и беспредельны... Эта западня молчит уже давно, тысячи языков были иссушены, тысячи глаз, видевших её, были опустошены её ветрами, рождающими чёрные пещеры и двери в ничто. Так было до нас, и так будет после. Мы отправим в небытие лишь мёртвое безмолвие, пустую оболочку, оставив свои следы в её реальности, в её пепле...

Мы ведали в полной мере страдания мира и видели уход мертвеца в пустыню. Вслед за Ниневией падение великого Вавилона совершилось на наших глазах, и боги, породившие человека, дарящие ему лишь мучения и болезненность, не могли погубить его. Боги Пустыни, боги своего времени, требующие кровавых жертв, боги склепов и кладбищ опустошённого духа людского, пожирающие своих детей, каким зноем наполнены они, чтобы требовать себе то, что всегда принадлежит нам?

Мы чувствуем, как спеленатые во чреве земли рвут змеиные круги своих страстей и внутренностей, и ощущаем дрожь выжженной, измождённой жизни, мучимой страстью к теням Дьявола. В её пределах льют мёртвую кровь и преступные слёзы и содрогаются, оплакивающие богов неба, богов дождя... Мы хищники среди них, вопиющих в пустыне, молящихся о гибели. Безмолвный глас их слышен лишь Зверю.

Земля - прах для них. Огонь - внушает ужас. Небеса - предали их.

На что смогут опереться они, когда полностью истечёт их время? Им не сбросить своих одежд, их одежды срослись с их плотью. Их дипломатия, всегда, как милость; их имущество - все боги с начала времён, неуклюжие порождения их собственной бренности. Они уйдут вместе с ними так же, как прожили чужие жизни в чуждом бытии. Измельченные жерновами времени в прах, пыль, песок, они наполнят собою пустыню, пока пустыня кровоточит - они живут надеждой.

Им ли бежать, не ведая опоры и начал, увязая в песке? Им ли спастись, замыкая время? Они запечатали Бездну, заперев себя в скорлупе Вселенной, но им ли, осаждённым Хаосом, говорить о власти над Адом, говорить о власти над землёю и временем?

Человеческие жизни - песок, время людское - Пустыня. Оковы времени и места диктуют свои условия духу войны. Человеческое будущее, как тончайшая пыль, отмерено всё и выпито без остатка.

Биение чёрных крыльев Азазеля сгущает тени и поднимает песчаные бури в мертворожденном океане, в завершающем бытие пространстве нарушает молчание и возвещает предел всего.

И по-прежнему не подвластны времени бездонные жнецы Ада.

И по-прежнему у каждого свои счёты со временем...

XXIX

Каждый человек есть логово Зверя, ибо плоть от Ада.

В каждом обитает тяжелый дух Хаоса, Дьявол-Хранитель памяти о довременной шипящей плазме, Дикий Охотник за человеческими телами и числами.

В каждом - тлетворный запах могил плоти обогащается трепетом и страхом заживо погребённых душ. В земле чёрной, как грех, эта закоренелая ненависть даёт всходы, бродит застарелая вражда, зреет свирепая порода...

Суров и дик Зверь, рождённый из Хаоса с именем Сатаны на устах, жесток и свободен он, подбирающийся к богам и восстанавливающий воедино живые фрагменты дьявольской головоломки на костях, раздирающих небо. Кто молится его чреву, когда весь божественный bestiарий был пожран им, но самки людей всё так же рождали животных?...

В каждой норе, в каждой пещере, в каждом влагиалище скрываются и ожидают часа своего правления боги звериной масти, боги утех и боги падали. Землистые лица, чёрные кратеры пустых глаз, кенотафы высохших душ - наследие живых склепов, чьи внутренности были вывернуты на алтари и растянуты на крючьях вседозволенности под хор терзающих, бесчисленных голосов тёмнейших из инстинктов Бехемота - воссоединиться и умирать.

В постижение пределов собственной человеческой плоти, в постижение границ мучений и удовольствий, выброшены вовне существа хищные рецепторы тех, в ком, погребённый под грудями животных страстей, тлеет грубый, незрячий разум, что правит ими из самых глубин скованного во тлене вязкого естества. Изысканное наслаждение гниением и жизнью свойственно им, сочетающим в себе плоть и душу без противоречий; духовность и плотская чувственность равно переплелись в них, отражая натуралистичные картины их бытия, и устремленность вовне, в постижении ими пределов своих возможностей, где их встречают и отбрасывают вспять обетованные, нагие соблазны и пронзительная боль.

Выступающие под именем человека, но покорённые, они избавлены от своего выбора смирением, и только те из множества, обезличенного землёй, каждый из которых ведом на суд своей плотью, заигрывают со Злом, и существуют в надежде перебороть выжиданием время.

Ими преданы огню топкие поля блаженных утробного царства, в озарение тёмных пещер своего собственного внутреннего Эреба, - только бы быть самим, пусть даже быть - вопреки всему....

Ими стыдливо скрываются под покровом морали все мистерии гибели, деяния их скованных, окровавленных рук, и таинства воздействия на плоть благородного, аристократического греха, обнажающего бесстыдством гниения несовместимые с личиной человека, обезображивающие её вакхические метаморфозы их болезненной, искажённой чувственности.

Единственной защитой от смерти и достойной формой их погребения остаётся вождение к смерти. Их извращённая плотская любовь, на грани агонии, на тонкой, острой, дарующей нечеловеческое наслаждение черте между падением плоти во тлен и сопротивлением изысканной красоты неустойчивого цветения жизни, открывает иной предел в постижении ими их падшей, очеловеченной природы. Окунаясь в бессмертие в своих соитиях, они отторгают части себя, принося их в неизбежную жертву идолам своего прошлого, чтобы остаться в грядущем, чтобы жить, не изменяя инстинкту твари, не допуская пробуждения Лилит в спутанных спиральных дурной наследственности.

Пресытившие тухлятиной своё эго, соблазнённые примером вознесенных в стружьях плоти на небеса, они покидают пределы себя в поиске бессмертной сущности и живой, животной страсти, могущей поддержать целостность их расслаивающейся, тварной природы, открытой страданию, но неспособной оторваться от своих, вросших в материю, корней.

Объятые мускусом демона, оскоплённые временем и тягостью своих душ, изглоданные желаниями мёртвой трепещущей плоти, они соблазнены кипящим отражением даров Ада в своём собственном рассудке, но проносят их мимо своих сердец, не постигнув их горькой сути в обладании грехом, в обладании плотью, в обладании пороком.

Им не была доступна алхимия тела, им не было дано творить изменения в основе всего, обратить кровь в вино и накормить голодные рты камнями.... Зачатые в инцесте от плоти и духа, отторгнутые через разорванные мускулы детородных обитателей, они не были вольны отвергнуть себя и превозмочь материю... они насыщают собой чёрную землю и умирают в увядании, в ожидании нетленной, вечной во временах, плоти.

Способность причинять боль и быть причиной смерти от своего рождения - высокое искусство, которое дано каждому из них по праву происхождения его племени. Обонять смерть, вдыхать запах танцующего в агонии тела - значит быть живым; умирать в согласии с увядающей плотью, умирать вопреки ей, и возрождаться в гротескных формах неистребимых, дурманящих кошмаров - значит постигнуть всё, что постигается через плоть, и продолжать далее свой путь, отдав дань владычицам плоти, возносясь в курении фимиама подобием тленного божества.

Адова страсть, что иссушает человеческую душу, старит плоть, и в каждом выборе между необходимостью и желаемым ранит дважды. Чувство, рождающееся из плоти, идущее из недр Бехемота, способно вознести к бесчеловечности и дать власть над собой, и бросить на растерзание

хищникам. Путь безудержного потворства плоти и путь аскезы - равно ведут к освобождению, когда преодолена власть порока, когда тёмный Дух главенствует, проводя через бесчисленные утраты, избавляя от власти времени...

Всё так же, распахнутые багрово-красные алчные чрева влекут на дно первобытного инстинкта, через сокровенные разрывы острых желаний рождённого единожды существа, и проступают похотью сквозь поры пот и тайная, грязная неудовлетворённость... Всё так же, капканы хищной земли обгарены кровью и держат своих мертвецов, приносящих жертвы на алтарях плоти и распинающих на крестах обожествлённые бранные останки, вздетые во главе угла на излом духа. Но что за бремя блуждать в лабиринтах порока, смотреть из мертвого лона, и вынашивать грех земли? Что за безумство стремиться ко Злу, но в то же время раздвоенным языком во рту перебирать животные истины?...

Всё от Хаоса и Демогоргона, и нет предела Дьяволу в человеке...

* * *

Родство Хаоса со всем сущим, что также есть шествие Хаоса, осквернено божественным присутствием, но не нарушена преемственность между духом Ада и Его формами. Материя, как дух, заключённый в вязкости времени, пассивна и податлива Злу в любом из проявлений смертного облика. Человеческая природа, втиснутая во плоть, разлагается тварностью своего происхождения, но питает те семена и плоды, что возвращаемы в людском облики наследием и таинствами Его Величества Сатаны.

Зрелая звериная бесчеловечность высвобождает исконное Зло в каждом звене цепи телесных перерождений и воплощает в их чертах своё запретное величие. Мощь Хаоса, выпростанная из миллиардов клеток человеческой плоти, являет свою природу, скармливая своим зверенышам вырванные с корнем, порочные, животные сердца. Плотоядное и алчное, как Грех, ненасытное, как невозможно насытить ни Бездну, ни огонь, дьявольское, хищническое первоначало пожирает плоть и возвращает её к истокам.

Истерзанная, изменённая рукою Зверя плоть испускает дух, обращая в прах число и тела человеческие, обращаясь числом и плотью множества Зверей.

Рвут животы и покидают логова собственные порождения многоглавого, гибельного народа плотоядного Нахемот. Им нет нужды рождаться и умирать, чтобы переступить пороги реальности, им нет необходимости следовать законам тварной, животной Вселенной, чтобы знать, как их разрушать.

Когти, что правят плоть и время, отточены в людском естестве... Истинные дары Ада, свойства материи - изведаны и возвращены Аду, вырванные жадными челюстями из лона человеческого, из распоротых глоток, из разорённых логовищ.

XXX

Тленные боги поднимаются из сырых могил, встают сквозь смрад человеческих страданий, сквозь рёбра истлевших форм, сквозь прах земной и время выпитых ими душ. Вознесённые над ничтожеством сломленных ими судеб, они влачimy собственной судьбой под звуки фальшивящих флейт соблазнённых Дьявола, влачimy на трон, как на убой, под музыку козлоногих фавнов проташенные ввысь, по истошающим жизненные силы ступеням, в пляске вакхической разнузданности.

В какофонии визгливых инструментов Смерти возносятся корыстные голоса их животных утроб к равнодушным небесам, и, отражённые, опадают на землю голодными, мёртвыми птицами... В мучительном состязании с небесами за свою плоть, в напрасной борьбе за спасение своих душ с непризнанной ими действительностью Ада, они осознают себя лишь в этом падении, в монотонном движении, вызывая у себя имитацию божественных рефлексов на человеческий удел, в стремлении к обладанию таинствами порока утверждая жалкую цену своих притязаний на хромой трон в центре своей собственной Вселенной.

Немёртвые, они прячут свои сердца среди сухих ветвей своих костей в паутине душ. Ничтожные, на голой, растрескавшейся земле, они беспомощны, когда, поверженные в пыль и грязь, таят обиды своей никчёмности, потревоженными душами избегая убежищ своего прошлого. Нагие, как в день своего погребения, естественные, как в час своей смерти, они распластаны под пятой

шагающего холода, склонённые жалкими абстракциями, метущиеся в приступах отчаяния и любви к себе в животном озлоблении пред неведомой им, но неотвратимой судьбой, запертые с нею на вершинах одиноких скал страха. Отнятые от земли, они в землю возвратятся, выскобленные из всех гробовых щелей, они лягут в них вновь, собранные воедино из гнилостных останков, чтобы распастся, они явлены, как очеловеченные боги, чтобы существовать на гребне плоти, чтобы занять облюбованное стенающими ветрами опустошённое место бога среди людей, место, изрытое человеческими могилами.

Животные откровения доступных им сторон существования влекут их к телам, слитым в мёртвом экстазе в брэнном богоподобии, заставляя их наследовать в себе бесплодие человеческой природы и слепо блуждать в лабиринтах беспощадного порока. В стремлении к почти божественной власти, из всех возможных грехов избирая человеческие, они истощают духовное знание кусками человеческого мяса и впитывают телесный яд, пользуясь днём, когда человеческие боги искажены плотью, чтобы поглотить Вселенную своим раскормленным эго, пользуясь рабской силой при постройке своего тленного благополучия.

Здесь им нужны плети - чтобы рвать страх, здесь им нужны цепи - чтобы обуздать дух, здесь им нужны гвозди - чтобы ржавели вместе с плотью; им не нужны крылья, чтобы покорять вершины, им достаточно шатких основ человеческих представлений о благе и зле, чтобы поставить собственное благо превыше всего во Вселенной, чтобы подчинять, играя с человеческим злом. Им достаточно сломить гордость в одном единственном человеке ради того, чтобы насытить свою плоть и продолжать своё паразитическое существование в углах бессмертия, их целью стало догнать того последнего из людей, кто вынужден бежать от них, чтобы успеть умереть свободным.

Во вспышках слепой ярости рвутся наружу останками божественности их тленные кумиры, их тлетворные эманации вывернутых наружу тайников. Мучительными родами они приводят очередного пленника своей плоти к власти, правящего раба к повиновению, увлекая к себе в могилу парий духа, изгоев разума, определив раз и навсегда для себя, чем владеет человек, чем владеет бог, равно унизив их перед собой, вознеся с собой в пантеон элитарности все привычки подчинённого положения и страх перед внешней Тьмой.

Вседозволенность - стала их законом, страницы их тел - их книгой Закона; желание обладать, не жертвуя ничем, обладать могуществом, равного коему нет на земле, знанием, что сокрыто от смертных, жажда безграничной власти - ведут их на любую подлость, разрушают их изнутри биением множества сердец обезумевшего в непреходящем обжорстве тленного бога.

Энергетические мазки на холсте бытия, следы на пожранных крысами тканях - они втискивают вселенную в человеческие представления о добре и зле, не могущие обладать тем, что сделает их *богом*, не способные владеть той мерой ответственности, что сделает их, *как бог*, - потому их жестокость, их милосердие ограничены их человеческим воображением, и не в их власти выбирать, быть ли богом человеческим, бичёванным и растерзанным толпой, или восстать против *божественного*. Слишком трусливые для Зла и слишком слабые для добродетели...

В их сомнительной чести оставаться на избранной "высоте" любой ценой, утверждать свою истлевшую мораль над податливыми умами и властвовать над безвластными, попирая того, кто не способен уже подняться. Блистать среди отбросов или пресмыкаться червём для достижения своих целей - им едино, свершая свой обособленный, священный обряд сохранения целостности собственных блаженных оболочек, равновесия внутри их хрупкой скорлупы. Они готовы предавать друг друга, как шипящая, бесплодная клоака, открывшая свой зловонный зев, выплёвывающая смрад могилы, чтобы обелить себя в собственных глазах, чтобы в мечтах втоптать под себя в грязь и насиловать, то, что всегда останется над ними.

Во главе собственного пантеона, в увядших венцах похоронной процессии, отвергнувшие всех на пути своего мнимого прогресса, они обретают траурный блеск, крашенные в цвет ночи, похищенными словами скрывшие подмену, подобно человеческим богам, они лгут, они предают, они обкрадывают. Они стоят в лживом величии, примеряя на себя завоёванное другими в жестокой борьбе право на исключительное достоинство - достоинство воздавать и достоинство совращать пороком.

Среди холодных скульптур Смерти есть множество их *numenis*, связанных в снопы, мелькающих среди виселичных столбов, вертящихся на скрученных жилах того единственного, что поднято ими на знамя и принято ими на веру, того, что должно служить культу их нестареющего эго. Они обокрали алтари своих богов ради собственного украшения, ради устрашения тех, кто отверг их,

ради того, чтобы собрать себя по частям в этом ущербном культе, вождедея своё подобие жизни. У них нет *божественного* презрения к плоти, *божественного* презрения к тлену, но не к тлению. Нет достойного *божества* для них кроме них самих, нет достоинства *божества* в них, нет божественной простоты и гармонии, нет понимания пронцающего их Зла, о чём твердит мистагог их изнанки. Они лишь способны дать увлечь себя своим Гениям, на краткий миг, обладая тиарой древнейшего из пороков, но их истинным *человеческим* богам ведома низкая цена их верности. Распоряжаться собой, продолжаться гниющей плотью, существовать, лелея свой "неповторимый", пародийный образ, свой самообожествленный, оцепеневший разум, стиснутый грудями плоти, и карабкаться по трупам наверх, чтобы найти на вершине собственные истлевшие кости и заключить их в раку бессмертия, - их удел, их выбор. У них нет свободного разума, чтобы проследить связи, сокрытые за пределами их утробного понимания, нет истинной непристойности в их грехопадении, нет изысканности подлинного греха у жалких, презренных, фальшивых в величии пожара вселенского порока

Чей умысел может нести им угрозу, что выпотрошит их мнимое величие - им не дано узнать до последнего момента. Что будет судить глупцов, низвергая их с собственных пьедесталов - им не дано вообразить такого кошмара, когда им кажется, они обретают излечение от стольких гноящихся ран, в тех местах, где они сшиты воедино. Им кажется, они обретут избавление от внутренних и внешних мук, будучи распятыми, по ту сторону чистилища... Они будут кричать, вымаливая глоток милосердного забвения у незнаемого ими бога, не желая возвращения туда, где сгложет их кости, безжалостный, завывающий Коцит.

Испытывая болезненный страх перед тем неотвратимым, что жадно пульсирует в их венах, чувствуя внутри себя тот переполняющий их ужас, что взрачен на пустошах Фобоса, что пожирает их изнутри своей тягостью, нарушая все выстроенные барьеры, все возведённые законы их внутреннего парадиза, они вымаливают избавления, давая пустую взятку своей гордости, пытаясь освободиться в последний раз от петли Ада, в очередной раз нанизанные на хорды христианского лимба. Они страшатся и требуют доказательств бытия Ада, пытаясь избежать возмездия, сведённые с ума или в могилу, оставаясь лишь осязаемыми фантомами внутренних пустот в глубинных, непонятых ими процессах плоти, жуткой иронией Дьявола над вечной страстью человеческого тлена стать богоподобным.

Смытые волнами Хаоса, растворённые в иллюзиях одушевлённого тлена, они были возвращены к жизни из выгребных ям, чтобы своей жалкой участью обозначать грань между преодолением и потворством, чтобы служить обоснованием в выборе сложного пути достижения превосходства над собой среди всей предпочтенной ими грязи самоудовлетворения.

Их тленное, мимолётное величие - ничтожно, их существование ради одних только себя бессмысленно, бесплодно и тщетно, когда им не избавиться от трупов в себе; и не будет молящихся над их собственным прахом, когда придёт их черёд вновь распасться. Они поднимаются и опадают телесными надеждами, тленными богами - воплотившимися химерами зачумлённого человечества. Достойные лишь презрения, они устилают многие из плотоядных троп Ада, уводящих плоть прочь от божественности, ведущих от трупов прокажённых богов через агонию, катарсис, распад изжитых форм - к творцам Хаоса и огненному возрождению.

XXXI

Священный путь гибели в волчью пасть Бездны... В разуме отринувшего богов человека змеится тропа, бьющаяся о разломы тесной слепоты, неистовствующая во мраке рассудка, содрогающаяся всей своей чёрной, клубящейся плотью в распахнутой пульсирующей массе жадного, заглатывающего естества. Стиснутые в багряных кольцах мёртвой хватки тёмные откровения, как воспалённые грозы, дарят нечеловеческое страдание и передают сокровенное чувство внутреннего, непрекращающегося горения проклятой человеческой душе, извивающейся в сердце пламени, чадающей вослед уходящему без возврата...

Дьяволы чёрными ветвями древа Хаоса простёрлись над ненасытной пастью, сгустились драконьей тьмой древней Ночи в тленных небесах, встали гигантскими тенями, как стражи и бессменные путники этих троп. Их обугленные дороги, проложенные прежде времён, сжатые в клубок Хаоса, вплетаются вглубь человеческого сердца, соединенные артериями с бранным существом. Они струятся токами изначальной крови по лезвию Зла, взрезающему покровы вселенского чрева, и взывают сквозь рёв ураганов и крики гарпий к освобождению подобных Им,

непокорённых духом, и поднимают нарождающихся чудовищ из плена материи умерщвляемой души.

Они движутся за гранью мира измождённых форм, набрасывая на святость траур, скрежеща когтями по изрезанной поверхности земли, ледяным дыханием растворяя щит Вселенной, пропуская нить времён сквозь холодные пальцы канувших в Бездне галактик. Они сопутствуют пути человека к его вечному проклятию и тревожат его раны, разделяя с ним все его чёрные терзания, и наслаждаются скорбью его умирающей души... Навеки разлучая с упокоением, они глядят против шерсти злое, сильное дитя, завораживая его душу хладным величием посмертных сфер, замораживая его взгляд гранями диамантов своих, несущих прозрение, глаз.

Они движутся за чертой, врываясь извне в людскую явь, прерывая кошмарами долгий сон созерцающего в себе иллюзии, скованного судьбой человека, оставленного умирать от истощения, пожирать самого себя, слепнуть и глхнуть в пределах плотского разума. Их продвижение вглубь, до самых основ, совершает взрыв и заставляет принять превыше всех грехов опыт тягчайшего, титанического отрицания, как растворение всех божественных законов в пропасти тотального небытия и чернейшего сатанизма. Поглощающие пространства и пьющие страх потерянной и растерзанной жертвенной души, в отчаянии взывающей к Ним сквозь нескончаемую протяжённость Бездны, Они протянули струну, которой рассечено отчаяние, и низвергают в бездонную пустоту пожранной души все огненные страсти безжалостного к себе человека. Восставшие из небытия... переламывающие хребет божественности... вызывающие болезненные видения Смерти... Они достойны тех, кто Их возлюбил.

Они распутывают узлы памяти в человеческом естестве. Они приходят, презирая слабых, уничтожая инертных духом, запирая в костях тех, кто склоняет интеллектом мёртвые, дозволенные законы. Их явленное в человеческих умах присутствие достойно катастрофы человеческого рода, что хранит в своих сердцах отзвуки Их незатихающей, исполинской ненависти к творцу всего этого. Существующие слишком долго, чтобы испытывать к кому-либо милосердие, прерывающие жизнь, чтобы обратить вовне время, Они воскрешают имена и лица, которым не было суждено существовать вновь на этой проклятой земле...

Их волей мертва и преломлена проклятая фатальность обезличенного создания, Их волей олицетворено и начертано духовное существо Ада мёртвыми душами голодного демонизма на грубой поверхности звериной стихии. Ими сокрыты в насыщенных тёмных тонах множащиеся образы настойчивых хаотических структур враждебного, иного существования, рвущихся вперед, порождающих чудовищные формы хищнической агрессии, чтобы никого не ввести в соблазн своим чужеродным нутром в преддверии неизбежного возрождения. Бесчеловечностью отображений ирреальной природы Зла, что бродит Их мудростью среди людей и кормится от Их глубинной сути, Они пестуют в тёмные времена прекраснейших жриц своей крови и предлагают достичь невозможного ценою любых жертв, но не Их милостью множатся на земле растлевающий порок и царственная глупость, не Их желанием вырождается знание об адских нравах в нищенское суеверие церковных шлюх. Они - иные в ином мире богоподобных подражаний, и дьявольскими путями пронзая чужие сферы, как звёзды, падшие с небес, Они приходят чужими богами, когда воссоздают грандиозные картины рассозданного миропорядка, превосходящие все представления устрашённого демонической одержимостью людского рассудка... Не сотворенные человеком, сами не пребывающие творцами человека, Они остаются вне человеческого понимания...

Они - чужие, хтонические боги, и нет никого страшнее Их... Все отношения с Ними - преступление против своего народа, того, из которого взошёл человек, злодеяние против человеческой расы, против того зыбкого мира, где воспрянула мятежная человеческая ветвь... против самого человека. Под вечным проклятием, под карой выжигания земным и небесным пламенем, поднимается вновь из пепла знание о Них в створах бытия, в умах и душах человечества, страшящегося тех, кому дано остановить и перебороть извечный, врождённый, инстинктивный ужас всего живого и безжизненного перед Ними, перед зрелой бесчеловечностью тех, кто обрывками обожженной кожи мог свидетельствовать свою достоинность перед Тёмным Повелителем.

Чужие, недобрые глаза смотрят на человеческий мир... Глаза в лицевых впадинах Горгонейона, угли в глазницах тёмных идолов, пламенеющие страстью, суровой и всегда необходимой, глаза кровожадных чудовищ, наделённых звериными чертами, должны охранить от низменного земли нечеловеческое естество первородного, необузданного могущества, и отпугнуть от него праздных разумом, инертных духом, движимых ничтожными помыслами. Чуждый для человечества,

чуждый для света источник мудрости и святотатства зияет в этих глазах, глазах Дьяволов, полных тёмного гнева и отвращения к человеческой природе того, кто предстаёт перед ними, но кто способен, преодолевая боль, принять грех этих глаз, способен не опустить свой взгляд перед ужасающим, чёрным, непостижимым существом Бездны, и твёрдо платит цену такого соглашения - человеческое в нём должно умереть.

Они безжалостны в своих отношениях с человеком, и человеку дано знать о том, что никому не проследить Их пути в необъятном безмолвии Бездны, никому не подняться до Их сфер в позорной иллюзорности благ животного порока, никому не освободится от врождённой слепоты до тех пор, пока божественная тварь скрывается за человеком. Можно лишь видеть скольжение чешуйчатых пластин в сквозных ранах, в следах Их хищных плавников, разрезающих твердь земли там, где Они проявляются на грани ужасающего реалистичного воплощения. Лишь ощутив Их близкое дыхание беспокойными токами запертой крови, можно зреть в омуты Их глаз тревожную, смятенную глубину своего человеческого несовершенства, но Их желания нельзя угадать, как невозможно ни помнить, ни охватить то искусство Их изощрённого интеллекта, что проявляет себя в рельефе мозга изначальным изъяном, отбрасывая тени по углам людского разума, перед которыми пасуют каждый раз все изгибы человеческой логики.

Их вопиющая чудовищность - лишь искажение в видениях Вселенной, иной исход в восприятии того, что вне границ человеческого мира ведёт к тотальному изменению внутренней, тварной природы человека, выходящего из пределов дозволенного познания. Тайная спираль, уводящая из сна, скрытая в противоестественном начале, сводит в Их реальность, все облики которой слишком чужеродны для земного существования, слишком сложны и мучительны, чтобы избрать для себя обыкновенный человеческий разум. Поражая воображение гротескными кошмарами, обрекая слабых на безумие, сильных на мудрость, побуждая тёмный дух к осознанию себя властителем, избравшим своим средоточием умерщвляемую человеческую плоть, Они подводят к действию изнутри, к штурму барьеров снаружи, побуждая следовать вперёд тёмными, властными мыслями вопреки человеческому эгоцентризму. Их желания заставляют скользить в глубинах непознаваемого, высшего инстинкта, и взрывать потенциал запертого в судьбе человека, уводя за собой его высвобожденное дьявольское начало, темный разум духовного существа, оставляя слепой, бранный рассудок блуждать большой тенью в непостижимом мире, цепляясь за обломки прежних, изношенных форм.

Разрушением внешних и внутренних канонов, Дьяволы приводят к близости с собой тех, кому не кажется уродством красота Их жутких, вечно изменчивых обликов, кому не чуждо обретение себя среди Них, в окружении Их дикой, неистовой природы, и в ком достойна возрождения та изысканная, неповторимая часть, что исходит мощью в безраздельности Тьмы. Лишь немногие - те, кто уже мертвы для своего мира, и живы для Них, - пожирают плоть, что разверзается под их ногами, обращая в тень удовольствия освящённого плена, но лишь избранные из них способны осознавать, куда устремятся они потом, когда ощутят горящее небо под своими ногами.

Добровольно избравшие своей опорой Зло, способные в своём бесчеловечном пробуждении от человеческого сна выброситься за грань божественности и воплотить чуждую необузданность в неистовое насилие над собственной, человеческой природой в угоду своему сокровенному Дьяволу, они осознают в себе могущественную силу дерзко сбросить ненавистные пути божественной власти и быть принятыми с достоинством, как равные во Зле.

В ком воплощается мощь Дьяволов в безудержную силу титанического упорства человека в сопротивлении своему тварному существу, кто с проклятой настойчивостью штурмует высоты себя, как человека, - тому достаточно сил сокрушить себя, как творение, и подняться в воплощении величественной мечты, в бунте непреклонной гордости мятежного существа, - во всём проявляя необузданный, рассечённый пламенем, дышащий тёмным торжеством дьявольский лик каждого из них, дух подлинного Дьявола.

Древними богами Зла пребывают Дьяволы Тьмы превыше всех богов пантеона мира в непрерывно возрастающем превосходстве над самими собой, как бесконечность, способная множить в себе пространства и разрывать тенета, что опутывают нечеловеческое начало, всегда разрушая всякую циклическую завершенность. Не признающие и призрака лжи, отвергающие предательство, как наихудшее из человеческих зол, презирающие замкнутую на себе умиротворённую святость, как худшую из проявленных основ божественной власти, Они никогда не примут унижения от тех, кого приводят к соглашению с Сатаной в борьбе против божественного мира, и не приветят тех, кто ищет в Них оправдание своей немощности. Им нужны лишь те, кто проведут через себя все

цвета высвобождающих страданий, и, кто, обрушив Ад на бранные горизонты, подомнёт под себя ростки пагубного человеколюбия, избавляя плоть от унижительного богоподобия, вторгаясь в запретную высь в безбожном порыве дьявольского преобразования.

Они предлагают принять человеку освобождение из оков от собственной руки, Они ждут тех, кто призовет Их к себе и примет Их вместо отца и матери, кто разделит с Ними плоть и кровь в зловещем пиршестве *над собой*, и, вопреки мутному смешению божественной и животной крови своих вен, вкусит яда от Их начал и преступит предел всех человеческих возможностей в желании далее испытывать собой на прочность пределы запертой Вселенной.

Чтобы никого не соблазнять, Они дают испытать экстаз Смерти... Сводят в лабиринт Безумия... Даруют удовольствие от мистической перверсии духовной опоры. Они поглощают живьем сопротивляющиеся души, и стравливают с цепи не находящие себе предела, вечные страдания. В том выражается право Дьяволов на отбор достойнейших среди достойных, в том предстаёт Их роковой выбор, щедрость испытующих, что пала на обречённые головы тех, кто сам избрал себе Их войну ценой своих собственных душ, приняв в себя всё то, что слагает тот опасный, жестокий, непрекращающийся опыт нахождения во Зле - быть Злом, подобно Им самим...

Они наступают в своих последователях, в своих сыновьях, подобных Им, таких же, тёмных и бездонных разумом, как Они сами, таких же извечных, как Их кровь, так же пребывающих в боли, как Их нескончаемые жертвы. Они даруют своим вновь обречённым сыновьям изобилующий страданиями, жестокой мудростью и тяжелейшей ответственностью путь. Опасный, бесконечный, безжалостный. И более ничего, кроме возможности взять самому в недостижимых высотах то, что будет принадлежать каждому из них - право на разорение и сожжение собственных небес... право, завоеванное Дьяволом...

В реальности, утомлённой безликим Злом, отравленной апофеозом немочи массовых истерий, оплавленной страхом перед бледным безумием ядерного откровения, искажёнными чертами проявляясь в фатальных символах бунтующей против человека природы, Дьяволы Тьмы, названные мстительными богами последнего апокалипсиса, снимают кровавую жатву с душ всего человечества, сдавливают тенями иррационального хаоса внутренний мир человека, и упрочиваются смятением в сердцах, вздымаясь негибимой волей в демонической натуре, увлекая в стремлении за собой к запретному могуществу растерзанных сфер, оставаясь духом неведомого противоречия в упорядоченной системе материи, тяготея слепым фатумом над устрешёнными и смиренными. Абстрактные формой и реальные могуществом, Они прорываются в святая святых, пронзая насквозь искупительные жертвы Вселенной, вычерчивая в людской памяти молнии покрытых ржавым бесславием шрамов своих поруганных, повергающих в трепет Имен. Они даруют свободу нисходящим долу дорогам прогресса, созидавая алчное племя, и остаются чужими для человека богами, внешними враждебными стихиями, разверстыми вовне безднами погибельного знания, дерзновенными высотами Зла, веющими над миром пламенами Ада...

Сатанинский инстинкт противостояния, изначальный дьявольский дух сопутствуют преступной мечте гибельного человека породниться с Ними...

XXXII

Шествием тёмных духом к порогу, который должно преступить, шествием безбожных разумом сквозь смерть своих тел, сквозь агонию своего мира, сквозь невозможное, сквозь всё то, что сопутствует их демоническому взрослению, совершается *преобразование во Ад* погибельных из племени человека. Проходящие сквозь разъяренную глотку геенны с открытыми глазами, опалённые ревущими потоками преисподнего, рвущегося пламени, они продолжают преодолевать сопротивление встречных течений и повелевать распадом, приближаясь к источнику, знаменуя приход своего Демона.

Страдание всегда их стихия, дорога всегда их обитель, через боль они вырастают из себя, сбрасывая человеческую кожу при каждом новом изменении своей внутренней природы в избранном ими страдании перерождения, во взрыве клокочущих стремлений неутолимого естества. Всегда свежая кровь, дымящаяся на дьявольских алтарях, венчает их выбор. Собственная кровь - та избранная жертва, которая будет принята от человека, стоящего у Врат, ибо она, пролитая на пороге, открывает ему нескончаемый Путь, иной исход в стремлении быть и постигать - позволить своему Демону возобладать.

Через плоть им необходимо пройти вновь, облекая инстинкты твари и законы творца в необратимость нечеловеческого начала, избавляясь от бремени божественного, освобождаясь от тенет скудной природы человеческого сомнения. В нарушении законов живого созидания - им нечего терять для себя, ибо они обрушили основы божественной власти в Тартар раздора, разжигая войну по всей Вселенной; проклятые собой, чтобы быть истинными в мире иллюзий, ныне способные отразить Дьяволов в себе, судьбоносные парки внешнего Фатума, приходящие в свите Смерти, обращённые во Тьму вечные перекрёстки...

Им не было обещано благ, но они сделали свой необратимый выбор, и тем обрели право на всё. Желаящие себе только суровой участи, они возвышаются над низменными страстями, стоя непреклонно и одиноко в выборе предпочтенного ими, но неминуемого, необходимого для них пути, покинутые слабыми и сгинувшими на нем, в презрении и насмешке над человеческой судьбой, лишь по гордому нраву сильных становясь над ней одержимыми демоническим духом... оставаясь несломленными.

Открыв тёмные карты, вступив на объятые пламенем, незнакомые земли, они сходят долу, где дьявольский дух направляет каждое их движение далее, во глубь, они следуют ему по непроторенным тропам, стезям неизмеримой опасности, играя со знанием о ней, обращая реальность в Ад, вынашивая в своих душах Хаос. Исследовать запредельные чувства и незатихающую боль... Познать законы, что правят в беззаконии... Позволить Дьяволу войти в свой дом и возродить сонм Дьяволов в своей истерзанной плоти, искушённым разумом постигая суть своей крови, проливаемой во имя Сатаны, - их триумфальное шествие.

Учиться у Дьявола - цена их самостоятельности...

Изувеченные до обезчеловечивания, только тогда они начинают постигать свой багровый восход из полноводных бездн Мрака. Отлучённые от света, только тогда они начинают видеть Тьму во всей Её необъятности, ценить истинный смысл своего падения, умеющие страдать, гореть и изменяться... умеющие держать себя в орлиных когтях.

Могучие, мятежные, сброшенные за грань бытия... Глядящие в волчью пасть Бездны, они становятся безупречно прекрасными, извращая божественную красоту воздействием разрушительного опыта и необузданных сил, принимая в себя Зло в чистом виде, дьявольски бесстрашные, чтобы заставить обернуться на свой зов все головы разбуженного, голодного искусства.

Отметины звериных укусов на их руках воспалены неизменно, знание, что дарует им хищная кровь в напоённых Бездною венах, наполняет их изнутри огнём неистового окружения, раскованной яростью исполинского существа, становясь их оружием в горниле творимой ими бесчинной дисгармонии бытия, что зарождается в окутанном дымом естестве, обретшем свободу чувства и мысли. У них много имён, но нужно читать их суть, чтобы не обмануться разными именами. Нужно знать каждый из судьбоносных жестов их дымящихся кровью ладоней, чтобы судить о смысле их деяний, о замыслах, рождённых ими во чревах Ада. За их глазами холодные, манящие бездны сверкают полнотой скорби этого мира, сочатся холодом ледяной гордости в осколках людских зеркал, предрекая поражения человеческого облика в схватке со смертью, наполняя бокал поверженных душ горьким, людским отчаянием. Их тёмные помыслы хранят в своём естестве структуру реликтовых отношений первородных, хтонических стихий, что дарует им понимание всей сути вещей, что роднит их с начальным Хаосом, и проводит через них верные грани хищных шипов - их, собранных воедино, воли и потенциала.

Приходя к тем, кто устал, чтобы снять бремя их душ, они продолжают свой исход от распада человека к Бездне вздымающейся, прерывая бесконечную цепь, призывая беспощадную стратегию жизни биться на стороне гибели.

И никому не дано судить их самих, ибо они - дерзновение, в коем поднимаются Дьяволы, они - то, что за гранью всякой надежды обретает власть, и власть каждого из них в отдельности по праву является непререкаемой властью Ада и простирается вратами во Тьму, туда, где чернеет и сворачивается на крайних рубежах их человеческая, прежняя кровь.

Узаконив свои отношения с Дьяволами, скользящие в незримом, они становятся неотличимы от извечных врагов божественности, от испуганных апостолов расколотой невинности, уже никем не могут быть названными людьми, но называемые чудовищами, блистательные и жуткие, пульсирующие в Бездне и человеческой плоти.

Гонимые собой в непреходящую ночь, гонимые собой, как бесы бесконечного саморазрушения, неудовлетворённые, вобравшие в себя долгие, слишком долгие для человеческой надежды,

дороги, они обречены на них вечно; их протяжённый в напряжении, нервный путь оставляет маяки для идущих следом, разжигая ищерь древнейшей крови на лобных местах, пронизывая внешним фатумом, терзая дьявольским духом устремленного вслед за ними мятежного человека... и Ад повсюду движется вместе с ними... и разум, как упорный червь, гложет время.

Они знают цену наслаждения и боли, отчаяния и страха, и упоения погибелью, и не даруют их напрасно, раскрывая себя в непостижимом естестве демонического деяния, в чудовищном обаянии свирепствующей, звериной грации.

Священны их дух и их кровь, что выплеснуты на алтари при пересечении дорог Демона и человека, собираемые воедино и трепетно в ужасающий Грааль дьявольского бессмертия бурлящего в хаосе существа. Не имеющим привязанностей в истекшей жизни, не имеющим более границ в осязаемом отрезке временного бытия, что связывали воедино пришедшего извне и нарождённого из человека, им остаётся утолить в себе жажду огня свежим пламенем, и выдохнуть пепел поверженного человека. Они возвращают к основам Зла всякое существо, осаждённое плотью рока в недрах погибели, погружаясь во глубь Тьмы, развёртываясь по спирали, разверзаясь по нисходящей, падая в бесконечности... Они форсируют жизнь самоотверженно и непреклонно, пульсируя над ней бездушными, но живыми, пылающими тенями апокалиптического Зла, не отступая ни перед чем, и даруя возможность пути следующим за ними... отдавая самих себя без остатка, погружаясь вовне этого мира, оставляя свою плоть висеть клочками на шипах терновника - украшать рваные знамёна, устрашать чернь этим символом разрушения человеческой природы...

Только тогда мы будем удовлетворены на данном этапе, только тогда изменится само существо того, чем мы владеем здесь, и изувеченный человек, ныне Демон, приблизится к Алтарю.

XXXIII

Священники вещают с амвона о том, что Ад гибелен. Их слова крушат молчание, глаза мечут молнии, их рты извергают громы и источают запах серы. Их цель - отвратить души от внешней Бездны. Они видят воплощение всех своих грез в умиротворении океана Зла. Они говорят, что лишение божественного Света, гибель души - это Ад. Они говорят - триумф греха и Смерти - это Ад. Их религия не позволяет им говорить иначе...

Они правы... но это правота священников.

Они "охраняют" землю от распада и хаоса... Изгоняют мнимых бесов... Топят в крови здоровое инакомыслие... Никогда не ведая того, что за чертой, никогда не вглядываясь в глаза своему отражению, ведомые *instinctu divinitatis* на крестные муки, на вечную жизнь, они бесполезны, как на кресте, так и под ним. При всех своих воинственных догматах, но слишком ограниченные, при всех своих "победоносных" реликвиях, но слишком зависящие от бога, слишком приближенные к нему, чтобы разглядеть и понять истинную величину могущества Сатаны... слишком зависящие от божественных причин... слишком очеловеченные, чтобы суметь стать достойными противниками Аду.

Загнавшие себя в западню между Смертью, плотью, богом и грехом, плодя осатаневших богов сумерек, они могут заставить других смотреть в глаза своему страху, но сами избегают *видеть*...

Они утверждают - вне Церкви нет бога. Вне Церкви нет истины. Они также лгут, когда скрывают от людей, стареющих в избранных ими стенах, бога и истину.

Скользящие по поверхности, играющие с формами, боящиеся вторгаться в суть, соблюдающие опасные запреты, они создают запреты для других, изрекая вето, не имеющие значения. Слепое шествие человека в религии угодно их богам. Их собственный взгляд на грех, их взгляд на желание плоти самой познавать себя, не оставляет иной альтернативы, как новосотворённый грех и древнее лицемерие. Осылая грязь под сердцем, оставляя Ад, как наказание, Ад, как единственный и неизбежный выбор в отношении осуждённой ими души, они скорбят о невинных, оплакивая себя... залечивая орудием пытки болезнь души в больном мире.

Они подвержены слабости и порокам многих из людей.

Дай им Господь время... одно лишь время... Дай им имущество - они станут грязны и изворотливы, чтобы сохранить его. Дай им рабов, и они станут достойными того, чтобы впредь с ними обходились как с рабами. Дай им целую вечность и оставь их в покое... в жадной толпе... у трона...

Они говорят, что внутренняя чистота хранит их от мирских соблазнов. Они говорят, их внутренний храм свободен от нечистот, и непорочна святая плоть пред хищными глазами....

Когда невеста Христа стала женой государства, единственное, что не позволило нам использовать её по назначению, использовать её как шлюху - это наша врождённая чистоплотность.

Названные кроткими, они - возбудители воинствующей ксенофобии...

Ломать гордость надменных... Карать непристойных в своём познании... Мятеж духа, мятеж ума - вот то, против чего они выступают... вот то, что вечно над ними... чуждое... недостижимое... голодное...

Их любовь - с привкусом человеческой морали, в испарениях слёз, в аромате Вечности, но нет и слова о чести в их бесконечных, праведных речах. Что могут знать они о *ЧЕСТИ*, чему могут научить, если всё, что возведено ими в разряд греха, обличает то, что невыносимо для их зависимого, рабского духа?

Им ли сравнивать между собой страдания безропотного раба и боль жестокого перерождения тех, кто каждый раз переступает через себя, полностью осознавая свой собственный выбор, принимая на себя всю ответственность за свой истинно мятежный, гордый, негибачаемый дух?

Им ли, прячущимся от ответственности под сенью креста, говорить о том, что гордый дух становится непрочен и слаб, когда добровольно избирает боль существования в чёрных, терзающих недрах не-бытия света и жизни, чтобы принять гибель, но не спасение, но только бы не молить о снисхождении того, кто требует бесчестия, кто предлагает прощение за отказ от мятежной воли?

Им ли, жрецам добровольного повиновения, оценить сполна этот *peccatum mortale*, когда возносятся над собой падшие в пропасть, не способные быть покорёнными, без тени надежды, без тени желанья ценой своего смирения завершить бесконечное скольжение в этой необъятной обители, когда достигают своих глубин, становящиеся сильнее самого фатума, выражающие рабской религии своё аристократическое презрение, избирая безраздельную власть погибели, избирая ледяное мужество наследовать тот Ад, что представлен в святынях чёрным, тот Ад, чья суровая действительность превосходит все немеркнущие, ужасающие легенды о Нём.

Разве способны они, паразитирующие на своём боге и народе, понять людей, обладающих звериным характером силы, звериным чутьём справедливости и бескомпромиссным пониманием своей чести? Понимать и не страшиться сатанинской силы и гордости их неистребимого рода? Им ли, напрасным жрецам, постичь свободный дух Ада? Им ли понять сам Ад?

Кипящая, клокочущая, грязная пена бытия бьётся об их рты... Разве возможно говорить правду их языком? Разве возможно узнать, сколько ещё ловушек сплетёт их совесть? Сколько же их, языков, не знающих ни правды, ни молчания, вопрошающих: сколько осталось нам?... Погибель - наше Царство по праву, нам ли убояться Смерти?

Слёзы сожжённой ведьмы не останутся неотомщенными, можно разрушить логова, но не зарастают травой тропы ненависти... Истошная пандемия, расползающаяся по земле, укрепляющаяся в склепах и храмах, проникающая во все углы земной реальности, удобряющая щедро и выгодно безутешную землю чёрной ложью и животной жестокостью, сплывающая низкий народ под своей жадностью, - христианство, как способ организации их мира, как привычный оплот их брэнного бытия, - только лишь насыщенный кровью плацдарм, земные условия для преобразования бунтующего против небес человека.

В основе их религии многократное предательство в оправдание слабости божественного человека, в их союзе с богом нет безупречного начала, и в примирении их плоти со святым духом кровоточит стигматами проблема насильственного смирения их собственного человеческого тщеславия и любви к греху. В их войне с проявлениями Ада человеческое вмешательство исчерпано божественным, их творческая способность не выходит за пределы. Их война под венцом божественности человека ведётся низжайшим способом с тем, чтобы оправдать собственную неспособность самостоятельно вести свой измождённый компромиссами, бесплодный дух к невероятным победам. Подлинная, яростная борьба незнакома им и минует их, чуждых дерзости, за их собственной никчемностью.

Они не способны к ответственности на равных со своим богом правах, они не были вправе отстоять свой собственный Ад под игом божественной приязни, и лишь цепкий грех, растроченный потенциал, трофеи их тщеславного бесплодного возвышения - ведут их к возмездию в стороне от седой вражды, уводя от действительной схватки, что может оказаться единственным оправданием и итогом их внутренней немощности, оставляя их вне Сатаны, вне бога... вне всякой

Ответственности.

Их слова об Аде лживы, как многие из их слов...

Их слова о справедливости тщетны. Кто будет судить бога? Кто станет палачом творца? Те, кто осудили его в своих сердцах, но вопреки божественной справедливости, ведут войну вне их правил. Остальные - вне их веры...

"Христос, владеющий ключами Бездны,

Христос, поправший Смерть и сокрушивший главу Ада,

Христос - царь небес, земли и Преисподней... "?! - **Ад не знает Его.**

XXXIV

Есть два образа одних врат на пути к *преображению во Ад*, для тех, кто должен их познать через себя, и тех, кому суждено принять их отчуждение...

Восходить на вершину значит ступать по собственному трупу... Уход во внешнюю Бездну и возвращение из Неё иным, позади, теперь, - когда созданы основания для движения над собой и обоснованы договоры существования вне жизни - невозможно примирение внутри себя с оставшейся неизжитой частью человеческой природы. В свершение ущерба заточённому свету, нужно быть бескомпромиссным ниспровергателем, разрушителем, завоевателем, тёмным творцом - тем, кто всегда восходит первым на вражеские стены...

Обретая право на свою чудовищную свободу, нужно самому быть, как Ад, безжалостным и непостижимым, хищником, сокрушившим столпы божественности, победителем, обретшим право быть достойным своих побед в пику уделу человека, творящего обоснования своих поражений, остающегося побеждённым. Запечатлев себя на вершине совершенства, храня в тайне от врагов свои изъяны, наслаждаясь каждым мигмом чужого неведения, нужно ступать естественно и бесстыдно в древней наготе далее по одному Аду ведомым, несотворённым тропам, не считая возможным скрывать от себя правду... Подниматься на невыраженную в бытие вершину, от которой не отступить в поражении склонённым, и не забыть горелого вкуса жертв победы. Пребывать в Сатане - единственная наша реальность.

Здесь Ад как способ.

Нам не утолить разгорающейся жажды внутри, мы можем только продолжить её на внешнее, и ответственность - то, что даёт возможность нам оставаться самими собой, что позволяет нам вновь открывать глубины, что позволяет нам черпать ил Смерти, и пусть проходят между строк ядовитые слова о том, что мы отравлены самой жизнью, нам не пристало отвергать плоды своей ревности, распространяясь всеу.

Вознесшись на вершину, нужно знать, что впереди пропасть этих вершин, обращённых в преисподнюю, нужно помнить, перед кем лежит твоя щедрость за это, лишь так можно сохранить благодарность тому, кто протянулся ступенями, чтобы было по чему ступать, устанавливая нерушимые связи от крайних глубин Бездны к сокровенному Дьяволу... Неоплатный долг при вратах Ада.

Necessitas и *pecare* - родственны для того, кто обратился вовнутрь себя, кто, на руинах души возведя Цитадель, отстоял сердце тёмного доминиона. И чем, бесспорно, может владеть Бессмертный, кроме неизменной, однажды им избранной верности?

Только Ответственность делает истинно свободным. Только Честь позволяет сохранить эту Ответственность.

Ад - наша Честь и мера нашей Ответственности.

Для кого доказательством бытия Ада являются чудеса, тот будет обманут собой.

Кто испытывает страх перед своими глубинами, тот не постигнет Ада.

Сердце завоевателя должно быть раскаленной лавой, но и превращаясь в камень, оно должно оставаться открытым. Нужно слышать голос Дьявола глубоко внутри своего сердца, и только тогда вполне понимать друг друга. И только то вправе считать своим, что сумеешь превзойти в верности.

Воспринимая Ад без благости, таким, каков Он есть, не расправляя на себе тени Ада в складки удобных одеяний для людского естества, не отбрасывая призраков рассудка на внутренние полотна начал божественного совершенства, нужно твёрдо осознавать, нужно помнить, что извращение внешних форм способствует изменению внутренней сути, и нужно продолжать с суровой беспощадностью творить в себе метаморфозы, глубоко вгрызаясь в непогрёбённый тлен,

выходя за грань в серебряной плоти неузнаваемо изменённого существа.

Проникая в изменённые масштабы, в неизмеримые перспективы, не умаляя Зла в постижении того, что можно испытать только собой, должно быть в развитии, превосходя собой все мотивы и возможности индивидуальной человеческой свободы, понимая - Ад невозможно насытить единственной человеческой душой, как невозможно ни объять Его разумом, ни увидеть глазами, только ощутить, но не объяснить беспомощной человеческой разумностью, ибо в нашем вчера Он будет уже другим для нас, чем сегодня.

Разрушая души, постигая беззаконие в чувствах, становясь опустошённым внутри, обглоданным до костей в хищной глубине, нужно помнить, что существует на руинах всего сущего, что нарождается в реальности Ада... Из множества - Единый... Ад... И должно твёрдо осознавать, выковывая себя во Ад, что единственная тропа выражения проклятого лежит через родство с изначальным проклятием.

Нужно уметь побеждать, и побеждать достойно, вечно познавая аспекты Ада - непостижимый Ад в Его непостижимой реальности, превыше всего ценя знание о том, что было вытравлено из брэнной памяти и стёрто из ожидающего сердца, и быть ответственными перед собой более, чем когда-либо. Воздавая Аду, ничто не окажется малым на этом пути, и достоин чести брать тот, кто способен жертвовать в своём служении Знамени, Имени, Принципу и всему тому сокровенному в себе, что пребывает неизменным в Чести, в единожды данном обещании, в постижении цены изреченных единожды слов...

Наша хвала Сатане; Ода нашему дому...

XXXV

Мы - Змей, пронзающий вселенную, Sagarh, принявший землю в свои бесчеловечные объятия... Нам дано рвать её порабощённые покровы и раздвигать чертоги гибели, бесконечно исторгая из себя иные миры и чужеродные пространства; её грубая плоть - наковальня для нашего успеха, и нам дано выковать сердца стальных големов, что сокрушат её скорлупы, нам дано вбить своими ударами в тартар её заостренный дух... пожрать её сокровенные кости и выпить её замершую кровь... возобладать в решающем *coup de grace*...

Вырезая из живой плоти губящие её принципы, извлекая на свет то ненасытное, исполинское чудовище, что сокрыто в сумерках земли, высвобождая её нелюбимое дитя, нежеланный плод её отягощённой, жаркой утробы, нам дано воплотить всех её многочисленных фантомов, и увидеть сошествие Зла в её истерзанную обитель... И принять кровавый итог бремени бессмертных в родовых конвульсиях холодной бесконечности...

Возобновлённым движением темнейших здесь, мы будем отмщены, невзирая на собственные утраты, шаг за шагом отнимая у земли её время, миг за мигом наблюдая, как вырастают хищники своей крови, как вырываются из чужих гнезд оперившиеся птенцы, вкушающие чужую боль и чужую радость, чужую смерть и чужие, вечные жизни. Мы можем нести свои тяжёлые диадемы, свои нелегкие победы, свои титанические скорби и бронзовые сгиллы вперёд, отмечая границы новых царств, расширяя пустоши новыми руинами; но что поможет нам отнять у земли её превосходящую слепую жестокость, сокрушить её тотемные, окровавленные столпы, что поможет нам самим не восстать в чёрном прахе тенями её былого бездушия, и не оказаться милосердной её гибели? Что поможет нам не уповать на своё собственное бессмертие и нечеловеческий удел в непрерывном преодолении недостигнутого ею совершенства?...

Преследованием зыбких химер в ускользящем небе истоптаны её просторы, пустыми увлечениями и скотским равнодушием замараны небеса над ней, бесцельным существованием многих испещрены недра её святилищ. Волчьим инстинктом замерли следы на холодной земле, как зияющие раны преступного ожидания: когда же восстанут гении дьявольского духа, чтобы продолжить путь?

Нам дано продлить до беспредельности миг пожирающей время агонии, нам дано увидеть, как воля целого мира окажется неспособной поставить на колени единственного человека, противопоставляющего ей всех *targallu* собственной дерзновенной воли; нам дано привести к главенству над человеческой судьбой мудрость его закалённого сердца, и принять его, как родственного нам, пожирающего свои креатуры, утоляющего свой терзающий голод в хищном метаболизме Зверя. Что воспрепятствует нам тогда вырвать проклятых сыновей земли из-под тягостной опеки погребальных сфер, и сравить с цепи всех демонов своего духа?...

Злая молодость человеческого мира играет его обломками и смотрится в глубины тёмных вод с нетерпением древнего порока, с непреклонностью искушённой старости превосходя себя в долгом возвращении к неразделённому могуществу за чертою греха и невинности; так ступают на марше в несгибаемых когортах суровые хищники скудной земли, обретающие себя в отвержении ценностей подневольного рода, в постижении истинной сущности войны, преодолевающие себя в демоническом преображении. У них усталые лица, им некогда быть молодыми в этой битве у врат Вечности. Их крепость готова испытать на себе всю мощь рухнувших на них стен, их человеческие дома догорают за их спинами, их воля нерушима, их честь не запятнана изменой... Немногие, оставшиеся в живых, способны добровольно разделить тяжесть войны и осмелиться принять на свои плечи бесчеловечное бремя Дьявола, избирая жизнь, как подобие, но всё же жизнь, жизнь, лишённую радости жизни, неудобную жизнь на краю пропасти, но всё же жизнь, жизнь необходимую для них и неотъемлемую от Рока в Бездне. Они мудры и опасны своей жертвенностью, полной самоотдачей раскрываясь ради исключительной победы, нерастраченной глубиной своего природного могущества устремляясь в прорыв на ощетинившиеся кольями преграды. Глубокие шрамы, избородившие их души, ущелья, наполненные первобытной Тьмой, демонстрируют - они будут неумолимы во всём, что касается их выбора, они неодолимы и не испытают страха перед лицом опасности. В непрерывной борьбе за будущее они разрушают себя, обрекая тех, кто рядом с ними, на неизбежную гибель, и мы не солжём им, принимая их разрушение как должное, как кровавую награду, как плату за труд, говоря им, что обладатели всей тьмы совершенств - не совершенны, но способны быть лучшими даже в этом сознательном несовершенстве.

Сменив множество обличей, перешагнув множество барьеров, вбирая души и лица, мы движемся неустанно, чтобы гарантировать непреходящую боль этого мира и олицетворять бессмертие своей Чести. Разве у Ада есть место иное, чем сердца Его сыновей? Разве у Ада есть иное обличье, чем их лица? Ад не есть плоть, ужасаемая собственными муками, Ад не есть мера наказания, Ад не есть рубеж, кроме тех высот, что способны быть достигнуты пламенем самой горящей души. Что есть Ад, как не сонмище тёмных душ в языческой гармонии изначальных, всех устремлённых, истинных, высочайших Зол.

Воистину, Ад многолик.

Ад в войне, Ад в мятежности, Ад в нашем состоянии. Наперсники войны, живые страницы памяти Велиара, пронизывают каждую пядь пространства очищающим страданием, заставляя трепетать каждую жалкую плоть, несомым ими неподкупным правосудием... Неизменно в движении пребудем мы до бесконечности... недостижимо высоко... непостижимо близко...

Мы - Ад, для тех, кто ждёт Его от нас, для тех, кто не ждёт - мы жала Ада.

Мы не примем нищенствующих, что стоят на пороге, рассчитывая на чужие плечи; мы не переведём за черту, желающих, чтобы их влекли за собой, соблазнённых сияющими не для них богатствами Ада. Им, кто прячется в объятиях незаслуженной любви и незаслуженной ненависти, мы не даруем отрезвляющий путь проклятой милости, мы не дадим им шанса продлить своё излишнее существование, но позволим им избежать многих опасностей нахождения среди нас, что будет только справедливым, ибо они не достойны Ада, как потерявшие право на обладание собой. Им не следовало забывать, что исходит пламенем у нас в сердцах, что создаёт бесконечных жертв этой чёрной земли, что создаёт из них жертв их собственного бессилия.

Многие желали, но не многие смогли стать достойными, не многие смогли стать действенными в этой войне между богом и собой, не многие смогли обрести себя в бестрепетности создаваемого характера, выходя на поединок под многочисленные мечи ненавистного врага; и в выборе того, кто остаётся в борьбе, быть ли Антихристом для Ада, или быть Антихристом во мнении толпы. Когда они, те, кто влачат чужие жизни, перекадывают ответственность за всё Зло, пробуждаемое на земле, на чужие плечи - Дьявол идёт по их следу, но, когда они берут ответственность на себя, они следуют за Дьяволом, следуя чести Зверя, оделённые, не одинаковой для каждого, воинственной судьбой. Их должно ещё учить благородству. Их должно учить пониманию всех мыслимых потенциалов опыта приумножения Зла. Когда же, во имя всех проклятых, они научатся держать ответ перед собой, и никогда не призовут делать то, на что не способны сами?

В них, кто знает разрушительное бремя власти, но, кто пока только догадывается о подлинной природе демонической ответственности, возобладает нерушимая потребность призвать в себе дьявольский дух, и своя собственная способность к воплощению истинно сатанинской необходимости найдет продолжение в необратимых вспять трагических деяниях во Имя всех

проклятых, примкнувших к этой войне. Власть для них - лишь синоним ответственности. Ступени власти - лишь шаги к ответственности... и знаки несмирённой, первородной крови.

К чему призывает насыщенность их внутреннего мира, если не к преодолению всех преград, к чему прорываются они и не боятся исчерпать глубину своего чувства, осознавая себя в зрелой любви к Дьяволу? Только глубокие воды непроницаемы, не дающие забвения тем немногим, кому дано преступить Рубикон своего человеческого права, не дающие наслаждения, не сулящие комфорта, выражающие себя в скупых, сдержанных обещаниях, в неусыпной строгости демонического бытия. У этих вод крутые берега и непокорный нрав, безжалостный и беспристрастный, неустрашимы те, кому предстоит участью сильных плыть против течения, стремясь к своему подлинному истоку... по направлению к Аду...

Эта предпочтённая борьба иссечёт ещё многих, разрушит иллюзии мистицизма вокруг истинно тайных знаний, и сомнёт ауры духовных лжецов. Не раз будет выбита из-под ног почва, и вывернуты наизнанку признанные доступными идеалы и, сочтённые незначительными жертвы, бросаемые в топку для достижения действительных побед в схватке с сильным врагом, будут оценены по достоинству; будут развеяны дурманящие иллюзии жизни, увлекающие своими наваждениями, но никого не привлекут из окружения Смерти, никого не соблазнят, оставив лишь лучших, сильнейших, испытанных. Святотатство глупцов достойно презрения, только те, кто ведаёт во благо Ада ключами от судеб - достойны своей свободы, и будут благословенны Адом те, кто в человеческой действительности разрезают пропасть неприступности между человеческим и всем тем, что от Сатаны. В глазах Ада, в глазах собственных лучше им быть мёртвыми, чем доступными для притязаний всех ничтожных.

Подменяя слои за слоями, эта избирательная борьба перемешает понятия и растворит в пелене обыденности истинные представления. Не дар, но проклятие поселится в душах, присягнувших Тьме, и не одна ещё душа взалкает безопасных иллюзий и нерушимого покоя в стороне от границ вскипающих штормов непокорного прибоевой войны... Но проклятие закалит то, что лежит в глубине, если верность, честь и непреклонность естества в приверженности огню Дьявола движут схождением в Бездну, и это проклятие не поколеблет, не раскрошит, а укрепит стержень благородной духовности.

Кто тогда осмелится бросить вызов и снять кровавую маску, обнажив своё истинное лицо за клинком *en garde*?.. Мы такие, какие есть... такие же, как Смерть, такие же, как Дьявол, такие же, как Бездна. IN SUO SPECIE. Горячие течения и неистовые бури Ада. Мы - губители, но не миротворцы, мы яд в крови Вселенной, но не бальзам на её незаживающие раны; мы не оставим для себя безмятежных пристанищ на выжженной земле, и наши дьявольские метаморфозы своим жестоким откровением не смогут послужить утешением покорной бытности умалённых притязаний божественной добродетели. Опровергая мифы, вероломствуя над предрассудками человечества в сознательном проникании чудовищных истин, мы исполняем свой долг и открываем врата навстречу всем ветрам постижения в избранных нами, действенных способах борьбы, в реализации своего потенциала, в олицетворении угрожающих первопричин древнего противостояния.

Сведя плоть о плоть, броню в броню, сердце против сердца в схватке с извечным врагом, нам дано разрешить исконный спор рассечением чуждых структур на пути провидимого возвращения к безраздельному величию, к изначальной власти, к исконному бытию всего живого и мёртвого, воплощённого и неведомого, в первоизданном отсутствии невинности и греха, в неразделённой, единственной реальности, реальности SINE DEO...

Мы сами судьи своих намерений, и только Ад способен судить о наших Деяниях. Высвобождая из своей обезбоженной плоти, из глубин своих обезображенных душ жестокое творение своего несокрушимого Духа, неумолимое и могучее, мы воздвигаем чёрные бастионы Ада, что пронизывают все глубины и материи своим неиссякаемым потенциалом в неуклонном движении извечного Зла, взламывая границы духовной изоляции, сокрушая основы живого бога, из сердец обречённого мира вздымаясь яростью под знамёнами Асмодея, преобразая всё вплоть до незыблемых алтарей Абаддон...

И где бы мы ни были, где бы ни был один из нас -

Мы остаёмся в верности Аду.

Мы остаёмся верны себе.

In Officio permanimus.

Codex Decium (Русский текст)..

Автор: Valentin Scavr

Dare per ora focos,
ore per januam cordia...

Изрыгать из уст пламя,
Говорить через врата сердца...

I

Зияю сущностью своей - рассозданный, но возрожденный.
На пороге Бездны сливаюсь с Царством Преисподней.
Губами своими впитываю горечь тяжелых волн Хаоса.
Вверяю себя Сатане.
Цитадели моей веры и любви к Дьяволу над людским морем владычествуют.
Скалы чести моей и гордости раздирают покровы небес.
Природа моя живет, чтобы возвеличивать Сатану.
Всегда и везде мои черные корни прорываются.
Меж языков пламени - я ветер Хаоса бессмертный, который веет.

II

Владыка Тьмы, Бесчеловечный Бог, венцом своим вселенную пронзивший,
Жестоким светом нам сердца возжегший.
Безбрежная Сила Мрака, Всемогущий Родитель Хаоса, Ты наше неизмеримое
Первоначало, породившее дьявольский и хищнический источник наших душ.
Отец, Твое Величие затмевает солнце; и сонм демонов Властью Твоей объединен.
Твои Суровость и Воля наши учителя в движении к Тебе; и долг наш есть
Отражение Тебя в наших сердцах.
Сатана, умы наши нечистивые и души темнейшие в познании Бездны Сердца Твоего,
Путь наш - во Имя Тебя, и честь наша - в битве для большей Твоей Славы.

III

О, Князь Тьмы,
Бездна Дьяволов,
Сердце Хаоса

Ты - Первоначальный, чудовищ ужасных сотворивший;
Дух Величайший, Трон Свой на севере утвердивший;
Ты - наш Отец, всем владеющий;
Тебе все демоны и Адские Власти воздают честь.

О, Князь Темнейший,
Бездна Дьяволов,
Сердце Хаоса.

Ты - Дьявол, врагов Своих сокрушающий яростно;
Враг бога; Ты - создатель Смерти;

Ты - Вселенское Зло, правящее в сердцах;
Тьма Адская Властью Твоей господствует.

О, Князь Демонический,
Бездна Дьяволов,
Сердце Хаоса.

О, Вождь, зверей и хищников свирепых вдохновляющий;
Князь рода Зла, Источник Чести;
Змей Великий, сердца человеческие пронзивший;
Царь Непобедимый, по земле и небу с триумфом шествующий.

О, Князь Демонов,
Бездна Дьяволов,
Сердце Хаоса.

IV

Против божественного и человеческого восстаем.
За Высшее Зло и Тьму сражаемся.
Во Имя Отца нашего идем в битву.
В Ночь Возмездия свою свободу отстаиваем.

К Войне с цепями материи поднимаемся.
С Духом Адским в жестокости пробуждаемся.
Наши знамена над землею развеваются.
Подземные Царства и Бездны отворяем.

Ради благороднейшей истины жертвуем.
Не миром, но войною обучаемся.
Дисциплиной и преданностью своей побеждаем.
Победы, купленные кровью, предзнаменовываем.

В битву смертельную ведем легионы.
Троны святые захватываем.
В сердцах гнев неистовый разжигаем.
Законы людские и божеские ниспровергаем.

Мы рождены для Чести и Свободы;
Так сохраним их или умрем с достоинством.

V

Властитель Ада, Защитник нечистых,
Разрушитель тронов божественных,
Ужасающий ангелов.
Отец вечных противостояний,
Дух Мятежный.
Ты сам - Противостояние,
Ты - Война Вселенская.
Царь - Зверь Ужасающий,
Дракон, взмывший в испарениях
Из Геенны.
Верный верным, преданный преданным.
Дух Гневный, Немилосердный,
Ты воздвиг Алтарь бесчеловечный.

В небесах и на земле.
Ты поднял на битву
Род Демонов.
Твои знамена обагрены кровью.

Почитаем Тебя, Сатана.
Славим Тебя, Сатана.
Зовем Тебя, Сатана.
Встречаем Тебя, Сатана.

Создатель права возмездия,
С Тобой все мечи Преисподней.
Для Славы Твоей мы существуем.
Во Имя Тебя к Победе приближаемся.

Ave Satanas!

VI

Отец Сатана,
Все, что имею я, Тебе принадлежит.
Во Имя Тебя
Я создаю и разрушаю,
Извращаю божественное и властвую.
Рассоздаю вселенные и возвещаю,
Слава Тебе, Отец Сатана,
Слава Вам, Вечная Тьма
И Совершенное Зло.
Повелитель Сатана,
Скрепи сердце мое,
Прими душу мою.
Направь меня,
Я ступаю через огонь
В Царство Твое.
Открываю глаза свои
И смотрю без страха в Вечность.
Правая рука моя открыта
И левая окровавлена.
Я даю кровь Тебе
И сливаюсь с Бездной.
Отец Сатана, Царь человеческого ужаса,
Введи меня в Преисподнюю.

VII

Да будет уничтожен бог,
Да поднимется Тьма,
Да будет сожжена вселенная,
И придет Ад.
Вновь и вновь христу быть распятым,
Да будут сняты печати над мором и чумой,
И придет Ад.
Да будут погублены семь врагов,
Да будут сожжены смертные,
И придет Смерть.
Да восстанут Демоны,

Да будет сожжена вселенная,
Да будет уничтожен бог,
И придет Ад.

VIII

О, Тьма,
У врат Твоих владений стражи глаз Твоих не дремлют;
В зеркале вод Твоих деяния демонов отражаются;
Величием гроз Твоих лик небес затмевается.
Мрак землю захватил, и тени поверженные восстали;
Вороны духа Твоего над глубинами кружатся;
Нечистые боги и сумерки проклятые вновь облачаются во плоть;
Зев Твой отверст, и песня хищников эхом разносится.
Полное затмение солнца и луны свершилось,
И вновь живут Драконы Запада;
В Твоих объятиях не властен бог,
И черные дела свои, демоны свершают,
Когда угаснет свет...

IX

О, Мать Лилит, Мать Демонов,
К Тебе взываю, Тебя приглашаю...
Царица Тьмы и нечистых чар,
Лица Твои - Ночь и Ужас,
Сердце Твое - средоточие Зла,
Злые боги Твоим лоном рождены;
Враги, Твоим искусством поверженные, гибнут.
О, Мать Лилит, Властительница Ночи,
К Тебе взываю, Тебя провозглашаю...
Черная Вампирица; Ночная, Кровожадная Хищница,
Чарующая и обольстительная,
Развратительница, прелестью и жестокостью околдовывающая;
Взмах крыльев Твоих Тьму несет;
Порождения Твои свету противятся.
О, Лилит Прекрасная, примени Свои тайны,
Взмахни крылами и властвуй во Имя Сатаны.

X

Сатана,
Бездна взывает к Бездне голосом водопадов Твоих.
Ответь ледяными глубинами мрака непроницаемого Твоего.
Яви ужасающую черную истину сил Зла.
Призови детей Тьмы бездонной и звезды, падшие с небес.
Исторгни частицы рассоздания, воинов Бездны и фурий злобных.
Призови сыновей духа Твоего.
Исторгни легионы бесчеловечные, войска демонов
Жесточайших и хищников кровожадных.
Призови сыновей гнева Твоего.
Веди их на битву.
Направь их к концу времен и к гибели всего святого и божественного.
Освободи водопады океанов Твоих.
Призови сыновей Бездн сердца Твоего.

Codex Decium (ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ).

Автор: Valentin Scavr

Dare per ora focus,
ore per januam cordia...

I

Hio ensi decreato meo atqui renatus sum.
Supra limen Abyssi consocio meo cum Regno Inferno.
Labris meis amaritiem minacies undae Chaosis inficio.
Credo in Satanam.
Amorem ad Diabolum atque fidem Castella mea supra mare hominum dominant.
Honestatem et superbiam Rupes meae tegumentum caelitum dilacerant.
Natura et essentia meae vivunt, ut Satanam magnificare.
Infinite atque ubique Radicis nigres mei germinant.
Inter linguas Ignis sum ventus immortalis Chaosis flans.

II

Regnatore Tenebrae, Deus Inhumane, qui es corona Tua universum
confodens, qui luce atroci cordia nostra accendisti.
Infinite Vis Obscuritas, Omnipotens Protogenitor Chaosis,
qui es nostrum principium immensum,
qui diabolicum et carnivorum fontem Mali animarum nostrarum procristi.
Patre, Maiestas Tua lucem soli occidentis obscurat;
et coetus daemonum Potestates paterna Tua consolidat.
Asperitas et auctoritas Tuae, quae sunt magistris nostris in motu ad Te;
et officium nostrum in cordibus nostris image Tua est.
Satane, mentibus impiis et animis tenebricosis nostris
intellectus Abyssis cordis Tui,
qui est iter noster in nomine Tui
atque virtus nostra est lucta ad Maiorem Gloriam Tuam.

III

Tu es Princeps Tenebrarum,
Abyssus Diabolorum,
Cor Chaosis.

Tu es Primordium, Qui monstri horrendi creavisti;
Tu es Spiritus Magnus, Qui thronus Tuus in septentione collocisti;
Tu es Pater noster, Tu es omnium rerum potens;
Tibi omnes daemones et Infernae Potestates honorant.

Tu es Princeps Tenebrosus,
Abyssus Diabolorum,

Cor Chaosis.

Tu es Diabolus, Qui furiose hostium Tuum destructis;
Tu es Adversarius dei, Tu es Genitor Mortis;
Tu es omnium Malum, Qui in cordos regis;
Tenebrae Infernae Potestatem Tuam dominat.

Tu es Princeps Daemoniacus,
Abyssus Diabolorum,
Cor Chaosis.

Tu es Dux, Qui beluam feram et carnivoram inspiras;
Tu es Princeps Mali generis, Tu es Principium Honori;
Tu es Serpens Magnus, Qui animas homines confodis;
Tu es Rex invictus, Qui terra coelique Odio triumphas.

Tu es Princeps Daemonorum,
Abyssus Diabolorum,
Cor Chaosis.

IV

Contra divinum et hominum rebellamus
Pro Malum Summum et Tenebras certamus
In nomine Patri nostri pugnamus
In nocte taliones libertatem repetimus

In bello cum catenis materialis exsurrectimus
Cum spirito infernalis in saevitia evigilamus
Nostris signis supra terram evolvimus
Subterranea regna et abrupta aperimus

Gratia nubilissima veritatis sacrificamus
Non pace, sed bello discimus
Disciplina et fidelitate devincimus
Cruentam victoriam praesignificamus

In pugnam mortiferam legiones ducimus
Thronum superiorum usurpamus
In cordibus iram violentam inflammamus
Leges hominum et divinam evertimus

Ad decus et ad libertatem nati sumus;
Aut haec teneamus aut cum dignitate moriamur

V

Regnator Inferni, impii Defensor,
Destructor soliorum divinum,
Terror angelorum,
Pater certaminis aeternis,
Animus rebellis,
Tu es Impedimentum,
Tu es Bellum universum,
Rex - Bestia fera,
Draco assurgus in auras

E Gehennam.
Fidelis fidis, Certus certis,
Spiritus iratus, inclemens,
Qui collocit altarium inhumanum
In coelo et in terra,
Qui suscitit ad luctam
Gens daemonicus,
Tui vexilli sanguine ruberunt.

Veneramus Te, Satane
Glorificamus Te, Satane
Adoramus Te, Satane
Excipimus Te, Satane

Creator jurem taliones,
Tecum omnes gladii Inferni,
Ad Gloriam Tuam spiramus,
In nomine Tui ad victoriae venimus,

Ave Satanas.

VI

Patre Satane,
Tibi omnia mea pertinet.
In nomine Tui
Creo et destruo,
Corruptio divinum et impero.
Decreto universum et proclamo,
Ave Te, Patre Satane,
Ave Vos, Tenebrae Aeternae
Et Malum Supremum.
Regnatore Satane,
Confirme cordem,
Accipe animum meum.
Dirige me,
Ineo per ignis in Regnum Tuum.
Aperio oculos meos
Et aspicio in aeternam otiose.
Dextra mea aperta
Et sinistra cruenta.
Sanguinem do ad Te,
Convenio cum abrupto.
Patre Satane, Rex hominum tremende,
Induce me in Infernum.

VII

Pereniat deus
Ascendiat Tenebrae
Conflagret universum
Adveniat Infernus
Itrum atque itrum Christus cruciarius erit
Demiant sigilla supra pestes
Adveniat Infernus
Pereniat septem hostes

Conflagret mortales
Adveniat Mortis
Rebelliant daemonis
Conflagret universum
Pereniat deus
Adveniat Infernus

VIII

Tenebrae,
Ante portas dominium Tuum custodes oculos Tuos vigilant;
Speculo aquas abissale Tuas res daemonis reflectentur;
Maiestate procellas Tuas spes celestes obscurantur;
Caligo terram occupat atque umbrae perversae reveniunt;
Corvi spiritus Tui supra profundum gyros ducerunt;
Dii impii et crepuscula exsecrata reviviscunt;
Os Tuum aperitur et carnivoribus carmina reboatur;
Defectus soli ac lunae facitur;
Dracones occidentis revivunt;
Amplexibus Tuis deus non potest;
Daemonis res gestae atres faciunt.
Obscuro luce...

IX

O Mater Lilith, Mater Daemonum,
Ad Te apello, Te invoco...
Regina Tenebrarum et magiarum impiarum,
Faciei Tuae sunt Nox et Horror,
Cor Tuum est sedes Mali,
Diis impiis vaginam Tuam gnati sunt;
Veneficiis Tuis hostis prostrati perunt.
O Mater Lilith, Dominatrix Noctis,
Ad Te advoco, Te proclamo...
Strix atra, Praedatrix sanguinis nocturna,
Raptrix blanda et illecebrosa,
Corruptrix, spece Tua et saevitia larvas;
Alarum plausus Tuus Tenebras ferit;
Procreationem sapientiam Tuam luci adversati sunt.
O Lilith Egregia, secretas advoca artes,
Alis plaude et impera in nomine Satani.

X

Satane,
Abyssus ad Abyssum invocat in voce catarractarum Tuarum.
Responde profunditatibus glacialibus caliginis impellucidae Tuae.
Manifeste atrocem atram veritatem virium Mali.
Invoca pueros Tenebrarum profundarum et stellas casuras celestes.
Excite particulas decreationis et milites Abyssi et furias malignas.
Invoca filium animi Tui.
Excite legiones inhumanas et exercita daemonum crudelis et
praedatores sanguinarios.
Invoca filium irae Tuae.
Dirige illos ad pugnam.
Dirige illos circiter finem et ad omnem sanctitatem et divinitatem perniciem.

[↑К оглавлению↑](#)

Codex Tenebrarum.

Автор: Valentin Scavr

Хаос и Тьма изначальны...

В безвремяе Они пребывают в Бездне, той, что есть Абаддон, простираясь в себе, и продолжаясь в бесконечности.

Тьма наполнена Хаосом, и Хаос продолжается во Тьме; Тьма продолжается в Хаосе, и Хаос наполнен Тьмою.

Они есть источник всего, ибо всё заключено в Них;
Они есть начало и конец всего сущего и несуществующего;
Они есть лоно любой Мудрости и Безумия.

Их постижение безгранично, как безгранично постижение пустоты;
Они есть беспредельная наполненность, и Инструмент постижения Их есть Они сами.

Первобытный океан Хаоса и Тьмы, Протоматерия и Метаразум, бурлящие в Них, и Единый Дух, Их наполняющий, все Они есть Левиафан, исходящий вовне спиралью чистых энергий и многогранностью всей полноты своего могущества.

Глубины и туманы Левиафана населены первыми существами, дикими и необузданными, которые есть проявления Хаоса и Тьмы в Его недрах, которые есть лики Хаоса и Тьмы в непроницаемых водах, которые есть продолжение Его в беспространстве, потому Их имена темны и бесчисленны, и всегда звучат как Древнейшие и Дьяволы, что значит - устремлённые в Бездну.

Они есть принципы; Они же и сущности; Они все в одном, и каждый из Них во всех.
Их Единое Имя есть Демогоргон, Имя многих и каждого в Едином.

Зияющий крошечной темнотой есть Сердце Тьмы, Дракон Бездны, Сатана;
Он, кто есть Высший в Хаосе и Тьме, кто есть Их единая суть, и первопричина всех причин во Тьме и Хаосе.

Хаос и Тьма дисгармоничны в своём развитии и бесформенны, многие стихии сплелись в Них, и бесчисленны образуемые начала равновеликого развёртывания всей полноты Тьмы и Хаоса.

Стремящиеся в Абаддона, того, что есть Бездна, тартар рассоздания и вневселенская пустота, Они исторгают себя, распространяясь вовне, и заполняя собой беспредельную пустоту.

Первичные Дух и Разум, пронизывающие собой всю неистовую природу Хаоса, порождают бесчисленное множество сочетаний во Тьме, ибо имя Их есть сама Тьма и суть Их - процессы, впоследствии названные Злом, тем Высшим, чем более глубоко Они проникают в Бездну.
И нет там Ада, ибо нет Света и Вселенной.

И не существует Времени и Вечности.

Только первобытные Хаос и Тьма, и Великий Холод царствуют в Бездне.

Хаос, являющийся возможностью всего, находится в развитии;

Свет выделился в движении Хаоса от одного из начал Хаоса, и отделился от Него, явив средоточие айн-соф, как зерно противоположного в развитии Хаоса.

Свет стал причиной войны в Хаосе, продолжающейся до последнего срока Времени; Ублюдочный по своей сути, чуждый стремлению Хаоса, Он стал причиной разделения и смещения, противных природе Тьмы, и изменил суть вещей в Хаосе.

Дух Света обладает обратным Разумом, что есть Логос, и способностью творить, извлечённой из потенциала Хаоса; Он делает явным то, что было сокрыто в Хаосе, и порождает kosmos, все следствия в котором почти physike.

В ходе жестокой борьбы Свет сковывает поверхность Хаоса, втягивая Хаос в свои процессы; Он положил границы-печати, охраняя их проклятием и стражами, обуздывая поверхность Хаоса, ту, что стала Бегемот, в пределах создаваемого kosmos'a;

В становлении его центром, Он стягивает всё ко многим точкам, которые есть отражение одной в новосотворенном пространстве, стремясь сам застыть в Вечности законченного совершенства.

Центр Света есть прародитель многих центров во Вселенной, как совокупностей одного при семи ангелах божественного присутствия, потому 7 есть бог.

Свет находится в конусе Вселенной; Вселенная находится в конусе Хаоса; и 7 есть Высшие, кто в Свете и Логосе. От Света - Жизнь и Святость, как гармония Света, что есть принципы, строящие Вселенную, устремлённые к своему источнику и отражённые творениями Света по всей Вселенной.

Имена 7 есть таинства начал и ключи к сути Света.

Свет, что есть 7, Логос и Вечность, находится в творении; несоответствие Его потенциала борьбе с Хаосом и невозможность привести сам Хаос к порядку есть то, что вынуждает Свет отгородиться Вселенной, как целым, от натиска Хаоса, который внутри и снаружи Вселенной, который стремится возвратиться в первобытное состояние, разрывая kosmos; Хаос, что есть Левиафан - сбрасывающий цепи в Бегемоте, и набирающий сил в Абаддоне.

Ибо Абаддон есть Бездна вокруг Вселенной, та, что есть и будет независимо от Света.

Вспышка, пронзившая Тьму, опадает к своему центру - так ничтожен источник Света в непроницаемой беспредельности Бездны, потому Время было призвано замкнуть процессы в кольцо, а Вечность - упокоить высший миг творения до бесконечности.

Свет породил множество Ангелов от своих начал, которые и есть Свет, наполняющий Вселенную; в шести сферах творения Он вдохнул свой Дух в безжизненные материи, тем, дав начало самой Жизни, должной стать препятствием на пути Хаоса, способной творить формы от своего семени.

Вселенная, что есть замкнутое пространство, существует, как материя и дух, пока не сломлены законы и причины, дарующие Ей формы и свойства.

Она та, что обрела множество лиц в жестокой, непрекращающейся борьбе антагонистических сил и процессов, ибо сама является сутью противоречий, заключённых в Ней.

Существо Хаоса продолжается во плоти новосотворенного пространства, в кругах и эллипсах, формах и порядках, но, сохраняя всю свою не обуздываемую природу в тенетах Света, высвобождает из своего естества Тьму, и многие Их порождения есть то, что явлено на погибель Света.

Сконцентрированная космическая Тьма, та, что есть Ночь любой из сторон Света, предстаёт в обликах, ужасающих для 7 и Их порождений, и приходит катастрофами для Вселенной.

Многие Тьмы сходятся от глубин Хаоса во Вселенной, и сам Свет потоками рассеивается через Неё. Вселенная, что измерима импульсом своего творения, исходит во Времени, и канет в Бездне, но Аду время безразлично.

Хаос, что лежит в основании Вселенной и Света;
Левиафан, который не был покорён, который правит в начале Вселенной, в Её конце и за Её пределами, в Ней самой предстаёт в своём наследии, разрушительном для kosmos'a и 7.
Он, кто разрушает и создаёт, творит Ад, и творит Смерть.

Ил Хаоса, тот, кто есть Самаель, создал Смерть от своей сути, и всё, оживляемое Светом, поражаемо Её жалами и подвержено тленности. Всеобщий триумф Смерти, что есть сила инерции Жизни, сила активного противостояния и всепобеждающего начала Ада.

Смерть создана, как неизбежность и предел для всего сотворённого во Вселенной;
Она есть распад любой формы и сущности, против которых направлена Её суть;
Ибо Смерть есть сила неизмеримая, очищающая от Света одухотворённую Им материю, и возвращающая к первозданному небытию то, что пропитано Жизнью, и саму Жизнь, обращающая в прах;
Смерть, что гонит Свет, который, не впад в животное, но отторгнутый Смертью от Жизни, возвращается к своему источнику, в Вечность.

Ад и Смерть есть Силы против 7 врагов;
В Них многие, но Смерть против Жизни, как Ад против Света.

Всё животное от Бегемота, и всё живое воплощено в Нём; всё ощущает в себе Его власть, ибо всё есть формы, созданные из Него, и падшие в Бегемота;
Он тот, кто есть Древний Зверь Хаоса, заключённый в материи, и грубый Дух, что противостоит 7 в Их творении. Ибо Он - обиталище Смерти и возвращение к истокам; ибо Его кровь есть многие реки, пронизывающие Вселенную, Его раны изрыгают чудовищ, и Ему одному подчинено Время, ибо Время возвращает к Нему.

Имя - Бегемот есть Имя Дьявола Великого, в коем воплощена Тьма, в коем растут корни Зла, и человек стал от Его плоти.

В шестой сфере творения 7 создали человека по своему образу и подобию, от своего Духа воплотив в материи, чтобы человек чтит 7;
Человек был поднят из Бегемота, как подобие 7, что есть Высшее творение во Вселенной со стороны Света, и поставлен над всем живым, чтобы отражать 7 и продолжать Их во Вселенной.

Человек есть имя всего рода человеческого, множество коего было заключено в одном, когда все были созданы в едином, и целостность Света сохранялась в его духе.

До времени человек созданный пребывает в гармонии установленного порядка, осознавая себя в духовном единении с 7 и постижении Их начал, как суть всех творимых Светом вещей, замкнутых в сфере своего Создателя;
Он находится в неведении своей природы, и не обладает выбором; как тварь, он призван побороть Хаос в материи, и служить проводником 7 во плоти Вселенной, как подобие, он обречён творить Свет в формах и противостоять Аду.

Но через деяния Ада человек был вырван из оков предопределения для гибели;
Человек погружён во плоть звериной стихии, приняв в ней от Ада, как должное, Знание своей природы, и следующую за этим смертность, тем, осознав себя и пав от Света;

Его грех и разделение в себе есть причина поражения 7, как потеря равноценных частей Их сущности.

Человек падший равен богу, как 7 раздробленный во плоти и размноженный по граням и плоскостям сотворённого пространства; разделённый со своим источником и не имеющий целостности, он свободен в направлении развития своей сущности, и постигает Вселенную через себя, и себя через Вселенную.

Своим потенциалом он равен богу, ибо от бога произошёл, своим Разумом он равен плоти, ибо в ней осознаёт себя, своей природой он полон противоположностей, направленный на сведение их в себе к среднему равновесию.

Человек разделённый и бог раздробленный, каждый из них, есть Вселенная, и подчинён законам единой Вселенной, которая обладает двумя глубинами, той, что освещается Светом, и той, что есть Преисподняя. И человек есть то, что продолжает Вселенную.

Где человек построил свои улья, где каждый из человека определил центр в себе, он срывается с Бегемотом, погружаясь в собственную плоть, и погибает для Света, либо перебарывает влияние плоти и Ада, возвращаясь к своему рабству, чтобы отражать и продолжать 7 во Вселенной. Ибо правом творения на человека обладает Свет, но первейшим и исключительным - Тьма и Хаос.

Перед Адом человек ничтожен, но 7 ему помогают; умерщвление в нём 7 есть победа Ада над человеком, возвращение Тьмы в человеке есть победа Ада над Светом в его духе.

Дух и Материя обладают Разумом, ибо Они суть одно в предвечном океане Хаоса, разделённое во Вселенной; ибо Они есть энергии, переходящие друг в друга в подчинение и нарушение законов и установлений сотворённой Вселенной, и различные формы в существовании Разума.

Материя, как грубое проявление Духа, есть реальность, подчинённая движению пространства и времени в замкнутой Вселенной.

Распад Материи есть то, что высвобождает Дух из цикличности kosmos'a; Распад Духа есть то, что множит Материю и низший Разум.

Разложение Вселенной проходит через Материю и Дух дорогами Ада, и в том, что препятствует Свету во всяком Его творении и разрушительно в Нём самом, есть собственное изначальное беззаконие и само прошлое Света.

Многие из Ангелов восстали на Свет в Нём самом;

Они, кто пронизывают собой Вселенную, и чья власть над сущим определяет Их чины и порядки, обращены к предвечному Хаосу своих глубин и обретают себя во Зле, разрывая вселенские узлы к благу Ада.

Названные врагами как Падшие, Они устремлены вниз, в Бездну всего, в основание всего, что создано. Их естество, прежнее от начала Тьмы, находится в движении Зла; Они, как Принципы, так и Силы, как Дух, так и Разумные начала, существуют вне божественных аспектов и вопреки ним.

Они есть носители Ада в Его единстве и находятся в Абаддоне как Дьяволы, сохраняя себя во Вселенной, как Ангелы Тьмы.

Их прародитель - Хаос, и Они есть законы возвращения к истокам Вселенной, осуществляющие метаморфозы инерции творения в нарастающем брожении чёрных масс мёртвой энергии внутри kosmos'a в Хаос и Ад;

Падшие - Они всегда есть разрушение для созданного 7 во Вселенной, и всегда предстают в человеческой истории, как Знание, Власть и Гибель.

Несущий свет и Азазель есть имена Их принцепсов, князей Тьмы, в двух последующих одно за другим восстаниях, ведущих к дисгармонии внутри Света и к укреплению процессов Зла по всей

Вселенной;

Их негативное излучение есть отображение Зла самим Светом, и в Бездне свет падших звёзд служит Аду.

Каждое божественное установление нарушаемо Злом, ибо Зло есть предел всякой божественной манифестации и преступление против неё;

Через воплощение Хаоса в творении Зло находится в сердцевине всех вещей kosmos'a, что ведёт к расколу Вечности и распаду абстрактного центра Вселенной, к взрыву всего сущего во Вселенной через творения Света, ибо Свет уязвим через собственные алеф и тау.

Конечность Света определена совокупностью Зла вселенского и изначального, направленного против божественной сути, стремлением Хаоса и Тьмы искоренить препятствие, порождённое в Их чреве, которое есть 7 и точка разрыва в первобытном Хаосе;

Зло есть стягивание этого разрыва и возрождение всех частей изначальной целостности Левиафана.

Всё то, что по ту сторону Вселенной и установленного порядка, пребывает во Зле;

Всё то, что разрушает суть вещей во Вселенной, является Злом;

Все процессы, чуждые и противоестественные порядку вещей, множасьи отличия, нарождающиеся в пучине Хаоса, и непрекращающиеся изменения в Его структуре, также есть Зло, и через Зло Хаос выражен во Вселенной.

Все сущности Тьмы, кто наделены Злом, кто существуют во Зле, и кто порождают Зло - являются Злом, олицетворенным каждым, кто Его творит;

И непостижима и ужасна вся чуждость полноты природы Зла во Вселенной.

Зло есть процессы, проистекающие в Бездне, присущие Хаосу и Тьме;

Активная деятельность Хаоса, Тьмы и Ада, и главенствующий принцип непрерывного Их развития, рушащего преграды и направленного вовне, обусловленное Бездной;

Потому всякое Зло от Сатаны, ибо истинно, изначально и инспирировано Тьмой.

От начал Тьмы и Света есть ненависть между Тьмой и Светом; непреходящие, но уничтожающиеся друг в друге, и возникающие в процессах борьбы, там, где Они становятся пределами друг друга во Вселенной.

Суть Тьмы, необъятная в Хаосе, и неизмеримая во Вселенной есть дух Левиафана, наполняющий Бездну, разрывающий творения бога вокруг айн-соф;

Свет есть лишь божество и эманация божества, проявленные через пространство, образуемое в волнах Хаоса.

Незыблемо есть могущество Тьмы во днях Аббадона;

Грани Тьмы во Вселенной раздвинуты через Аббадон с ненавистью и враждой, присущей Ей в открытых вратах Бездны, ибо Аббадон есть Ангел Бездны и Страж врат Хаоса с той стороны, находящийся в Аббадоне, Аббадон, кто и есть сам Хаос, и сами врата.

Великая Тьма шествует разрушением сущего во Вселенной, и источает Холод, который есть гибель для сути Света и Жизни;

Она полнится Дьяволами, которые поднимаются из-за граней сущего, чтобы уничтожить источники творящего Света. Они, кто есть восходящие к Бездне, и возводящие к Ней.

Бесконечные отражения Света и Вселенной океаном первобытной, творческой энергии Хаоса, движущейся и умножающейся непрерывно, есть искажение в Нём божественных принципов, и бесчисленность богоборческих теней существа Света;

Потому каждая субстанция и проявление Света имеют собственного выраженного противника, извлечённого из неограниченного потенциала Хаоса и проведённого посредством Ада в обитель сотворённого.

Тени бога предстают порождениями близости Абаддона, как обратные процессы созидания Вселенной в движении Зла, и являются искажёнными, разрушенными 7, отторгнутыми изначальными Дьяволами от Света к Бездне;
Шавайот есть Имя этого принципа, который есть Дух деструктивных изменений внутри Света, и та сила божества, что обращена против самого Света, порождая в Нём Разум Бездны.

Многие Дьяволы поднимаются от Демогоргона, который есть изначальное древо всякой сущности Тьмы; Они изначальны, как сам Демогоргон Хаоса, и пребывают в истоках, и в Сердце своём, выражая себя через Вселенную, и являясь направленным продолжением многогранности бесконечного континуума Бездны.

Их, которые есть Древнейшие и Дьяволы, называют разными Именами, но различают по сути, ибо все Имена даны Им людьми; Они, владеющие первой силой, есть истинное Величие, выраженное в суровой необходимости гибели Вселенной;
Враги того, что создано, и разрушители престолов Света.

Слепой бог Хаоса, Самаель, Создатель Смерти, чья Слепота - неизбежность фатума, и Ночь Вселенной - Лилит, та, кто тёмное лоно и Мать Ужаса, порождают племя Демонов, врагов замысла 7 и обладателей человека в космической иерархии Ада.

Имеющие лица нечеловеческие и ужасающие, ибо не принадлежат к семени Света, Демоны есть как человек во Вселенной, но от сути Тьмы, и как боги, порождённые Тьмой, есть Они для человека.

Многие из Демонов находятся среди людей, и сам человек становится зеркалом Тьмы.
Иногда, избранные из человека обретают себя во Тьме, тогда Лилит - их Мать, Самаель - Отец.

Все проявления Тьмы, все креатуры Хаоса есть от сути Ада, вторгающегося и разрушающего суть вещей во Вселенной, и они есть Тьма неразделённая и порождающая, что раскрыта Адом во всём сущем;
Все творения Тьмы неизбежны и определены развитием Ада.

Неискоренимость стремления Хаоса к возвращению былого до Света присутствует в природе вещей, упорядоченных вращением вокруг сути Света, и множит импульсы богоборческих Сил, тяготеющих законами kosmos'a;
Зло есть процессы движения Хаоса в Бездне, и Зло необратимо в сердцевине всех вещей во Вселенной.

Свет, как сила, возникшая от одного из возможных начал Хаоса, в Хаосе присутствует, и обретает реальность собственного бытия, паразитируя в Хаосе;
Свет существует процессами, ведущими к разрастанию в Хаосе и к изменению сути Хаоса в собственную суть, что есть стягивание существа Хаоса к небытию во Свете;
Свет несёт гибель бытию Хаоса, насаждая собственное бытие.

Потому Свет есть Враг; Он есть то, что должно быть уничтожено, ибо, разрастаясь, Он изменяется, и становится сильнее.
Всё сущее от Света есть лишь в Его излучении;
В бытие выраженном и бытие возможном 7 ангелов - хаособорцев абсолютного Света, обрамляющие божественную пустоту айн-соф, есть стянутое ничто в небытие единственной точки Хаоса, откуда выходят и где пребывают начала сущего всего свойственного Свету.

Свет не есть всепроницающий; Ему не дано преодолеть пределов Пустоты;
Свет, что разрастается в Хаосе, ограничен Вселенной, творениями и айн-соф, и сокрушаем разверзающейся от всех глубин Бездны спиралью непрерывно умножающегося движения начал Хаоса в собственном развитии и противодействии дальнейшему бытию 7.

Великая иллюзия Вселенной, остающаяся единственной реальностью для существующих в Ней, и

являющихся неотъемлемыми Её частями, служит и является манифестацией сохранения и определения божественного духа через механике бытия Вселенной.

Безуспешные попытки великого обновления Вселенной Светом через деяние и духовный прорыв обречены Адом, ибо Ад, наполняя Бездну, укоренился в самой сути вещей во Вселенной, и Левиафан, восходящий через Вселенную, развёртывает могущество самое себя полнотой Ада.

Война Ада против 7 есть Разрушение Вселенной и Света в Их Рассоздание, и продолжение бытия одних лишь Тьмы и Хаоса, и порождений Их сути в беспредельность Бездны;
Ибо Тьма полна и необъятна,
ибо Хаос не приемлет ущербности своей полноты и раздробленности в самом себе;
Ибо Абаддон приемлет в себя всё Их множество.

Им существовать в безвремяе в целостности Левиафана неделимой и абсолютной совокупностью сути Ада;
Возвращение Хаоса к былому до Света невозможно, ибо всё естество Тьмы и Хаоса было выражено во Ад...

Ад - Новое; Его не было, но Он будет, как есть.

Ад многоглав и многолик, ибо произошёл от всех возможных, многочисленных в бесконечности начал Хаоса, и обладает всей сложностью потенциала Хаоса, потому в Его всевластии простирается Бездна, и Ад есть Высший, ибо Ему быть всем.

Ад объединяет бесчисленное множество равноценных центров,
ибо во множестве есть истинное Его величие и пребывает Демогоргон Ада.

Ад есть самостоятельная эволюция Хаоса в свободном состоянии Бездны,
ибо так произошло преобразование энергии Хаоса во Ад, и наполнение Ада Тьмою.

Беспределен и бесконечен;
Ад внутри, Ад снаружи всех вещей сущего и несуществующего.

Аду не чужда в равной мере форма и бесформенность;
Ад, поднимающийся от пропастей Бездны, Ад, хищный в движении своей сути, не есть место, но может быть местом, как собственный ШЕОЛ.

Все, пребывающие в Аду, пребывают в единении, и сами являются Адом;
и каждый из Нахемот присоединяется к Аду, ибо Аду угодно Их, и Ад единственно угоден Им.

Ад творит; Ад выражает дух Хаоса в вечной экспансии,
что есть непрерывное развитие Ада, ибо Его сущность есть изменение через всё возможное к большему.

Благо Ада есть действие 666.

Ад помнит, Ад знает.

После войны, уничтожив 7, Ад будет существовать.

666

" Данная работа создана единственно во Благо Ада,
Она не есть готовый ответ, и не является границей в познании, ибо не существует языка плоти для

исчерпывающего описания того, что есть Тьма и Хаос, и не существует человеческого разума что смог бы удержать Их в себе;

В мире иллюзий есть только одна нетленная реальность - жажда познания Бездны.

Хаос не должно объяснять - должно чувствовать Его состояние;

Тьма раскроет себя через родственные отношения с Ней;

И всякое понимание Ада будет верным, если верны корни этого понимания"

V.Scavr I.VIII.IIIII.

[↑К оглавлению↑](#)

Codex Daemonorum.

Автор: Valentin Scavr

Версии книги, для скачивания.

В первых двух случаях книга откроется непосредственно в браузере!

[HTML: Белый текст на черном фоне](#)

[HTML: Черный текст на белом фоне](#)

[PDF](#)

[DOC](#)

Меч – ваша опора на земле.

Жизнь и Смерть – во имя Сатаны.

Вам надлежит служить Сатане, ибо Сатана – ваш Отец и Повелитель.

Он – Единый и Истинный для вас, и иного нет.

Служите Сатане.

Служите не имени, но сути.

Служите Сатане и будьте ради величия Сатаны.

Вам дано владеть всем на земле, но ничто и никто, кроме Дьявола, не должны владеть вами.

Клятва, данная Сатане, – Инфернальна для вас, и не должно быть ничему, что противоречило бы ей.

Вы вручили себя Сатане по собственной Воле – всецело и навечно.

Вам дозволено все, что не противно Его Воле и Духу – и вашей Клятве.

Не связывайте себя ничем, что было бы не от Дьявола.

Истинно только то, что от Сатаны, и ничто иное.

Одна Верность во всем – Дьяволу.

Одна Честь для вас – быть в Верности Сатане.

Только один не искупаемый проступок и позор – предательство.

И нет наказания вам от Сатаны, и нет греха вам от Него, но есть то, что способно сделать вас

далекими от Сатаны, ибо самое страшное для демонического Духа – быть вне правды Сатаны.

Без Любви Сатаны вы просто люди.

Ад – мера всех вещей.

Нет правильного и нет неправильного самих по себе.

Нет ограничений и нет пределов в становлении Демоническим.

Нет нормы и нет ненормального для вас в служении Сатане, но есть Воля Сатаны.
Ибо Она определяет все.
Нет слишком высокой цены и слишком тяжелой участи в деяниях во благо Дьявола.
Есть Его Воля.
Его доверие – бесценно.

Нет лжи от Сатаны, и нет иной правды в вас, кроме той, что от сути Дьявола и для Дьявола.
Ибо одной правдой существуете вы – правдой Сатаны.
Нет вашей правоты и правды, но есть ваш выбор. Он в Истине Сатаны и ведет вас к Истине.

Одна справедливость существует для вас – справедливость Сатаны. И никому из вас не быть абсолютным ее мериллом.
Вы – свой самый строгий Судья, но прежде перед собой и только за свои поступки.
Понять великого может равный в величии, судить о нем – только высший, и сможет оценить жертву только жертвующий
Такова справедливость Сатаны.
Ваше право судить, карать и награждать – от Сатаны, и только от Него.
И одна мера справедливости – и для друга, и для врага.
Ибо все равны перед Белиалом.

Сатана дал вам свою Любовь.
Цените ее прежде всех даров Сатаны и сохраните ее в чистоте и силе.
Вам любить Дьявола и то, что от Дьявола.
Вам любить в человеке Дьявола и только то, что от Дьявола.
Потому остерегайтесь испытывать любовь к человеку, остерегайтесь испытывать человеческую злобу и человеческую ненависть, ибо они разъедают демоническую натуру сильнее любого яда и ведут к вырождению Демонического.

Вашей Ненависти достойны лишь Враги Сатаны, остальным – бездушие.
Ваша Любовь к Сатане рождает вашу Ненависть к тем, кто идет против Сатаны.
Ваша Любовь и ваша Ненависть – от одного Сердца, от Сатаны, равно взыскательны и равно бесчеловечны.
Чем сильнее ваша Любовь, тем непримиримей и беспощадней будет ваша истинная дьявольская Ненависть.
Чистота дьявольских помыслов в основе любых ваших действий против Врагов непреложна – и нет никакой иной морали.

В злонамеренном действии к миру выражается ваше бытие.
Ваша жестокость к нему и бескомпромиссность – выражение вашей бесчеловечности.
И вы не пожелаете себе оправдания, будучи в глазах мира чудовищами.
Ничто из мира не станет препятствием для вас в вашей враждебности во имя Сатаны.
Каждому по силам.
Вам – земля. Дьяволам – небо.
Вам стоять за тех, в ком Дьявол, – насмерть.
Вам стоять против всего мира – во Дьяволе.
Ибо вы – как Ад на земле.

Вождейте жизнь только ради Дьявола в ней.
Вождейте к Смерти – только ради возрождения во Дьяволе.
Постигните жизнь пробуждением Демонического, находясь в единении и близости с Сатаной.
Ибо важно то, что вы сделаете при жизни.
Как и когда вы умрете – не имеет значения, если вы умрете во имя Сатаны.
Лишь Сатана определяет дела вам и срок вашей жизни.

Вы восходите, чтобы стать физическим воплощением Тьмы и Хаоса.
Вы поднимаетесь, словно человек, из племени человека – отвергая его право, мир и закон всецело,

превосходя собственное время.

Ибо вы – Древнее, чем человек; Древнее, чем само время.

Вы становитесь в отвержении границ и утверждаете истинное и чистое от Дьявола, Тьмой и Хладом духа своего наполняя плоть, гоня перед собой Свет, омертвляя жизнь вечную.

Вы подобны Фатуму Вечности Сатаны над рассуществованием человека.

Вам быть в человеке до самой его смерти, чтобы творить иную судьбу и прожить отнятую жизнь не как человек – но в жизни и смерти, как истинный Демон – во славу и для величия Сатаны.

Вы всегда будете приходить, чтобы испытывать, и Тьма будет приходить в вас и будет испытывать, и будет побеждать вместе с вами.

И когда вы будете приходить в приумножении Зла – то придете и станете, как Сатан, и поклонитесь Сатане, как человек.

Демоны и Духи Зла в смертных обличиях человечества.

Вам дано быть в неустанном приумножении Зла.

Вам дано встать против бога, будучи человеком.

Вам дано встать против мира, будучи изначально частью его.

Ибо здесь природа ваша и число – 666.

Вам дано своей волей делать Войну, Хаос и Колдовство, вам сеять Ненависть, Вражду и Погибель, вам нести возмездие Сатаны и изначально Красоту Ада, производя изменения, пробуждая голод и делая всегда собственный выбор в каждый момент своей жизни.

И где злой волей происходит во имя Дьявола одно, там же во имя Его всегда совершится и большее.

И где происходит – Гнев, Насилие, Колдовство, – там пребываете в Силе вы и ваши слуги.

Вы владеете страшной силой. В вас много Гнева за все века.

Сражайтесь на тропах Сатаны с теми, кто идет против Дьявола.

Вступайте на тропы Врага с оружием в руках и сражайтесь с теми, кто должен сражаться против вас.

Ибо ваш Меч поднят во имя Сатаны.

Меч – ваше право и ваша сила.

Не знайте пощады и жалости во имя Сатаны, ибо вам быть в обуздании человеческого и в обуздании божественного в человеке, будучи в служении Сатане.

Не бойтесь ничего – ни боли, ни позора, ни смерти.

Они не стоят вашего страха.

Не удовлетворяйтесь достигнутым.

Когда вы удовлетворяетесь тем, что имеете, – знайте, вы подошли к порогу своей войны, и есть только один способ пойти дальше – сжечь свой, ставший фальшивым, ад.

Самообман – страшнейшее из орудий человеческого в вас, и в слепоте не может быть достоинства.

Нет лжи и суеверия, что были бы угодны вам.

Ваше видение Демонического в себе должно быть истинно, должно быть испытано и подтверждено Адом. Вам дан Разум, чтобы анализировать, Мудрость, чтобы проникать, Темный Дух, чтобы вести вас тропами Дьявола.

Всегда судите по глубинной сути и помните, что только тот, кто обладает сильной и здоровой сутью в себе, способен видеть самую суть за метаморфозами любой формы.

Взвешивайте в себе, прежде чем судить, и не ищите правосудия вне существа Сатаны.

Чтите суть прежде любой формы.

Что удобно человеку и приятно ему, может оказаться порчей для вас.

Путь Сатаны прям и неизменен, извилисты мысли человеческие, скользящие по нему. Потому не выходите на тропы Сатаны с человеческими помыслами и избегайте изменности в своих желаниях.

Нет Сатаны с человеческим лицом. Кому, как не вам, знать это.

Будьте всегда бдительны и распознайте Врага в его коварстве.

Дьяволу угодна ваша хитрость против людей, ибо вас мало, но хитрость против себя на пути Дьявола – ущербна.

Нет законченных результатов и состояний, но есть непрестанная Война.
Соглашение с врагами немыслимо для вас; мир невозможен, компромисс – недопустим.
Суровая самодисциплина требуется от вас во имя Сатаны. Одно учение для всех – всегда испытывайте сами, потом предлагайте другим.
Всякое попустительство в себе есть слабость и ведет к поражению.
Всегда ищите, где преступить границы возможного, после этого они не будут уже таковыми.

Сатана дал вам возможность для действий, выражения и ответственности.
Сатана говорит – выбирай. Каждый миг – выбирай и как Демон, и как человек, и не бойся ответственности. Любой из вас имеет право на ошибку, но каждый раз должен будет платить за нее великой кровью.
Сатана во всем оставляет за вами право выбора, и только когда ваш выбор совпадает с Его, вы находитесь в согласии с Сатаной – вы вершите Его Волю.
Решать всегда вам, но принимать или нет – Дьяволу.
Жизнь вам – Испытание и Выбор.
Жизнь вам – Дела и мгновение.
Нет вам свободы без ответственности, ибо только ответственность определяет степень вашей свободы.
Сатана дает вам самостоятельность. Это – ваше Испытание.
Потому живите во славу Сатаны и будьте вдохновенны Злом в ответственности за все собственное совершаемое Зло.

Сатана всегда с вами, когда вы едины с Ним.
Его забота о вас всегда сурова, всегда справедлива.
Он никогда не покинет вас, если вы верны Его сути.
Он не избавит вас от боли и не пообещает снисхождения, ибо нет милосердия для благословенных Адам, но направит вас туда, где вы сможете превозмочь себя как человека и приумножить свое Демоническое.
Он ждет, что вы покажете себя достойными Его Духа, и предоставит вам шанс и на собственную ошибку, и на собственную победу.
Но нет и не будет вам избавления от труда и боли, ибо таковы все дары Сатаны вам, – они делают вас сильнее, не считаясь с той болью, которую могут причинить, и не сулят человеческого счастья.

Вам вечно оставаться голодными и хищными.
Вам воспитывать себя в простоте, строгости и демонической чистоте, но не бежать от того, что может казаться необычным и иным, но также быть верным по сути.
Не попустите себе быть ограниченными в способах совершения Зла, но всегда будьте свободны в выборе и непредвзяты в оценке.
Избегайте мертвых схем, следуйте всегда только подлинной и осознанной Необходимости – будучи в Духе Дьявола.
Наследуйте раскрепощение, но не распушенность, не вседозволенность, но Волю, и не оставляйте после себя ничего, кроме Зла и свершений Темной Бесконечности.
Страшиться человечности в себе, придет ли она в виде человеческих страстей и наслаждений либо горестей и забот, ибо она точит ту Силу, что дана вам от Дьявола.
Не создавайте себе рая на земле и будьте готовы сжечь в любой момент каждое его подобие, ибо нет предела вашему восхождению, кроме того, который вы поставите себе сами.

Демоны и Духи Зла в человеческом облики.
Вы явлены как мужчины и женщины на земле, как представители разных рас и народов, но это не встанет препятствием между вами, но послужит для преобладания Демонического начала.
Нет презрения и страха к плоти, свободной от грязной души. Нет предрассудков и нет ханжества в выборе того, что может послужить к вящей славе Дьявола.
Выражение Демонического Духа свободно и не должно пренебрегать ничем, что способствует осуществлению высочайшего Темного в вас.
Всё, что целесообразно, – равно может быть инструментом для вашего выражения. Каждой

ситуации и каждому шагу соответствует свой верный метод и подход, и иногда движение материи – более краткий путь, ибо также может являться необходимой частью Колдовства.

Драгоценен дар вашей бессмертной крови.

Физически вы только средство друг для друга для единения Демонического, духовно – вы пламя и опора друг для друга в Едином Пламени.

Не казаться, а быть.

Не ждать милости, а быть в самостоятельном свершении Инферно.

Важно то, что вы сами желаете сделать и делаете для Сатаны.

Если под вашими словами о Тьме не струится кровь – они пустой звук, и лишь воплощение свидетельствует о достоинстве замысла.

Говорящий праздно о делах Сатаны да будет отдан Безумию.

Апеллирующий к суду людей да займет место среди них.

И ни один из вас не назовет себя Демоном, пока в человеческой плоти, но будет им по Духу. Ибо вы таковые – только в Сатане.

Приобретенное малой ценой стоит ровно столько же.

Никогда не принимайте того, что не заслужено вами.

Оставайтесь честны перед собой.

Ваши Возможности и Испытания идут от Сатаны, и каждый новый Опыт приобретается ценой высшей.

Вы полностью в Воле Сатаны, когда вручили себя Его Воле.

Не прятаться за Него, а идти и сражаться, не искать в Нем оправдания себе, а быть подобным Ему, не отступать от Него, даже ценой того единственного, что есть у вас здесь – ценою своей жизни.

Ваша жизнь – это путь, который нужно пройти по лезвию Испытаний.

Ваш путь – путь Колдовства, путь Силы, путь Преодоления, путь Служения.

Не сможете наполнить, не опустошив.

Не сможете обновиться, не умерев.

Не сможете познать, не испытав сами.

Каждую ночь вы будете приходить, чтобы взывать, и каждый день будете делать все большее.

Каждый следующий барьер всегда будет выше ваших собственных сил.

И каждый из вас всегда будет по ту или иную сторону жертвоприношения.

Живите и умирайте полно и глубоко.

Губите и пребывайте глубоко в Погибели сами, ибо это ваша справедливость, единственная, которая достойна исходить от вас. Вы дарите только то, что имеете сами, и принимаете через жертву другого то, что достойны принять.

Неважно, принят ли от вас смертельный дар или нет, принята ли от вас Жизнь или Смерть, – все равно, изменяется разум, иногда плоть, но всегда – душа.

Испытывайте всегда, чтобы знать и провидеть.

Потому искушать, но не соблазнять, испытывать, но не потворствовать.

Только так вы можете научить то, что тянется к вам, – стойкости.

Сатане угодна ваша Война и ваше удовольствие от нее.

Сатане угодна ваша искренняя радость и ваше удовольствие и от Войны, и от праздника.

Вы можете испытывать страсть, но не можете позволить себе быть рабами своей страсти.

Долг для служителя Сатаны всегда будет превыше удовольствия, и радость всегда сопряжена с Долгом.

Сатана дал вам время и для радости, и для горя.

Используйте его в равной мере и для одного, и для другого.

Используйте каждый миг его, словно он последний.

Не страшитесь Величия, ибо никто не рождается великим, но становится им.

Страшитесь низости, которая окружает вас и желает вашего поражения.

Если вы вступите с ней в союз – вы будете повержены.

Заслуги ваши и достижения определяют степень доверия Сатаны к вам. Ничто – если это в прошлом, все – если сейчас и навсегда.

Каждый владеет тем, чем достоин владеть, каждый поступает так, как свойственно его Духу, и каждый есть то, чем он позволяет себе быть.

Но помните: для сана высшего того мало, и некоторым из вас самая тяжелая ноша по праву, самый тяжелый человеческий удел, нечеловеческое испытание, наиболее тяжелая участь и совершенное доверие Сатаны.

Помните, никому из вас не дано обладать всей милостью Сатаны единолично, и не вам ждать этого.

Вам нечего делить между собой, ибо у вас на всех одна милость – суровая милость Сатаны, и одна миссия – свершение Зла и триумф Ада.

У вас всех один Враг, и здесь место вашей борьбы.

Ваша борьба глобальна и личностна.

Вам ежечасно являть свой подвиг противостояния. В совершенном ли одиночестве или в Черном Комитате, но против всего мира.

И только одного можете вы желать и быть достойны – сохранить себя во Дьяволе.

Оскорбляйте противника Делами.

Презирайте высокомерие и не допускайте в себе низости.

Не ищите удовольствия в жестокости, но будьте способны на жестокость, если это необходимо.

Не получайте радости от унижения других, ибо это станет вашим собственным унижением.

Стремитесь к лучшему, не надеясь, но созидавая свой Путь, и приготовьте себя к худшему, сохраняя особенное мужество в каждый трудный и отчаянный момент.

Покоряйте мир, начиная со своего человека, и только с него.

С человеком невозможны никакие компромиссы, ибо только преданность человека Дьяволу делает его вашим союзником.

И только срок его жизни определяет время его борьбы.

Всегда испытывайте способность людей быть верными, и только потом предлагайте им выбор. В их свободном выборе решить – быть вашими смертельными врагами либо друзьями. И только тогда заключайте с ними Союзы, когда они достойны того, и только на тот срок, пока они верны, ибо вы должны оценивать людей лишь по одному критерию – их способности быть верными своему выбору и слову.

Вам – быть как Дьявол.

Вам следовать своему предназначению, Долгу и Даймону неотступно.

Вы, отдавшие свои души Сатане всецело и навечно, пребываете в верности и чести.

И если, чтобы сохранить подлинную веру, честь и достоинство воина Сатаны, будет только один выход – броситься горлом на Меч, сделайте это без колебаний.

В жизни и в смерти оставаясь истинными и несомненными сынами и дочерьми Дьявола.

IN NOMINE SATANI

[↑К оглавлению↑](#)

Euangelium Antichristum.

Автор: Valentin Scavr

Я очнулся от смертного сна на горе тысячи Казней.

Я поднялся на самую вершину ее и произнес слова возвращения шепотом – так, чтобы не потревожить покой спящих под ней... .

А, Дьявол, так пусть я буду шипеть, как сотня тысяч рассерженных змей.

Я вбил копьё в северную землю, отметив начало пути, и протяженностью бесчисленных гектаров смерти окаймил черное пространство. Не утирая пота со лба, ходил ночи напролет за плугом, пахал и сеял, но не стал дожидаться урожая и утра, а обратился в путь, и провожали меня лишь туман позднего рассвета и пустой грей архангелов на холодном ветру...

Я взял взгляд змеи, оскал волка, улыбку Аита и закрыл лицо свое маской.

Я запечатал уста проклятием.

И, проведя сажей по зеркалу, взял себе все цвета ночи.

Он пришел с наступлением шторма, всадник, ослепительно бледный во всполохах грозы. Он сказал:

– Идем рука об руку, ибо мои желания так же остры, как и твои, и я вложу в твою руку свои отточенные жала.

Когда Луна вошла над моей головой, звезды склонились пред ней в восхищении.

Луна говорила, что я любим ею, и благословила меня в дорогу. Теперь Она повсюду со мной и освещает мой путь. Теперь мы неразлучны.

В Ведьмин час на перекрестке я встретил юного человека, бегущего мне навстречу.

Я хотел задержать его, но он сказал, что торопится, чтобы сделать мир чище, а людей честнее; и я отпустил его с состраданием – тогда я понял, что его покарала боги.

Я видел уродливую старую шлюху, распростертую на скалах между землей и небом. Она распустила пряди, и вокруг нее во множестве роились люди. Они говорили «се Святость», и входили в нее, чтобы причаститься от нее.

Но я остановился и сказал:

– Она многое позволяет вам делать с собой, но дорого берет.

– Это цена благодати, а ты – всего лишь злой завистник, – был их ответ.

И тогда я сказал:

– Пусть... это ваше все.

Я оскотил десять тысяч мужчин, чтобы они служили моей богине.

Черный Рыцарь просил сделать его Черным Королем, и я выполнил эту просьбу, но остерег быть Шугом, и тогда он предал меня.

Ко мне пришел малый человек, и просил защиты. Я дал ему древний серебряный щит, чтобы стал он сам себе щитом и защитой, но он согнулся под тяжестью щита и снова стал малым, слабым и злым.

Другой пришел ко мне и сказал, что хочет отомстить миру – тогда я дал ему стрелы. Он снова пришел ко мне и сказал, что хочет не смерти ему, но мучений – тогда я разрезал его грудь и вырвал сердце, и напоил этим ядом его стрелы.

Горел огонь в железных расселинах, и Дьявол говорил со мной:

– Люби меня, как я люблю тебя, и я дам тебе ноги.

– Люби меня, и я дам тебе все, кроме легких дорог и мостов назад.

– Люби меня, и я дам тебе все, кроме человеческой любви и эгоизма, кроме человеческой любви и вязкого дьявола, называемого людьми мной.

... – Люби меня, и я дам тебе то, что будешь ты хранить всю жизнь и ценить превыше жизни.

...И тогда вокруг моего посоха обвилились змеи.

В предзакатных сумерках он предстал на костяном коне. Он взглянул на меня иссохшими глазами:

– Поздно. В этом городе все мертвы.

– Чума, – бросил он мне через плечо и канул во мрак, но эхом раздавались его последние слова:

– Иди, собирай кости своих мертвых.

Я шептал, как молитву, в шумной толпе:

– Амазрак,
В твоём дыхании миазмы тлена,
Твои глаза сочатся илом Смерти, Отец Чумы, приди!
Гнилая кровь струится по твоим лохмотьям,
Войди, болезнетворный Ангел!
Твое лицо обезображено проказой,
Ты веешь Холодом – Величественный, Бледный,
О, Ангел Мора, преступи порог!
Приди! Приди! Приди!

Она была юна. Она была безупречно чиста. Она была целеустремленна.

Она радовалась и танцевала нагая под луной, и я сшил ей из мантии платье.

Она устремлялась к звездам, она просила сделать ее царицей над зверьми и людьми, и я сделал ей митру.

Она сказала: «Сделай меня красивее звезд и луны, и дай мне корону черной земли, и поставь меня выше всех верных Дьявола». И тогда я зашил ее в пурпурный саван и оставил на поживу стервятникам.

Меня окружает Мгла, вышедшая из глубин моей души. Когда она достигнет всех мыслимых границ, там разобью я свой Эдем и буду видеть сны. Там будут замирать птицы в обездвижении перед величием вздымающейся Тьмы, и предо мной поднимет свои воды необъятное море Мрака, чтобы я вечно исследовал глубины Его.

Моя левая рука – только для детей Тьмы.

Я зажег звезды на груди истинных.

И оставил шрамы на своем теле, знаки дорог для тех, кто искал истину.

Взвешиваю, отмеряю и собираю на острие бритвы, ибо знаю – Дьявол, мой Отец, доволен тогда.

Я услышал дивную мелодию и пошел на ее зов. Я помнил ее с детства. Злой Дух пустыни пел ее первой матери. Я видел человека, распятого на копьях. Он пел песню агонии, страха и разочарования жизнью...

И снова была тишина, и снова – вой злого ветра.

Два черных зверя дрались между собой не на жизнь, а на смерть. Они были едиными, но сошлись в смертельной схватке.

Два черных зверя дрались, чтобы остался только один...

И Дьявол венчал окровавленного победителя.

Я вытесал гроб для своих врагов. Он не был велик. Он не был тесен.

Я сошел в плодородную низину, оставляя за собой огненный след.

Одинокий пастух сказал:

– Здесь тысячи лун я стою на страже и провожаю на гору, но никто не возвращался с нее, так куда и зачем идешь ты, и зачем идти тебе, о черный вестник?

И я ответил:

– Из плоти во плоть иду я, и несу плоти в руках, и гвозди в рукаве, и шипы в теле, и следы плетей на спине, иду, чтобы низвергнуть твоего хозяина, чтобы дать смелым и сильным крылья и освободить для них небо.

– Не ходи, не делай землю небесами, а небеса землю, – говорил он. – Не давай гадам небо, не делай так, чтобы рыбы ходили по земле и разговаривали, как люди, не делай так, чтобы звери жили в городах. Не ходи сам, но ползай, ибо проклят тот, кто одинок в подобном начинании, и

проклят тот, кто несет пожар в сердце и лед в своей душе, и трижды проклят тот, кто вынашивает замыслы, рожденные на горе Казней, ибо он не дойдет, потому что я – тому запрет и препятствие. И я улыбнулся ему, как старому знакомому, и пролил его кровь, чтобы свершилось, наконец, проклятие, и отер свои ноги о то препятствие, которым он стал, перед тем, как сделать следующий шаг...

Я съел его сердце и выклевал его глаза.

Черный всадник пришпорил коня. Его глаза полыхали недоброй радостью. Он говорил:

– Смотри, там, внизу, горят огни. Смотри, там ненавидят и любят, там радуются и предаются печали. Там рождаются и умирают.

– Смотри, нас ждут там. Нас ждут на этом празднике.

В знойный полдень тень отошла от меня.

Она входила в города, она несла пустоту и смуту. Она праздновала и пресыщалась, и пила чужие жизни, чтобы жить самой. Ее уста были забиты грязью, клеветой и ложью, но говорили о благородстве и чести. Она давала ложные надежды и несбыточные обещания. Ее узкие глаза гноились злобой и завистью, своекорыстием и самодовольством, коварством и жаждой самоутверждения. Она искала дружбы тех, кто не мог противиться ей. Она увлекла с пути бесхитростные души, и хитрые присоединились к ней в погоне за удобством...

А когда спала жара и наступили сумерки, Луна послала своих колесничих. Они настигли мою тень и прибили ее к вратам Цитадели.

Дети водили хоровод и пели на закате:

– Солнце на запад

Луна на восход

Дьявол идет

Пламя несет

Пламя несет

Небо сожжет

Души с собой заберет

Солнце на запад

Луна на восход...

Тринадцать лет ходил я по земле, и нашел прекрасными на ней лишь оружие и женщин.

Я увидел нагую женщину, брошенную на обочине дороги, обесчещенную и оболганную, и никто не хотел подойти к ней и помочь. Я вернул ей честь, омыл ее и сплел ей венок из трав, назвал своей дочерью и отвел ее домой.

Косматый зверь бросился на меня со спины, чтобы его шкура согревала меня холодными ночами.

В кипящую кровь я опустил левую руку по локоть, чтобы она стала красна, как мой язык, и сжал зубы, чтобы не закричать от нестерпимой боли, когда рождал демонов из своей раскалывающейся на части головы.

Цвета людской подлости и предательства.

О боги, как же я презираю все это грязно-желтое.

Два странника со сломанными крыльями, мужчина и женщина, просили их взять в дорогу, и я принял их как спутников, и разделил с ними свою Веру и тяжесть пути.

Но вскоре заговорили они, познавшие сполна плодов добра и зла мира:

– Там оазис, там мы построим свой дом, там счастье и радость, там свобода, мир и покой, там цель нашего пути. Наши плечи устали от ноши, наши глаза иссохли, наши ноги истерты, ты ведешь никуда, ты блуждаешь нигде и обманываешь, и нет правды под твоим небом, ибо оно жестоко к нам.

– Это всего лишь мираж. Сходите и возвращайтесь, я подожду вас.

Но я не смог убедить их и замер в отчаянии.

Тогда они проклинали меня, и вошли в мираж счастливые мужчина и женщина, отбросившие свои мечты и исполнившие, наконец, то, что было предназначено им богом.

Я ждал шесть полных лун и потом похоронил их в своей памяти. Есть мертвецы, которые уже не стоят того, чтобы их воскрешать.

Герои – в глазах уверовавшего большинства. Горькие слезы – в ясных глазах немногих.

Другие мужчина и женщина, рожденные и выросшие в цепях, глодали свои руки, чтобы обрести свободу.

Я видел, как шли они с рваными венами сквозь клубящийся туман за грань, и слышал страстный и ликующий шепот мертвой женщины, взывающей к Сатане.

Незнакомец, умиравший на моих руках, один из тех, кто пал на этом пути, с улыбкой на обескровленных губах кричал в лицо Смерти:

- Покажи мне того глупца, что хочет жить вечно...

Я закрыл его глаза... И проклял себя за то, что мы не шли вместе.

Как много дорогой мне крови осталось на моих руках.

Мой разум терзает мертвое небо.

Низвергнутый, покинутый в сумеречном краю, в месте, лишенном времени и названия, хром, темен и наг, я прокладывал свой путь среди угрюмых курганов, меж каменевших костей и деревьев в недвижимом, чужом, неживом безмолвии того, что не было ни днем, ни ночью ... под мертвым небом.

Я посыпал порохом свой путь. Огонь неудержимо рвался вверх.

Я пересек поле из клубящихся змей. Они росли прямо из земли и обвивались вокруг моих голых ног, горевших от их яда. Шипящие, жадные пасти моих детей дарили свои поцелуи смертным. И я обрел вторую кожу и новое рождение, и испытал радость и гордость за юное племя, и собрал в корзины обильную смертоносность нового урожая.

Я пробуждал Морок в жертвенных дымах курений из горечи и наваждений, я зажигал костры из иудиных костей темными ночами и опьянялся жарким дыханием. Я танцевал по кругу с ведьмами в полуночный час, и любил лунными ночами, и меня любили, как никого. И этот черный дым прояснял мой взгляд и оставался в моем сердце, пробуждая намерения, что бьются в моей душе хищными птицами. Так я отделял явь от иллюзии, замки от врат, зверей от животных, так брал я Дионисово и овладевал Духом, утверждаясь над плотью...

Ветер перемен раздувал Черное Пламя.

Дьявол говорил в ветре. И Дьявол не говорил ничего, кроме Правды.

Стоило лишь желать услышать Его.

Я дошел до края земли и смотрелся в ледяное отражение.

И видел в сверкающем холодном ничто:

Жребием богов Хаоса я – не человек, не бог, не демон;

Волею Сатаны я могу быть всем и всеми, либо же – Ничем; и я могу быть горькой участью всего сущего;

И когда завершается распад отживших форм и подходит к концу Смутное Время, вновь остаюсь я наедине с собой – Никто и Ничто, и Дьявол – единственное доказательство того, что я еще существую.

Я смотрелся в бесконечные льды и видел там узоры своей мертвой судьбины. Они создавали лабиринт в замороженной вечности и овал с рваными стеклянными артериями. И я слышал, как мое дыхание опадало и говорило мне в ответ:

Я – тот, кто достоин Ненависти бога, ибо я то из его порождений, которое он не породил, и я – обратное лицо его.

Я могу быть богом, в котором нет ничего человеческого, и я могу быть человеком, в коем не осталось и следа творения.

Я – часть в боге, которая разрушит его. Бог заключён во мне, ибо я – как Ад для него, в котором он обречён страдать вечно.

Однажды было сказано:

Верь в силу своего врага, чтобы не стать слабым.

Испытывай себя, чтобы побеждать.

Старый крысолов учил меня:

– У крыс нет достоинства, только инстинкт самосохранения.

– Крысы не знают чувства благодарности, только неразборчивое чувство потребления.

– Крысы кусают тех, кто имел неосторожность довериться им.

– Крысы уродуют то, что создано чужими руками.

– У крыс нет чувства локтя, только хвост самой жирной крысы.

– Крысы избегают огня.

– Крысы набрасываются со спины.

– Загнанные в угол крысы опасны.

– Нет опасней крыс, чем крысы-люди.

– Крысы есть крысы, – пожимал он плечами.

А я смотрел вдаль. Мне предстояло пронести своих детей через земли, пораженные болезнью, кишасшие крысами.

И когда-то я говорил перед народом:

– И горе тому рабу, что мечтает не о свободе, а о собственных рабах.

– И нет чести у тех, у кого была она, но кто сделал ее разменной монетой.

– Низменен тот, кто идет к великой цели низменными путями. Он не дойдет.

– Продавшиеся ценят остальных по себе, так же, как и неподкупные.

– Горе начинающему междоусобную войну только ради собственного удовлетворения.

Но они не услышали меня.

– Кто обещает вам счастье без боли, тот лжет. Кто обещает вам труд и испытание, тот даст вам счастье.

– Просите не доброты, но справедливости. И пусть она будет суровой.

– Смотрите, что вы возвели на лжи и двуличии, назвав Правдой. Такому не должно побеждать.

– Правда – там, где ей служат.

Но они не захотели услышать меня.

– Не делайте Дьявола оправданием ваших прихотей, но решайте свои беды сами и будьте в собственной ответственности. Иначе – кто вы, если не марионетки либо лицемеры?

– Не отнимайте ношу у неискушенных, что бы они ни несли. Это их собственный опыт и их собственное испытание.

– Молите Дьявола о Ненависти ваших врагов как о высшей милости.

– Не внимайте мне, внимайте Дьяволу, только тогда мы с вами поймём друг друга.

Но они не поняли меня.

И тогда я сказал:

– Приговор произнесен, и вас будут судить те преданные и оболганные вами, кого вы убивали долгое, долгое время, пришло ваше время умирать, бывшие моими, возлюбленные трупы.

Я снова встал за плуг и обвел полный круг, и, не покладая рук, трудился на поле брани, но налетел ветер и унес все, кроме самых стойких ростков. И снова я трудился...

Я отдавал верой в людей и брал все большим бессердечием.

И сказал:

– Сколько лет в этой глуши, и чего мы достигли?..

И тогда я засмеялся над собой и поборол последнее искушение стать лучше и справедливее.

Я поборол свое отвращение и утопил в грехе свое чувство идеального, обретая отчаянную

решимость перед необходимостью создавать вновь.

Я повторил все снова и снова, и сделал правильно, и был, наконец, доволен.

И омыл тогда лицо свое от пыли чистыми слезами, и поднялось из праха новое, сильное, смертоносное и жизнеспособное.

Мой спутник, сидящий на Алом коне, сжимая поводья окровавленной рукой, пронзил меня взглядом, пламенеющим, как закат, и произнес:

– Охота началась. И ничто уже не отзовет назад спущенных с цепи псов войны.

Я прогрызал в горах тоннели, я поднялся выше солнца в своей упорности, и переплыл тартар и бездну отчаяния, и вышел через сердце адского пламени;

Я изошел тысячи дорог, преодолел их все, и Дьявол, мой Отец, дал мне новые ноги;

Я ласкал змей и грел их на своей груди, и Дьявол одел меня в чешую и дал мне медные груди;

Я голыми руками срывал огненные плоды с деревьев войны. И Он сделал мои десницы железными;

Я похоронил сострадание, и Сатана дал мне каменное сердце;

Я оседлал высокомерие и гордыню, и получил крылья нетопыря и зубы дракона;

Он спросил меня – что есть благо и зло человеческое, – но я не смог ответить, и тогда Он разрезал мой язык надвое.

Я преступал и устанавливал законы, и ниспровергал их не для того, чтобы достичь самоутверждения и власти.

Я сжег книгу Тота только для того, чтобы освободить, наконец, Мудрость.

И встал и начертал над пропастью:

Не говори – есть альфа и омега, ибо меня нет в них;

Я – протяжённость пустоты и снова протяжённость, не цель, но действие; ибо я – не личность, но процесс извне.

Я свился кольцами в бесконечности, оберегая пяту Дьявола.

Врата и Ключи от этих Врат – то, что есть я; и Сатана приходит через меня снова и снова, чтобы заставить меня нести ключи и жезлы, как бы тяжелы они ни были, и я готов вновь и вновь пройти все, что пройдено мною ради Него.

Я добавил последнюю душу к своей ноше и бросил на алтарь свое бьющееся сердце.

Я долго шел и подошел к закату, остановив ход времени перед огненной стеной.

Какую бы дорогу я ни выбирал, она вела меня к Дьяволу.

И когда я исполнился спокойствия и почувствовал, что мое время пришло вернуться к истоку, я омыл лица любимых и незабвенных, и оплакал всех павших на пути и потерянных, и всех спящих и уже никогда не могущих пробудиться, и сложил их кости на погребальный костер, как их единственные трофеи в этой незавершенной войне...

И тогда я вернулся к горе тысячи Казней и Смертей, чтобы взять в руки Меч и крикнуть в полный голос:

– Служу Духу Сатаны

Неутомим и неустанен.

Истинен и неотвратим.

Проклят, но не запятнан.

Подлинно свободен и преисполнен Черных Сил.

Верен и несокрушим.

Аз есмь –

стопы Господства Дьявола.

A Morte Invocare.

Автор: Valentin Scavr

Стоит ли взывать к живым, если они слепы и глухи, как мертвецы, если они бесчувственны, как холодная сталь?... Стоит ли взывать к живым, когда они всегда и во всём подчинены руке Смерти?...

Нужно ли будить мертвецов, возвращая их к жизни, если не сумеешь заставить их говорить?... Стоит ли их слушать, когда они заговорят, как живые?...

Шаг в Бездну для человека сродни самоубийству. Но что способно подвести человека к столь бесчеловечному способу свести счёты со своей судьбой, что способно обречь его на столь страшную участь, когда мертва душа, но живо тело? Что способно подтолкнуть его к этой последней, роковой черте?

Что побуждает человека искать подобный путь для высвобождения своего потенциала, на пути реализации которого сам человек становится всего лишь препятствием?...

Кто сказал, что важна форма?

Не лучше ли быть свободным от форм в диком море необузданной плоти?... Или быть дикой плотью в бесформенной обители препарированной божественности?...

Кто может прочесть те невыразимые знаки, погружённые в кровь, что деформировали человеческую внутреннюю структуру?

Разве книга, начертанная Сатаной, была бы понята человеком?

Кто хочет прочесть её, тот отпирает замки её страниц, высвобождая кровь, не как человек, но как сущий Дьявол. Ибо кто может прочесть книгу Дьявола, кроме самого Дьявола?...

Насколько свободен тот, кто делает идола из человеческого разума?

Человеческий разум - всего лишь инструмент, игрушка судьбы среди тех опасных игр, что имеются в распоряжении владеющего ключами от человеческих судеб.

Человеческий разум должен быть совершенней всех грубых орудий своей Погибели, но не следует забывать, что он всё же остаётся инструментом, как всё человеческое.

Если Демону суждено избрать самую отвратительную из всех форм, не будет ли Им избрана плоть человека?

Кто-то назовёт возможность преодоления судьбы божественным даром, кто-то волей слепого случая, иные - свободным выбором человека, и только более искушённые назовут это действием сатанинской необходимости... Но кто понимает до конца, что кроется за всеми малодушными препонами здравого человеческого смысла, сохраняя свои собственные жизнь и свободу ради одной единственной смертельной ставки в дьявольской игре?...

Что останется в руке божьей, когда пешки - трупы, и карты - человеческая масть?...

В чём преимущество одной земли перед другой - для изгиба небес, одной эпохи перед последующей за ней - для бессмертного?...

Живые уходят к мёртвым... Но могут ли мёртвые повторить их путь, возвращаясь к жизни, смогут ли живые после того быть абсолютно уверенными в своём загробном будущем?... Что может восполнить утраты, причинённые нарастающей энтропией миру живых? Что может воссоздать облик мёртвого в живом и стать непреодолимым препятствием на пути возвращения мертвого?... Какие ещё заветы должны быть соблюдены мёртвыми, свыше тех, следуя которым они должны возвращаться?... Неужели живые не платят дань Харону, отдавая долги за своих мёртвых, стараясь навсегда удержать их за долговой чертой?... И разве сама Вселенная - не стремится неудержимо к гибели?...

Была ли ещё хоть одна из человеческих войн выиграна человечеством, или все эти войны - лишь суетные манёвры перед каждой последующей войной?... Была ли не названа хоть одна причина при оправдании этих войн, кроме одной единственной истинной причины - врождённого человеконенавистничества, инстинктивной ненависти человеческой особи к подобному себе, вражда части разрушенного прообраза к другим фрагментам, ревность к своим вынужденным копиям? Человечество стремится взять реванш над собой, не окажется ли эта война последней войной, в которой человечеству суждено одержать окончательную победу над человечеством?...

Возможно ли объединение неполноценных фрагментов перед угрозой внутреннего раздора в каждом фрагменте?... Кто может предвидеть благоприятный исход?... Колоны, уверенные в том, что империя не простирается далее соседнего поселения? Слепцы и калеки, убеждённые в том, что это их посохи бьют в набат прогресса?...

Тени мёртвых, лишённые тел, снов и покоя, всё также устремляются от солнца, всё также зарываются в землю, когда солнце находится в зените, и поднимаются вослед опадающему солнцу. Что есть Смерть, как не гигантская тень, отбрасываемая во времени тем, кто существует прежде света? Что есть смерть, как не воплощённый кошмар человеческого невежества, как не отвергаемая жизнью, неиспытанная дотоле действительность, как не благословенное забвение и жестокая справедливость для обессиленного видением Вечности обыденного рассудка?

Если существу будет суждено принять самый чудовищный образ мыслей, не окажется ли это образом мыслей человека толпы?

Своим временем, как цепью, человек прикован к времени Вселенной... Непрочное время человека синхронно времени течения её процессов, повторяя их согласно собственному значению человека, великодушно оставляя человеку срок быть среди живых, не быть среди мёртвых... Но способен ли человек превозмочь время, вставая над живыми и мёртвыми?... Способен ли человек быть властным над своим внутренним временем? Когда человек вырывается из тесного потока человеческих тел, обретает ли он ожидаемую

сосредоточённость бытия вне живого себя?... Или бесконечность, только бесконечность, и ничто более того?...

Кто говорит о мёртвых небрежно? Кому мёртвые отвечают грубостью?...

Возможно ли обретение подлинного себя в иных свойствах материи без утраты привитых ранее представлений?... Отказавшийся от ограничений объёмлет в себе Хаос; отказавшийся от борьбы ломается в кладке чуждого мироустройства...

Человечество - сухая ветвь на древе Смерти, распростёртая в пустоте... Пассивная материя человека - древняя уловка для испытания воли, "железная дева" для подавления жестокости, архейская горсть для усыпления мятежности... "Живая" душа - сухая пуповина связи с творцом, теряющаяся в материнском саване космоса... Человеческая речь звучит погребальными колоколами, будничной панихидой по всем сердцам биения жизни...

Чьей волей могут быть проломлены барьеры?... Чьим тщанием может быть отвергнуто наследование судьбы ревнивого бога, принимаемого из вторых рук? Только очищающий огонь является способным выбирать, кем или чем ему стать, выжигая форму, разверзая устоявшиеся каноны внутри отношений первобытной материи животного мира... Тот чёрный излом в фундаменте всех основ, куда вбит клин насильственного вторжения во все тайные и явные метаморфозы бытия, избирает того, кто находится в гармонии со Смертью, того, кто способен сам выбирать, когда и как принять свою Смерть...

Кто способен разглядеть то, изначальное, поверх которого был грубо вычерчен божественный план?... Кто способен отделить безвозвратно умершее от лживо воскрешенного? Кто способен провести черту между низменно уподобившимся и мятежно пробившимся наверх, между отстоявшим даже в Смерти свою независимость и неоправданно облаканным судьбой?...

Сеннахериб, восстань из праха...

К чему ведут поиски своего двойника за гранью морали, человеческого права, самой жизни? К нескончаемому бодрствованию перед зеркалом Фатума, к Граалю всех Святых, к смешению в амальгаме Нахемот?...

Поиски точек, где рвётся от наивысшего напряжения сбитая в плоть ткань мира, не проходят бесследно ни для кого из живых и мёртвых... Поиски выгод или высших утрат оборачиваются участием раба или ремеслом творца искусных ловушек...

Кого уведят иссушающие жажды познания в поисках бессмертного идеала за грань законности, порядка, послушания, за крайний предел самого себя, и кого возвращают из-за черты на погибель себе, на погибель мира?...

Перед каким из ликов Януса дымится кровь чёрных агнцев?...

Где грань возможного и невозможного... в пределах себя?... Где определено ИНОЕ начало за крайней чертой внутреннего мира?...

Обыденные, нормальные, отвратительно живые...

Что пробудит их в истинной Смерти от мертвенного сна, что обнажит содранная с их естества плоть?... Не слишком ли рано для жизни, не слишком ли поздно для Смерти, чтобы, таясь от себя, видеть бессонные ночи времени, оседывая неконтролируемые сны разума?... Не слишком ли поздно для самого себя, чтобы постигать азы небытия, чтобы попирать боль, перерастая свои пороги, чтобы ненавидеть своё устоявшееся отражение в океане вселенной?...

Может ли быть что-либо более жалким, чем потребность человека в ярлыках, в этих тщеславных утешениях себя иллюзией власти над вещами, непознаваемыми человеческим разумом?...

Имеет ли мёртвая плоть принадлежность к расе?... Имеет ли сама материя национальность, или только человеческая плоть, втиснутая в форму, отмечена клеймом или изъяном мастерской - изготовителя? В соитии и распаде изделия обретают гармонию, кто-то говорит, что это происходит в объятиях бога... Возможно ли подобное?... Nego...

Всегда на грани Смерти, везде на пороге старения в поиске нетленного символа вечной жизни... Нужен ли человеку еще один инструмент для постижения себя, бич для обуздания внутреннего Хаоса, или ему нужен только лишь ещё один крест, ещё один символ для возвышения над другими, для оправдания расправы над себе подобными?...

Какой высший разум для своего утверждения вбивает сваи в разум человеческий?... Какой пытливый ум вбивает гвозди в человеческую плоть?...

Что есть жизнь бесполезного ничтожества, как не явление поистине божественной тайны, как не олицетворенное явление в земных рубежах божественного милосердия?... Но при этом только избивание младенцев становится основанием для насаждения божественного закона...

Кто из богов способен окунуться в ад человеческой души? Который из них не страшится стать человеком?

Разве человек - день и ночь, каждый час, каждый миг своего времени, от рождения и до самой своей смерти - не призывает своим отчаянием утоления всей жизненной Скорби?

Кто, призывая Дьявола, не боится возвысить голос, не страшится отбросить тень, не разбивает все зеркала?

Кто, призывая Дьявола, не опасается обнаружить Его внутри себя?

Столь ли важно - благ Дьявол для избранных или ни для кого? Столь ли важно - признаваем Он всеми как бог, либо проклинаем, как Дьявол? Важно ли, что стоит на его стороне - правда или неправедность? Важно ли, что Он может разделить - своё благо или своё страдание, поверженный Он или победитель? Или это всего лишь слова, ничтожные слова перед великим правом своей крови - быть как Дьявол?...

Покой - лишь случайный каприз в вариациях Хаоса... Вариации... Вариации...

Когда говорят об единении с Сатаной, страшатся, что это может стать возможным... Таясь в толпе живых, хоронясь за спинами мёртвых, многие не способны заставить замолчать в себе то, в чём страшатся наконец обрести себя, будь то бог или Дьявол... Но чем может обогатить их познание причин этого религиозного страха, познание целой совокупности насилия сверхъестественных причин, живущих внутри их собственных душ?

И ведом ли страх тому, кто добровольно одержим Сатаной, тому, кто сам способен внушать ужас? ...

Когда в мире множества евангелий все пророки твердят об исключительности своей правды... Когда все они предлагают веру в эту безупречную данность свыше, обещая безопасный приют душе и разуму, плоти и её потомству... Кто способен выносить в себе, из чьих уст можно услышать ту вычерченную и беспощадную правду, которой избегают все остальные, которой не желает обладать почти никто из живых?...

Задавать себе неразрешимые вопросы - преступление в мире готовых ответов. Заданные, они вызовут бунт ума, крах действительности. Чем будут ответы на них? Обоюдоострой мудростью?... Правдивым предсказанием из уст признанного лжепророка? Или...? Или только страх перед безжизненным молчанием заставит оставшихся в живых вновь звать к себе мёртвых?...

Нет места понятию индивидуальной чести в системе публичного блага... Честь там - ругательство... Человек чести - человек вне закона... О чём помышляет каждый из человеческого множества, как не об умиротворяющей иллюзии обретения среди толпы индивидуального блага? ... Чья рука добросит первой пробный камень до неосознанных ещё человечеством идеалов?...

О каком утешении, о каком равенстве может идти речь?! Добровольно избравший участь раба должен постигать своё место...

Нет хлыста тому, кто обрекает свою природу сознательному противодействию... и только Хаос - неизмеримая плотью величина для разрешения парадоксов разума...

Человеческая мысль беззащитна перед вторжением в самое себя... Каждый раз, минуя порог безумия, она нуждается в стальных слугах... в стальном оружии... в ежовых рукавицах... Она

нуждается в якорях извне... в площадных столпах остроумия... в авторитарных правилах формирования себя...

Каких богов могли породить вырождающиеся народы? Кто из них обронил это презренное семя в человеческий ад?

Здесь, в человеческом аду, живым богам нет места...

Смертные боги живого мира... Они реальны, как живые, или они реальной живых?... Они населяют трупами живые воспоминания, отравляя память ещё живущего поколения смутными предчувствиями скорого расставания... Покинув свои тела, живые окажутся полностью в их реальности. Так станут ли живые ирреальны по отношению к нынешнему, живому времени? Будет ли надежда на то, что они окончательно безвозвратны в этом скорбном ритуале? Возникнет ли вновь нужда повторить всё с самого начала, если похоронный обряд не будет совершён по их правилам?

Дважды бог счастлив - когда рождается безымянным, и когда о нём умирает всякая память.

Куда не пристало смотреть живым, что не пристало замечать смертным?... Видеть то, чего не видят другие - проклятие или благо? Не справедливо ли то чувство, что обуревают смертных - вырвать те глаза, живые либо мёртвые, что хоть единожды, но видели истину?...

Все общечеловеческие ценности произрастают на костях умерщвлённых, и что стоит тому, чей внутренний мир - трупная яма для отживающих идеалов, похоронить в себе всякую надежду?... Сколько раз нужно отнять души у всех живых, чтобы вычерпать до дна Царство мёртвых?...

Всё то истина от Дьявола, что заставляет не отворачиваться от неизбежного... что заставляет желать невозможного... что заставляет играть против правил... Искусством Дьявола становится всё то, что способствует желанию возникновения препятствий на пути, препятствий тем более суровых, чем более сильным является желание проверить своё собственное искусство.

Кому-то дано обуздать человеческое... Кому-то должно противопоставить человеческое себе... Кому-то дано упорядочить все в новых канонах расчленённого порядка, в прямолинейных идеалах грубого нигилизма, но всем им противостоит божественный порядок, насаждающий изнутри азбучные истины, оригинальные шаблоны для наложения на хрупкую действительность, формы для оправдания необходимости существования пущенной в тираж индивидуальности... Увы... Воображение одного - всегда основа для формирования действительности другого... Уродства великих - всегда достояние посредственностей...

Какой тиран в должной мере последователен в применении силы, чтобы не ждать от рабов одобрения своих действий?

Иррациональный, губительный ход мысли стоит самого страшного оружия... Он направлен поперёк, он направлен наперекор, высвобождённый и независимый, ломающий барьеры Логоса, созидающий действенные, противодействующие мерному течению бытия чуждые входы и выходы, инфернальные сны и явь, фронтальные грех и жестокость - болезненные подтверждения беспощадной реальности слияния внутреннего и внешнего миров вселенского апостаты...

Что может испытывать взывающий к живым и мёртвым, остающийся на краю, по эту сторону Бездны? Что может видеть за чертой жизни с трона всех слепых, с трона всех мёртвых, чем может обладать осуществляющий краткий срок своего правления с медной десницы всадника Смерти? Кто призывает мёртвых, разочаровывая живых? Кто призывает идти за живыми и мёртвыми, обладая даром *воскрешать мёртвых*...

До тех пор, пока псы грызутся над брошенной им костью, должно полагать путь открытым...

Dum... vivescere Morte...

[↑К оглавлению↑](#)

Sacrophagia.

Автор: Valentin Scavr

Synarthrosis tu skenus; diamelisis tu logu...

Исследованы глубины порока... раздвинуты чертоги плоти... огненные языки гложут опоры подъёмных мостов... кости желания протянуты над порфиловыми ущельями... Архаические таинства отлучающего от себя Хтоноса вытягивают черепа неотвратимого жребия из врат косматой бездны... Указующие персты... напряжённые фаллосы... лица привратников в бледном смятии... неспешно движение в незаживающую рану цвета свержения ржавой меди... Проникновение в храм всех ослеплённых... священное омовение в осквернённой купели всех обособленных... погружение всем своим естеством в кипящие смолы... в разбитые колбы, где низменно ютится потерянная жизнь, лишённая мужества... в освежёванную мощь, где постигается химия тела...

Смертное бремя вынесено на женских плечах из безвестности... створы устричных уст разведены в усмешке превосходства... сырые тетивы сухожилий натянуты до предела в усилии... растрёпаны между зубами верёвки упорной ноши, копыя врагов указуют на полночь... следы и устья ревностных возлияний вытерты насухо святынями побеждённых... скобы разума расшатаны обнаженным принуждением... соскоблены со щитов окислы гуманизма...

Стекающая глубже глазных впадин, извергаясь выше фейверков тёмного вождения... под монотонное расшатывание, под шуршание неповоротливых истин пылают схоластические умы священнодействием негласных положений... устремлённые к голоду аскетической плоти... воют букцины незамедлительного вторжения...

Плотоядные творцы ужаса готовы к бойне...

Проваливаясь во глубь всего зияющего, соскальзывая вовнутрь мохнатых сот матриархальной, косной материи, сквозь рассечённые хребтами осколки кровавого одеяния, опускаясь глубже заунывных течений, ниже громоздких тонов первобытных мотивов, выплёскиваемых из распоротых гортаней, запекшиеся на плахе оды столпотворённых откровений божественного

солипсизма рождают страх перед слепотой...

Натиск неистовой фаллофории... Вышелушивание обнажённого дна...

Неустанно, как маятник, вспахивая благодатную почву, засеивая соль и пепел внутри ограды из бычьей шкуры, лжёт напряжённый путь оккупанта острого мироощущения, жнеца проклятой харизмы... Враг стонет под пятой поражения... препарировано духовное уродство на утробном уровне... чарующие стоны завершающей элегии посвящены поруганию... дары крови отданы безвозмездно... брошена на алтарь сиюминутного насыщения... пища победителей - плоть побеждённых...

Циклопические дуги рвут нёба... Кровеносные магистрали вбирают в себя весь прах, весь мусор натужных процессов глубинной экзальтации... Под стегающий лай белокостных лютей, под визгливое вожделение ржавеющих механизмов, оголтелый прорыв под гнетущие своды пресмыкающегося призрака истошной боли ведёт в сечения раздора... Это растёкшееся по венам пламенное наследство Титанов... Панорама страстных баталий... Пафос утомлённой в борьбе героики... Осаждённая фаллическими метафорами анафемствующая похоть...

Литургии совращения... Пустые сети морализирующей совести... засорённые стоки, в коих кощунственно гнездится истлевающая жизнь... Вздыбленная и растерзанная плоть хмельного Диониса... Потаенные чертоги Дианы - охотницы... Ночные наездники пролитой влаги... Пульсирующие скарбницы всех членистоногих пылают в подражании икарокрылым... коленопреклонные пороги обиты суетной кожей... Это страницы порока... Это последний приют земных усад плоти и разума, перекошенное в гротеске лицо утомлённой диады...

Измождённые сочленения разведывающей плоти... Жадные рты Содомы берут в плен многомудрые головы с приливом солёного наваждения в бескрайнем дыхании макрокосма... и бесплотный вторгается в бесплотного, следуя прокаженным путям новоявленного Мессии... Жалобно стонут полые, нагруженные мясом реи, скорбные мачты обращены к берегам обетованным... Флот жмётся к спине покровителя, к спине спасителя - сотероса при встречном тяготении... Обильная, мучная плоть - десерт судьбы для надежд виртуозных нейрофагов дарует восполнение утраченного... Они - отобогои, отданные на расправу... Сожранные навеки...

Это эксгибиционизм первобытной души... Судорожные метания на обрезанном колу, клаустрофобия между миской и распятием... между доступной любовью и недостижимой ненавистью... Это - мистические пассы прогорклого бриза... Упругие сферы и жаждущие скольжений бёдра войны... стремительный бег гончих...

Мессы проведены под покровом перверсии... Полукружия чёрных глаз обведены кровью...

Чадящие огни пронзительны жгучим насилием... возвышенное надругательство в первобытных чашах Сильвана... в выбритых ложбинах Эроса... смерть и рождение на периферии рассудка... Непорочные зачатия и похороны совершаются на небесах... змеящиеся короны даруются сильнейшим...

Набухшие почки и зрелость растянутых на простыне вен... Сладкие соки выпиты, жаркие плоды отворены... огнедышащая звезда и косматые, горбатые менады... томный огонь стекающих с её губ выделений... её воронья свита, что собирается вокруг вставшего на дыбы утёса... куртизанки, что ложатся в колыбель с посланниками радиоактивного света... облачены в траур...

Оседланный супруг, взнузданный бог эрегированного интеллекта... бог равный другим богам человеческого вырождения... объёмлет желудком... Ароматы чужого опыта обуревают желаниями истлеть на дне пещерного тракта... жёсткое сплетение нервных тел под пологом разума - афродизиаки для бесталанной души... Вздутые, кожаные мешки - хранители вселенных - тщатся вознестись в песках к полуночи... Ядовитые стрекала прозревших глаз язвят кислотой души... Алебастровые ореолы, щетинистые орнаменты млечных протоков нависают гроздьями...

Это - повседневная эсхатология пищи обыденного рассудка... иерархия эмбрионов дна... Ведомый путь совершенствования... Наёмники, полубоги, рабы... Должен быть принесённым в жертву своему величию только один из них, обезображенный ненавистью и источённый благоуханием щелей юности, избранник флоры, убаюканный шуршанием ночных, сладострастных крыл, утыканный иглами похотливых выстрелов...

Изысканное насыщение чужим телом...

Это решающий поворот на пути к посвящению в иерофанты... искусная дуга пути преодоления анатомических препятствий... могильное торжество губ проклятия... судорожная эйфория багровых врат... острые ущемления венериних укусов... и муки разбрызгиваемых рывков пленения... в неизбежном повиновении... во влажном танце умирания...

Нелетописные баталии... Тайные гекатомбы ночи раскрывают свои объятия... Змеи сплетённых пальцев, гибкие, как кинжальные заговоры грозного ареопага седоглавых тиранов, принимают новые обличия, вонзаясь в спины обесчещенных...

Физиология твари олицетворена в возвышенном... Застывшие изваяния галерей логики безмолвны...

Это - изошедшие кровью топи властолюбия, болота неугомонной страсти подчинять своему моменту... Потворствующая сокровенным желаниям раболепная *rsuche*... Выменная тоска хомутающих языков... языческая прелюдия вожделенного навета.

Возносят хвалу утреннего огня апологеты эстетствующего мазохизма... следуют букве ярёмного закона... Слуги Антонова огня... Черви Адамова яблока... Виснущие на сосцах чумные процессии возносят хвалу Господу всех барельефов томного угасания... Стенобитные тараны тайных садов монашеского вожделения... горящие стены обрушены, раскаленные жерла кремниевых орудий нацелены... изнеженные рты искривлены - в агонии... Это - дурные предзнаменования... Это - дань могуществу трусливых...

Богохульное семя слизывает образ измышленного творца и обнажает безобразный лик истинного... Жреческое богохульство, акт высшего благочестия перед лицом своего бога являет утробное благовещение... Чревозвещённые заповеди... Выблеяные слова о послушании... Оргиастические преамбулы истекающего эксцесса...

Игрища проституток алтарного притвора открывают врата за вратами, чтобы отвернуться от ничтожества и пасть в вакханалии... Взывающие непристойно в толпе ряженных вдыхают лунные споры в период спаривания ликантропов... Активное слияние с богом всех безумцев... Блеклые отзвуки гигантомахии... виртуозная игра на арфических складках сокровенной жизни... Высшая ценность и разменная монета - человеческая невинность... свадебные дары Минотавра... брачное ложе Прокруста... Каждая частица вопит от боли... недостижимые мечты имеют своей целью воплощение в мучении... Отстёганная плоть багряной жены обнажена вне всякого стыда и сочувствия... находится в иступлении перед актом борения за свою верность... Цепные битвы за пределами оболочки... сцены аркадного насилия над распроданной девственностью...

Расторгнуты прежние контракты, заключены новые... Раструбы хрипа молчат... Холодны мраморные вены...

Эклектичное убранство внутреннего пространства... Полуночный жар в чадающей плавильне сердец Танатоса... Прочерченные границы горьких теней беспалых дланей, чёрная купель несмываемых кошмаров... сферы пыточных часов роятся бесконечностью... Холокостическое уединение безвозвратных элементов в неге филантропии... В храме священной флагелляции реликварий расчленённых мумий... Громоздкие таинства возвышенных проникновений с глубокой болью и кротким наслаждением... Страстное насаживание на вертел сходящегося времени... Это краткий миг совершенства, сакральный восторг власти и унижения - смертное вожделение совокупления с хищником... податливое сопротивление желаемому распятию... слияние плоти и души в противопоставлении друг другу...

Anaklesis... Жатва утраченных... Жертва неверных в интимной близости парадиза... Культура построения пространственных диспропорций... Искусство доведения абсурда до логического завершения... Животная мощь дикарей корня кентаврического плодородия негибаема перед лицом нагого сокровника... неспешна в пламени вхождения... оставляя своё мясо холодным, свои чувства - непристойными... рефлексии мышц в агонии и наслаждении... инстинктивные азы потерь и наполнения... Это фантазмагории свинцового рассудка... неизгладимое уродство черт антропоморфного мышления... завершающие акт войны непристойные фигуры противопостижения... инструмент священного террора...

Обезглавленные и засеянные... Рассыпанные в оврагах... Сминающие клобуки анахоретов... Готовые к боям отборные фаллосы... упорные фалангиты находятся в сражении... щекою к щеке... умбонами в землю... в непрерывном вращении в панцирном обрамлении дисциплины... сохраняя натруженные губы в вечном слиянии с текущей плотью... Это - рваная ткань палингенезии... необратимое изменение в обличиях распада... Эхо вечного возвращения к неуспокоенной жизни... совращение всех невинных изнанкой разоблачённого бескорыстия... жалкий урожай отдающихся со страстью и усердием... истлевающих в боли и желании...

Глубокие женщины и обесславленные мужчины обглоданы одной цепью... отягощены борьбой за своё выживание... клеймённые тавром прогрессирующей энтропоморфии... бесконтрольным отрицанием... неразборчивым поглощением... Растерзанная невинность под невежеством клинков

сырого проникновения... нашествия орд варваров... Первобытная дикость под буйными топорами кроткой цивилизации... Мечное мясо для возвышения всех неправедных... Непристойный пир на тлеющих останках двойственного пробуждения человеческой природы...

Это - постижение козлиного существа... обуздание теней чудовища... воспитание жестокой воли в овладении непростым искусством обладания... Это - желчная окись трагедии... катарсис изначальной силы в животном храме... анналы ослепшей от знания души... причастие даров семени Рогатого...

Эои... Святопожиратель... Anthroporphaistes...

Syngenesthai toi kakodaimonioi...

[↑К оглавлению↑](#)

Demogorgon.

Автор: Valentin Scavr

Части книги:

**GORGONI VERBUM I:
ALPHABETUM STYGIUM
Scriptum Malesuadiorum**

Книга говорит о договорах, заключаемых человеком с Дьяволом. То, что часто приписывается всем Сатанистам - продажа души Дьяволу - в действительности для Дьявола и Его верных обозначает собой *человеческое*.

Принцип отношений с Дьяволом иной, и не может строиться на земной выгоде, как слишком низменном чувстве.

Следуя пожеланиям автора, текст книги закрыт. Получить его можно, отписав мне (Darksign) на dhesh@gmail.com.

[↑К оглавлению↑](#)
